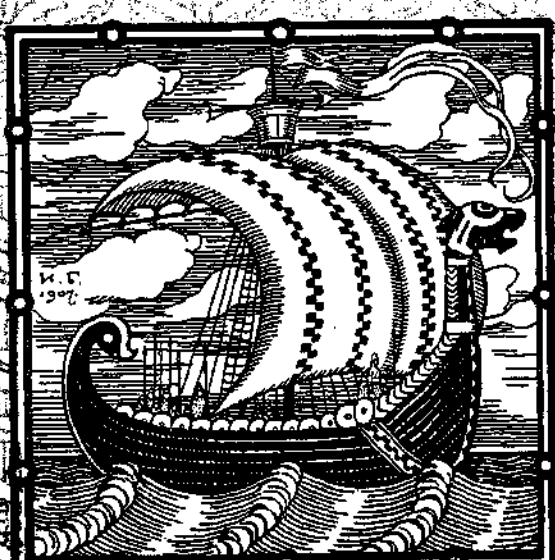


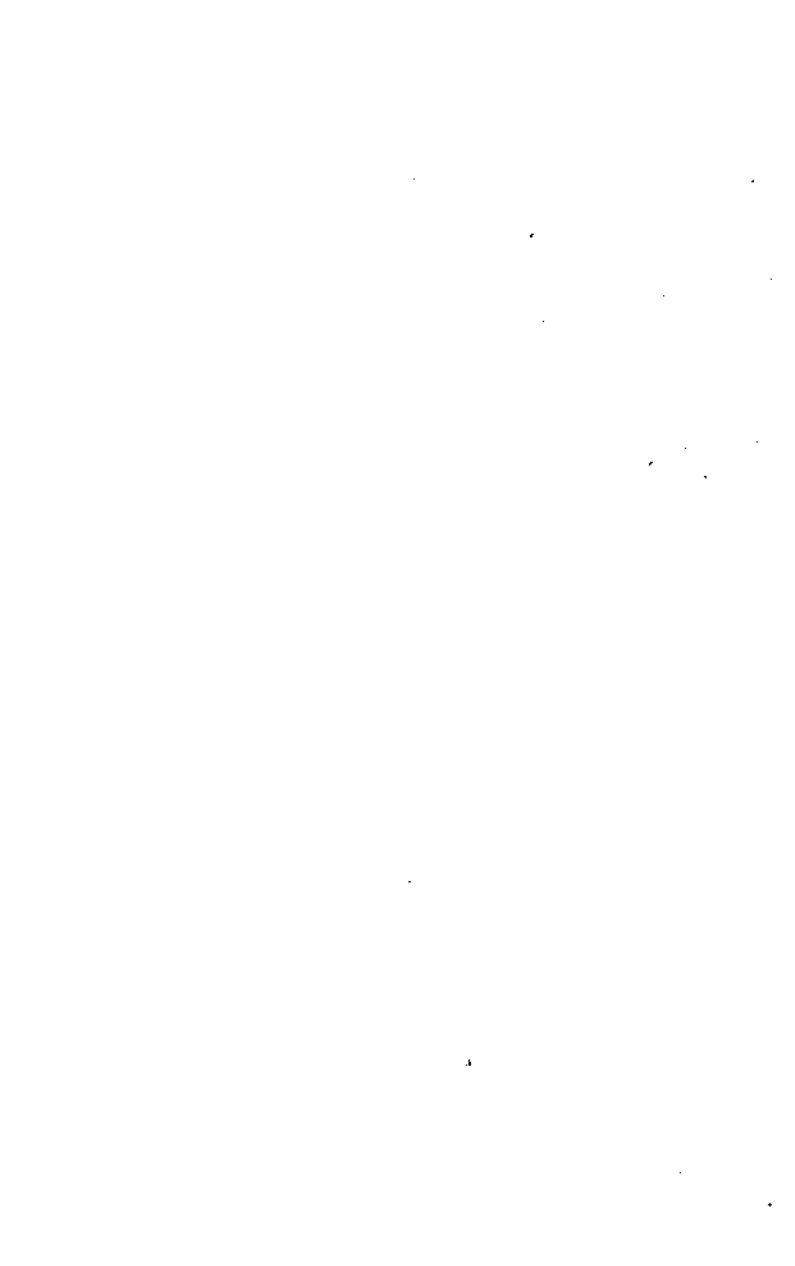
# СВЕРХОВЫЕ БОРНИКИ

издательства  
"МТОВНИКЪ"



И. С. СТОЛБОВ

С. Р. Е.



А  
Съверные  
Сборники

издательства  
„Штольцъ“



книга седьмая



2007083023


С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Андерсона и Лойцянскаго, Вознесен. пр., 53.

## ПЕРЪ ГАЛЛЬСТРЁМЪ.

1. Thanatos.
2. Простая трагедія.
3. Въ синемъ лѣсѣ.

Пер. А. Острогорской.





## ПЕРЪ ГАЛЛЬСТРЁМЪ.

Его произведенія Пера Галльстрёма обращаютъ на себя вниманіе большое разнообразіе какъ сюжетовъ, такъ и художественныхъ формъ, въ которыя они вылились. Отъ отдаленной древности Галльстрёмъ перескакиваетъ къ современности, отъ современности къ среднимъ вѣкамъ; отъ будничной повседневности переходитъ къ сагамъ и мифамъ. Такъ же разнообразны и формы его произведеній: тутъ и лирика, и драмы, и романы, и небольшіе рассказы и новеллы. Но во всемъ этомъ чувствуется что-то непостоянное, вѣчное исканіе и неудовлетворенность, что-то тревожное и безпокойное. Наряду съ тонкой наблюдательностью и подчасъ нѣсколько горькой ироніей реалиста и аналитика, проявляющимися въ обрисовкѣ человѣческихъ типовъ, мы находимъ неисчерпаемый источникъ самой необузданной и пылкой фантазіи, имѣющей въ своей палитрѣ богатѣйшую гамму красокъ и тоновъ, то яркихъ и звучныхъ, то мягкихъ и нѣжныхъ, для созданія образовъ и выраженія тончайшихъ оттѣнковъ настроенія.

Перъ Галльстрёмъ родился въ 1866 году. Первое выступленіе его на литературномъ поприщѣ относится къ началу 90-хъ годовъ. Это было время, когда въ шведской литературѣ начался переломъ. Реализмъ 80-хъ годовъ не долго продержался въ ней. Заимствованный извнѣ, чуждый шведскому національному характеру, онъ не могъ

найти себя въ Швеціи благодарной почвы. Въ началѣ 90-хъ годовъ наступаетъ рѣзкая реакція противъ натурализма съ его рефлексіей, съ его сухимъ изображеніемъ сѣрой, будничной дѣйствительности. Общій характеръ литературы 90-хъ годовъ лирической по преимуществу и романтической, но, какъ всякое переходное время, и этотъ періодъ сохраняетъ еще нѣкоторыя черты предыдущаго, что сказывается, наряду съ живой и богатой фантазіей, въ способности ясно различать пестрый рисунокъ жизни.

Но ни у кого, можетъ быть, изъ писателей этого времени, не проявляется такъ рѣзко борьба между старымъ и новымъ, какъ у Пера Галльстрёма. Это находится въ связи съ глубокой двойственностью его натуры. Съ одной стороны разсудочность, аналитическій умъ, тонкая наблюдательность реалиста, съ другой — необычайно богатство фантазіи, мечтательность, романтизмъ и даже нѣкоторый мистицизмъ. Характерны для него первые шаги его въ практической жизни. Двадцати двухъ лѣтъ онъ съ дипломомъ инженера отправляется въ Америку, чтобы окунуться въ самый водоворотъ практической жизни, въ самую гущу утилитаризма. Но среди грохота и треска и головокружительнаго темпа американской жизни его влечетъ къ себѣ родная Швеція съ ея огромными молчаливыми лѣсами и тихими лѣсными озерами, съ ея долгой зимой и короткимъ пышнымъ лѣтомъ, другой міръ, таинственный и романтический, гдѣ за внѣшнимъ, видимымъ скрывается богатое внутреннее содержаніе, — влечетъ все то, что таилось глубоко въ душѣ его и было въ ней сильнѣе, чѣмъ онъ подозрѣвалъ. Проведя въ Америкѣ два года, онъ возвращается домой и въ 1891 г. выпускаетъ свой первый сборникъ стихотвореній (*Lyrisk och fantasier*). Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ въ 4 года, и только въ 1895 г. появляется сборникъ разсказовъ *Vilsna fåglar*, за которымъ слѣдуетъ



цѣлый рядъ мелкихъ разсказовъ, драмъ и романовъ. Но ни въ лирикѣ, ни въ драмахъ (*Grefven af Antwerpen*, *Bianca Capello*, *En veneziansk komedi*), ни въ романахъ (*Våren*, *Gustaf Sparverts roman* и др.) онъ далеко не достигаетъ той художественности, какую отличаются его небольшія вещи (небольшой разсказъ *Döda fallet*, сборники *Purpur*, *Briljantsmycket*, *Thanatos*, *De fyra elementerna*). Живость и пылкость его фантазій, неисчерпаемое богатство красокъ, умѣніе находить въ самыхъ незначительныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ отраженіе глубокихъ душевныхъ движеній, умѣніе схватывать тончайшіе оттѣнки настроенія, какъ въ людяхъ, такъ и въ природѣ,—все это лучше всего проявилось въ его новеллахъ и мелкихъ разсказахъ. Природѣ онъ удѣляетъ въ нихъ не мало мѣста, и, можетъ быть, ни одинъ изъ современныхъ шведскихъ поэтовъ не достигаетъ такой красоты и поэтичности въ изображеніи природы, какъ онъ. Описывая какой нибудь ландшафтъ, осенній день или лѣтній вечеръ въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, онъ находитъ слова и образы такой яркости и пластичности, что мы ощущаемъ ихъ почти физически.

Другой мотивъ, къ которому онъ постоянно возвращается въ своихъ произведеніяхъ, это смерть. Этотъ мотивъ встрѣчается у него во многихъ разсказахъ и романахъ, ему-же посвященъ цѣлый сборникъ *Thanatos*, изъ котораго взяты два разсказа для настоящаго сборника. Перъ Галльстрёмъ изображаетъ смерть въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и самой разнообразной обстановкѣ, но никогда она не рисуется ему чѣмъ-то отличнымъ отъ жизни или враждебнымъ ей. Напротивъ, жизнь и смерть сливаются въ его представленіи; смерть есть подтвержденіе жизни, ея вѣнецъ, ея высшая точка; на фонѣ смерти явленія жизни, чувства и движенія человѣческой души

приобрѣтають глубину и значеніе. Говоря о смерти, онъ всегда окружаетъ ее мягкой торжественностью и величіемъ, въ которыхъ тонетъ все мелкое, незначительное, смѣшное и безобразное и сглаживаются всѣ различія. Въ смерти онъ видитъ примиряющее начало, ту гармонію, которую ему такъ трудно найти въ жизни, при глубокой раздвоенности его натуры. И для изображенія смерти у него находятя полные поэтической прелести, нѣжной и мягкой меланхолической тона, составляющіе такой странный контрастъ съ потребностью его фантазіи въ яркихъ образахъ и сочномъ колоритѣ.

## Thanatos.

Съ дуновеніемъ вѣтра донеслось и воспоминаніе въ то утро, когда я вышелъ на лѣсную опушку, гдѣ, среди ложившихся отъ деревьевъ на землю длинныхъ тѣней, золотились пятна солнечныхъ лучей и уже начинавшія желтѣть листья. Поле передо мною слегка понижалось, еще свѣжее и зеленое подъ легкимъ росистымъ налетомъ, отмѣчавшимъ слѣды вчерашнихъ шаговъ еле замѣтными слезинками и сгущавшимся на наиболѣе длинныхъ травинкахъ въ сверкающія искорки.

Дуновеніе вѣтра, какое бываетъ только въ первую осеннюю пору, безконечно легкое и чистое въ своемъ отсутствіи ароматовъ и своей прохладной свѣжести, въ которой еще не чувствуется сырости влажныхъ листьевъ. Ощущеніе только что выкупавшагося, трепещущаго молодого тѣла, нѣжащагося подъ лучами блѣднаго, уже слегка усталаго солнца.

Можетъ быть, и свѣтъ падалъ въ эту ми-

нугу на лицо какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, какъ никогда раньше. Можетъ быть, въ отдаленныхъ уголкахъ забвенія, таящихся въ каждомъ изъ насъ и изъ которыхъ лишь сонъ одинъ извлекаетъ воздушную ткань для своей прихотливой игры, это именно и пробудило слабое эхо, мерцаніе въ сумракѣ, и очарованный взоръ потонулъ въ тонкомъ кружевѣ тѣней, и время исчезло, и прошлое встало предо мною, какъ живое. Можетъ быть, изъ гуши лѣса раздался вдругъ одинокій голосъ птицы,—ибо онъ теперь больше не поютъ, — такой слабый, что только внутренній слухъ мой уловилъ его, когда я проходилъ мимо. Можетъ быть, съ ближняго кладбища меня коснулось одно изъ тѣхъ дуновеній изъ міра мертвыхъ, которыя мы смутно чувствуемъ, но которыхъ не понимаемъ, соединилось съ прочими впечатлѣніями — свѣта, и звука, и дыханія вѣтра,—и отворило на неслышныхъ петляхъ двери къ прошлому. Но каковы бы ни были впечатлѣнія, пробудившія воспоминаніе,—оно встало передъ моимъ умственнымъ взоромъ, свѣжее, и легкое, и меланхолически-ясное, какъ осень кругомъ. И подобно тому, какъ иной разъ въ задумчивости срываешь на ходу вѣтки и цвѣты, складываешь ихъ машинально въ букетъ и, лишь придя домой, замѣчаешь, что изъ нихъ получилась причудливая

гармонія красокъ, такъ и теперь, когда память ничего больше не могла извлечь изъ забвенія, я увидалъ вдругъ, что изъ моего букета образовъ создалось нѣчто, похожее на художественное произведеніе.

Это было давно тому назадъ; я былъ еще почти ребенкомъ. Я гостилъ продолжительное время въ одномъ помѣстьи, въ мѣстности, которой я съ тѣхъ поръ никогда больше не видалъ. Это была однообразная равнина безъ воды, совершенно новый для меня ландшафтъ, къ которому мнѣ вначалѣ трудно было привыкнуть. Только маленькая рѣчка, сильно мелѣвшая лѣтомъ, медленно и лѣниво вилась среди полей частыми и крутыми поворотами; казалось, будто она каждую минуту готова отказаться отъ намѣренія пробраться впередъ и повернуть обратно къ своимъ истокамъ, безпрестанно, незамѣтно для другихъ, взвѣсивая всѣ за и противъ этого предпріятія. По привычкѣ она, однако, продолжала течь впередъ и, пробѣжавъ не знаю сколько времени или какое разстояніе, впадала въ маленькое озеро, одинъ край котораго былъ виденъ на горизонтѣ. Тамъ же, въ отдаленіи, виднѣлся и крохотный лѣсокъ съ низкой и бѣдной растительностью, некрасивый и мало привлекательный. По всей равнинѣ прямыми линиями бѣжали дорожки отъ селенія къ селенію,

цѣлая куча которыхъ была разбросана на ровной поверхности. Семь церквей возвышало къ небу свои крохотныя бѣлыя колокольни; единственное, чѣмъ онѣ отличались одна отъ другой, были ихъ имена, изъ которыхъ всѣ почти ускользнули изъ моей памяти. Дороги тянулись обнаженныя, желтыя подъ лучами солнца, и только къ господскимъ дворамъ бѣжали аллеи кленовъ и вязовъ, словно желая обогнать другъ друга. Но въ лунныя ночи, когда прудъ лежалъ сонный и весь бѣлый, какъ снѣгъ, и копны ржи на поляхъ казались рядами какихъ-то фантастическихъ существъ, когда лѣсъ—эта темная масса мрака, перехваченная кой-гдѣ сверкающимъ серебромъ—со своими черными тѣнями, точно длинными волочащимися плащами, оживалъ, когда оживали и церкви и словно скользили надъ могилами,—тогда мнѣ не трудно было находить поэзію даже и въ этой природѣ.

Понемногу, впрочемъ, я научился находить ее и не въ лунныя ночи. Обширная равнина, ровная, какъ спокойная поверхность воды, съ ея мягкой, сочной зеленью первой лѣтней поры, съ огромнымъ, простирающимся надъ нею воздушнымъ куполомъ, подъ которымъ, казалось, еще не достаточно было простора заливавшимся трелями жаворонкамъ, съ ея колосающимися въ серединѣ лѣта хлѣбами, отливающими шелкови-

стымъ блескомъ при каждомъ дуновеніи вѣтра, съ неутомимымъ трещаніемъ сверчковъ, позже, надъ оголеннымъ жнивьемъ—все это вызывало во мнѣ настрсенія, въ родѣ тѣхъ, какія переживаешь на берегу моря. Получалось впечатлѣніе безконечности времени, впечатлѣніе проходящаго, постоянно умирающаго и въ то-же время не перестающаго существовать; я видѣлъ предъ собою цѣлыя поколѣнія, прокладывавшія борозды въ почву, видѣлъ ихъ молчаливое умирание и прислушивался къ ихъ нѣмому покою за оградами маленькихъ сельскихъ кладбищъ.

Домъ, въ которомъ я жилъ, былъ расположенъ посреди равнины на небольшомъ возвышеніи. Это былъ большой каменный четвероугольникъ со множествомъ мелкихъ стеколъ въ окнахъ, въ которомъ мнѣ никогда не удавалось видѣть ничего, кромѣ прозы. На самомъ верху находился фонарь, дававшій свѣтъ большому, сводчатому, пересѣкавшему оба этажа залу, и изъ фонаря были видны всѣ семь церквей, изъ которыхъ одна находилась довольно близко. Передъ домомъ простирался окруженный деревяннымъ заборомъ садъ, большой и, какъ это часто бываетъ, немного запущенный. По другую сторону подымался довольно крутой холмъ, на которомъ нѣкогда, должно быть, стояла бесѣдка. Этотъ холмъ носилъ шаблонное

названіе «холма Флоры», и на немъ я часто лежалъ, наслаждаясь поэзіей, какъ печатной, такъ и той, которой была полна вся равнина и окружающая тишина.

Я былъ въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ легче, если и не глубже всего способенъ проникать въ поэзію и природу и когда онъ труднѣе всего уживается съ людьми—если въ его собственномъ характерѣ есть какая-либо особенность. На каждомъ шагу онъ попадаетъ въ просакъ, презираетъ всѣ формы общежитія и страдаетъ отъ того, что не владѣетъ ими, обнаруживаетъ одновременно большую строптивость и чрезмѣрную чувствительность, способность увлекаться и вмѣстѣ съ тѣмъ недоувѣрчивость. Онъ богаче, чѣмъ думаютъ другіе, но все золото его души лежитъ еще въ слиткахъ и не имѣетъ движенія; другихъ онъ считаетъ бѣдняге, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ. Въ обществѣ онъ изображаетъ журавля у лисы съ ея плоскимъ блюдомъ; но зато въ одиночествѣ онъ съ тѣмъ большей гордостью обращается къ своему узкогорлому кувшину. Больше всего къ нему подходятъ тѣ вымышленные, имѣющіе наиболѣе сходства съ нимъ самимъ образы, въ которые какой-нибудь поэтъ съ священнымъ огнемъ въ душѣ, съ нѣкоторымъ богатствомъ идей и не-



дисциплинированного чувства, но безъ большого пластическаго таланта, вкладываетъ свое я.

Въ болѣе поздніе годы обыкновенно вспоминаешь съ улыбкой объ этомъ времени, относишься къ нему юмористически, но оно заслуживаетъ лучшаго; въ немъ много серьезности, а часто и трагизма. Это идеализмъ юношескихъ лѣтъ, трепещущій передъ дѣйствительностью, какъ сивилла на треножникѣ, въ полуболѣзненномъ, полу-пророческомъ бреду трепещетъ и содрогается подъ леденящими дуновеніями, струящимися изъ мрака пещеры и изъ глубины ея собственнаго я. Онъ чаще оканчивается капитуляціей, чѣмъ побѣдой, но можетъ также остаться навсегда, неразрѣшившійся и скорбный, и тогда счастье представляется бессмысленнымъ звукомъ. Несмотря ни на что, это все таки прекрасное время, и не много есть людей, имѣющихъ право смотрѣть на него свысока.

Но, возвращаясь къ самому себѣ, я долженъ сказать, что не было ничего удивительнаго въ томъ, что мнѣ трудно было ужиться въ той обстановкѣ, въ какой я находился. Люди, меня окружавшіе, были дворяне-помѣщики съ большимъ запасомъ здоровья и еще большимъ—жира, съ шаблонными взглядами и пошлыми развлеченіями; женщины съ тихими недугами

и тихими улыбками; наконецъ, дѣти, ибо молодежи въ этой мѣстности не было совсѣмъ. Взрослыхъ тяготила моя разговорчивость, когда я не могъ ее сдержать, дѣтей — моя молчаливость; самъ же я охотнѣе всего держался въ сторонѣ какъ отъ однихъ, такъ и отъ другихъ.

Не было бы ничего, къ чему память могла бы привязаться въ то лѣто, если бы не Тереза. Много времени прошло, однако, раньше, чѣмъ я ее открылъ.

Она была старшей изъ дѣвочекъ въ семьѣ, въ которой я жилъ, старшей изъ живущихъ, потому что старшая сестра ее умерла годъ тому назадъ скоропостижно и неожиданно; она была нѣсколько моложе меня и, слѣдовательно, еще дитя. Когда я прѣхалъ, она ходила еще въ черномъ по случаю траура; рядомъ съ матовой блѣдностью кожи, оставшейся послѣ недавней болѣзни, румянецъ ея щекъ выдѣлялся больше обыкновеннаго. Глаза ея сверкали счастьемъ и радостью оттого, что пришелъ конецъ однообразію ихъ жизни.

Когда она шла мнѣ навстрѣчу черезъ высокій сводчатый залъ, въ которомъ было что-то, напоминавшее церковные своды, у меня сразу, не знаю почему, появилось впечатлѣніе, что такъ должна была выглядѣть умершая, въ освѣ-

щеніи солнечныхъ лучей, и что ее самое ждетъ ранній конецъ. Когда она затѣмъ протянула мнѣ руку съ обычнымъ присѣданіемъ и слегка нерѣшительнымъ смѣхомъ, впечатлѣніе это исчезло, попросту ступавалось передъ той мягкой веселостью, которую она вносила съ собой, словно роняя ее вокругъ себя, какъ капли росы или дождя,—она была дитя, на которое весело было смотрѣть, ничего больше. Мы съ нею не сошлись ближе, но я охотно шутилъ съ нею; она обладала полнымъ отсутствіемъ самолюбія, что необходимо даже въ дѣтяхъ для того, чтобы шутка могла доставлять ни чѣмъ не омраченное удовольствіе.

Я жилъ своей жизнью, жизнью книгъ и грезъ, она своей—жизнью воздуха, свѣта и движенія, столь-же непосредственной, какъ жизнь какого-нибудь сѣтчатокрылаго, можетъ быть, столь-же безсодержательной, столь-же прихотливой и красивой. Въ своемъ траурномъ платьѣ она, дѣйствительно, напоминала мнѣ одно изъ такихъ порхавшихъ надъ рѣкой сѣтчатокрылыхъ, съ его мягкими, черными, бархатными крылышками, составлявшими странный меланхолическій контрастъ съ тонкимъ, сверкающимъ тѣльцемъ, которое они поддерживали. Тоска по сестрѣ давно прошла у нея; на ней также не было больше замѣтно слѣдовъ того ужаса, той внезапной

тѣни, какую смерть должна была набросить даже на ея жизнь. У старшихъ членовъ семьи она замѣчалась. Она являлась все снова и снова, неслышно и внезапно, не вызванная какимъ-либо словомъ, брошеннымъ отъ одного къ другому, являлась непосредственно вслѣдъ за улыбкой, быстрая, какъ эхо повседневныхъ заботъ и думъ. Я замѣтилъ, что они избѣгали проходить черезъ залъ, гулкія стѣны котораго еще хранили ея смѣхъ и танцы, грозя вызвать ихъ къ жизни при первомъ прикосновеніи къ клавишамъ закрытаго рояля. Большой частью радость вызываетъ такія воспоминанія, подобно тому, какъ, согласно преданію, духи умершихъ являются взору подъ вліяніемъ сильнаго свѣтового впечатлѣнія, когда стоишь въ темнотѣ и вдругъ открывается дверь въ ярко освѣщенное солнцемъ пространство, или просыпаешься отъ дремоты въ тотъ моментъ, когда въ комнатѣ зажигается огонь.

Лишь въ концѣ лѣта, когда истекшіе, въ достаточной мѣрѣ скучные мѣсяцы, подъ вліяніемъ сознанія, что я скоро уѣду, подъ дѣйствіемъ яснаго, прозрачнаго воздуха и прохладнаго дуновенія приближающейся осени, одѣлись словно дымкой поэзіи, обволакивающей все прошедшее,— лишь тогда я сблизился съ Терезой. Я влюбился въ нее. Слово это не точно и далеко не выражаетъ того, что имѣешь въ виду, когда пыта-

ешься изобразить чувства одного, еще почти мальчика, къ другому существу, еще совершенному ребенку; но я не знаю другого слова, которое-бы лучше выразило это чувство. Въ нашемъ отношеніи другъ къ другу не было ничего безпокойнаго или экзальтированнаго, никакого намека на страданія, до которыхъ мы не доросли, все было безмятежно, дѣтски-ясно, и открыто, и весело. Съ ея стороны, кажется мнѣ по временамъ, это отношеніе никогда не шло дальше дружбы, а можетъ быть, и того нѣтъ. Для меня это было счастье, обвѣянное яснымъ, блѣднымъ воздухомъ ранней осени, легкой меланхоліей и тоской предстоящей разлуки и той любовью, какую возбуждаетъ въ душѣ красивый ландшафтъ, отъ котораго надо отвернуться, чтобы итти дальше, и только руки невольно протягиваются къ нему назадъ.

По временамъ я думаю, принимая во вниманіе всю бессознательность этого чувства, что не столько она сама меня плѣняла, сколько дитя въ ней, дѣтство, ея и мое собственное. Бываетъ, что въ ясное, свѣтлое утро нѣжишься въ своей постели и, смутно сравнивая покой и наслажденіе своего полу-дремотнаго состоянія съ тѣмъ, что ждетъ тебя тамъ, за предѣлами твоей кровати, желаешь только одного—какъ можно дольше не покидать порога царства сна. Такъ и

дѣтство для меня являлось во всемъ своемъ контрастѣ съ пугающей прозой жизни, и я съ наслажденіемъ вновь отдался всей безмятежно-чарующей прелести его. Это было не трудно, потому что я еще не успѣлъ забыть его языкъ, и эти короткія недѣли или дни стоятъ теперь передо мною, какъ одни изъ самыхъ веселыхъ и легкихъ въ моей жизни.

Я не мечталъ о Терезѣ, съ мечтами я совершенно покончилъ, я не думалъ ни о чемъ, я жилъ исключительно настоящимъ мгновениемъ и находилъ для себя извиненіе и особое наслажденіе въ томъ, что оно скоро пройдетъ. Мнѣ отнюдь не было неприятно, что въ нашихъ играхъ принимали участіе и другіе братья и сестры и дѣти сосѣдей, придавая имъ еще болѣе ребячeskій характеръ. Мы бѣгали взапуски по сжатымъ полямъ съ торчащими на нихъ острыми, блестящими, хрупкими, какъ стекло, соломинками, и вечернее солнце слѣпило намъ глаза. Мы неслись верхомъ на лошадяхъ къ рѣкѣ на водопой, принимая въ вечернемъ сумракѣ призрачно-увеличенные размѣры и перекликаясь, словно откуда-то изъ далекаго прошлаго. Мы цѣлыми часами торчали въ старомъ фруктовомъ саду, подстерегая моментъ, когда начнутъ падать сливы. Мы лазили на гумно и рассказывали другъ другу исторіи, и солнечные лучи, проникая сквозь щели

въ темное, пропитанное пылью пространство, окружали насъ словно прутьями клѣтки; младшимъ мерещились призраки въ темныхъ углахъ сѣнника, что вызывало насмѣшки старшихъ, хотя они наполовину и сами вѣрили въ то, что видѣли дѣти.

Среди всего этого Тереза была для меня источникомъ постоянного счастья. Я восхищался всей ея маленькой фигуркой, ея волосами, замиравшимися отъ пота, ея шляпой, свисавшей на спину, когда она неслась на своей слишкомъ жирной, любимой лошади, на которой она сидѣла верхомъ по мальчишески, улыбкой ея яркихъ красныхъ губъ, отраженіемъ звѣздъ въ ея темнѣющихъ зрачкахъ, когда она по вечерамъ искала Малую Медвѣдицу, и розовымъ цвѣтомъ ея десень надъ короткими зубами, переходившимъ, казалась, непосредственно въ румянецъ щекъ. Я восхищался не менѣе ея веселымъ, дружескимъ обращеніемъ съ рабочими, съ которыми теперь и я приходилъ въ соприкосновеніе, ея умѣніемъ пользоваться ихъ услугами такъ, что это доставляло имъ удовольствіе.—Во всемъ этомъ сказывалось, конечно, склонность къ тому столь естественному кокетству, которое заключается почти только въ полу-безсознательномъ поощреніи: смотри на меня и радуйся! Люби меня не-

много, потому что это мнѣ нравится, и я для этого и существую.

Я все больше и больше любилъ ее, и возможно, что она это замѣчала.

Наканунѣ моего отъѣзда мы остались одни дома, „мы, дѣти“,—такъ я чувствовалъ тогда—потому что взрослые уѣхали на обѣдъ. Я долженъ былъ поѣхать вмѣстѣ съ ними, но нашель предлогъ, чтобы остаться дома. Послѣ кофе, за которымъ Тереза хозяйничала и съѣла весь сахаръ, отъ котораго я отказался, мы спустились въ садъ.

Не знаю, вліяніе-ли это того лѣта, но я ни въ какихъ другихъ садахъ не чувствую себя такъ хорошо, какъ въ старыхъ и немного запущенныхъ. Прихотливое время провело по нимъ своей рукой и разрушило слишкомъ правильную симметрію ихъ. Одни деревья состарились, посѣрѣли и покривились и продолжаютъ еще свое существованіе только изъ своего рода благодарности, хотя пользы они уже никакой не приносятъ,—или-же пали подъ ударами топора, исполнивъ свое назначеніе. Другія стоятъ, фантастически извиваясь и достигая значительно большей высоты, чѣмъ это могъ бы допустить благоразумный хозяинъ, и ихъ верхнихъ плодовъ не достать уже граблями. Птичьи чучела, давно ставшія друзьями и пріятелями для всѣхъ крылатыхъ во-



ришекъ, трещать и качаются отъ вѣтра. Кусты крыжевника вытягиваются и тѣсняются, какъ ряды злобныхъ нищенокъ. Старомодные цвѣты, какихъ никто больше не разводитъ, царскій вѣнецъ и лютикъ, нашли себѣ пріютъ въ хмѣлю, стебли котораго никнутъ на землю, словно колонны руинъ, и колышутся въ темнотѣ, поблѣднѣвшіе, какъ воспоминаніе. Деревья, появившіяся на свѣтъ въ одинъ годъ съ людьми, которые давно уже лежатъ подъ землей, стоятъ, зеленѣющія и густолиственные, радуясь солнцу, и чудится еще въ ихъ мягкой и молчаливой листвѣ отблескъ тѣхъ свѣтлыхъ надеждъ и радостей, которыя заставляли дрожать руку, обхватывавшую нѣкогда ихъ нѣжную кору. Природа взяла въ свои руки дѣло рукъ человѣческихъ, предоставленное ей, и медленно, съ безпечной любовью, придала ему ту гармонію, тайна которой извѣстна ей одной.

Взглянуть на такой старый садъ весной!

Не дожидаясь листьевъ, только что еще сѣрыя и голыя вѣтки вдругъ сразу покрываются цвѣтами, точь въ точь какъ въ сказкѣ, гдѣ король превращаетъ лохмотья бѣдной дѣвушки въ свадебный нарядъ. Сверкая въ своемъ бѣломъ уборѣ всевозможныхъ тѣней, начиная съ блѣдно-зеленоватаго оттѣнка сливы и кончая розоватымъ—яблони, чистыя и нетронутыя, какъ кораллы въ глубинѣ морской, въ какомъ-то полу-

довѣрчивомъ изумленіи, словно они вызваны къ жизни незримымъ волшебствомъ магическихъ силъ,—деревья простираютъ свой зеленый сводъ надъ молодой травой, тянутся верхушками кверху, къ свѣту.

Въ блескъ утренней росы садъ весь является въ какой-то волшебной окраскѣ — словно въ слияніи розовыхъ лучей восходящаго солнца съ блѣднѣющимъ перламутромъ звѣздъ; по вечерамъ онъ долше всего горитъ пурпуромъ. Ночью, когда луна струитъ на землю дрожащій свѣтъ своихъ лучей и садъ весь облитъ словно растворившимся въ сѣромъ золотомъ и пурпуромъ, — онъ кажется наименѣе реальнымъ, наиболѣе призрачнымъ среди всего призрачнаго кругомъ.

А осенью, какимъ мягкимъ, отдающимъ стариной, идиллическимъ спокойствіемъ дышетъ все! Воздухъ, такой ясный, и блѣдный, и легкій всюду, здѣсь кажется еще яснѣе, еще прозрачнѣе рядомъ съ яркими красками омытыхъ дождемъ плодовъ. Вмѣстѣ съ листьями, отливающими жесткимъ, металлическимъ блескомъ, только они еще и сверкаютъ, ибо цвѣтовъ на землѣ больше нѣтъ, и только еще здѣсь, наверху, проявляется стремленіе къ пышности, стремленіе болѣе холодное и спокойное, но все еще живое,—точно послѣдніе лучи вечерняго солнца, готовые скоро угаснуть.

Въ тотъ день какъ мягокъ и ласковъ былъ

старый садъ, когда мы сошли туда послѣ обѣда!

Мнѣ такъ скоро предстояло уѣхать, и поэзія разлуки, подѣ влияніемъ которой, быть можетъ, я вообразилъ себя влюбленнымъ, ощущалась глубже и сладостнѣе въ эти послѣдніе часы, какъ послѣдняя капля сладкаго вина, медленно стекающаго изъ бокала на языкъ, но настроеніе оставалось попрежнему веселымъ и ребячливымъ, да, можетъ быть, еще больше, чѣмъ прежде. Я не помню, во что мы играли и какъ это произошло, но вслѣдъ за угрозой, предварительнымъ предупрежденіемъ, которымъ она дразнила меня изъ кокетства, а можетъ быть, и любопытства, я, въ наказаніе за то, что она не хотѣла уступить мнѣ, а можетъ быть, и повинувшись внезапному желанію, поцѣловалъ алая, упрямая губки Терезы. Это былъ дѣтскій, невинный поцѣлуй, среди смѣха и апплодисментовъ братьевъ и сестеръ, на зеленой лужайкѣ подѣ старыми деревьями, видѣвшими на своемъ вѣку не мало такихъ сценъ. Въ ея веселыхъ и испуганныхъ глазахъ отражались ихъ отягченныя плодами вѣтви, а надъ ними—прозрачное осеннее небо, по которому вѣтеръ гналъ легкія бѣлыя облачка. Отъ ея губъ и дыханія вѣяло свѣжимъ, кисловатымъ ароматомъ яблокъ, ея розовыя щечки сверкали, какъ яблочки, зардѣвшіеся внезапнымъ румянцемъ,—я зналъ, что люблю ее и, можетъ быть, никогда больше не

буду цѣловать, что веселая пора дѣтства кончилась и что ласковое дуновеніе вѣтра, обдававшее прохладой наши разгоряченныя лица, означало прощаніе со всѣмъ, что окружало меня здѣсь. Освободившись, она съ минуту колебалась между негодованіемъ и смѣхомъ, слезы показались, было, на ея глазахъ, но это было имъ слишкомъ непривычно, и онѣ сейчасъ-же снова скрылись. Я почувствовалъ себя еще болѣе влюбленнымъ, чувство вышло изъ границъ дѣтства, и я впалъ въ мечтательность; безпечной радости и веселію пришелъ конецъ, въ настроеніи появилась какая-то принужденность.

Но только на одну минуту, ибо вниманіе наше было привлечено вдругъ мѣрнымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ по дорогѣ за изгородью.

„Это кто-то чужой ѣдетъ къ намъ,—воскликнула Тереза.—Посмотримъ, кто это такой!“

И мы побѣжали къ дому, я позади всѣхъ, недовольный тѣмъ, что надо уходить съ лужайки, еще взволнованный, ликующій, безпокойный и слегка сконфуженный тѣмъ, что я чувствовалъ и угадывалъ въ себѣ.

Когда я приблизился, всадникъ уже успѣлъ сойти съ коня и, держа его подъ уздцы, стоялъ, окруженный толпой дѣтей. Слегка наклонившись къ нимъ, онъ улыбался, пожималъ имъ руки и смотрѣлъ на нихъ долгимъ, испытующимъ взгля-

домъ, какъ человекъ, вернувшійся въ мѣста, гдѣ онъ не былъ много лѣтъ, радующійся тому, что видитъ ихъ вновь, но немного смущенный и неприятно пораженный переменами, которыя произвело въ нихъ время.

„Такъ взрослые всѣ уѣхали и дома нѣтъ никого, кромѣ васъ, дѣтей?“ спросилъ онъ.

„Никого, мы одни во всемъ домѣ“.

Онъ продолжалъ стоять, наклонившись и улыбаясь. Онъ казался немного разочарованнымъ, но лицо его все-таки сіяло радостью, которую не такъ легко было согнать съ него. Онъ вытеръ лобъ шелковымъ платкомъ, видъ котораго вызвалъ въ умѣ моемъ представленіе о чужихъ краяхъ и путешествіяхъ. Лошадь поводила ушами и нагибала голову, стараясь укрыться отъ солнца. Это было красивое, стройное, нервное животное, съ маленькими, беспокойно бьющими землю ногами; комъ бѣлой пѣны повисъ на одномъ изъ его тонкихъ колѣнъ. И конь, и хозяинъ производили впечатлѣніе чего-то побѣдоноснаго и счастливаго среди этой группы дѣтей, не сводившихъ съ нихъ восхищенныхъ глазъ.

„И всѣ здоровы?“

„Всѣ здоровы, да, совсѣмъ здоровы.“

Онъ, казалось, хотѣлъ спросить еще что-то, но удержался, можетъ быть, потому, что взгляды его какъ разъ въ эту минуту упали на меня.

Меня представили, не совсѣмъ по правиламъ, и я былъ немного смущенъ. Онъ разсѣянно пожалъ мнѣ руку.

„Это досадно, что... Два года, какъ меня здѣсь не было, и мнѣ хотѣлось... Вы думаете, что они не скоро вернутся?“

„Два года? Но мы сразу узнали дядю“. И между дѣтьми пошелъ шопотъ о томъ, кто раньше узналъ его.

„Вы думаете, что они не скоро вернутся?“

Тереза, наконецъ, овладѣла ситуацией.

„О, нѣтъ, они скоро вернутся“, сказала она. Не угодно-ли ему войти въ домъ и подождать?

Да, онъ охотно подождетъ. Мальчики сейчасъ-же завладѣли лошадыю, каждому хотѣлось увести ее на конюшню. Остальные стали подыматься по лѣстницѣ. Я поспѣшилъ къ себѣ въ комнату во второмъ этажѣ, чтобы надѣть болѣе приличный сюртукъ. Въ корридорѣ была дверь на балконъ, примыкавшій къ сводчатому залу. Старая дѣвушка стояла у двери, слегка приотворивъ ее, и выглядывала украдкой, чтобы увидеть, кто приѣхалъ. Это была старая Мина, вынянчившая всѣхъ дѣтей, отъ перваго до послѣдняго. Пока они были малы, она навѣрное видѣла не много нѣжности въ награду за всѣ свои труды и заботы и была не мало огорчена этимъ; теперь она занималась починкой платьевъ,

надѣвая для работы очки, которые ей подарили къ Рождеству. У нея всегда былъ обиженный видъ, но, въ сущности, она была чрезвычайно довольна своей судьбой, повидимому, получивъ отъ нея все, чего желала и въ чемъ нуждалась. Ея единственнымъ горемъ — и, можетъ, быть въ своемъ родѣ не малымъ — была смерть старшей барышни.

По обыкновенію она кивала своей остроко-нечной головой при каждомъ словѣ, которое про-износила.

„Вотъ какъ, это онъ?—проговорила она су-рово,—что ему здѣсь нужно? Было-бы лучше си-дѣть дома и жениться, чѣмъ шататься по свѣту, тогда все, можетъ быть, было бы иначе и фрѣ-кенъ Эбба была бы жива теперь. Исчезъ и сло-вно въ воду кануль!“

Я видѣлъ сверху, какъ онъ шель внизу, улы-баясь и съ мечтательнымъ видомъ, словно при-слушиваясь къ давно заглохшей музыкѣ и съ ти-химъ изумленіемъ чувствуя себя перенесеннымъ назадъ, къ чему-то, что онъ покинулъ, къ чему-то свѣтлому и вешнему. Онъ провелъ рукой по лбу и нерѣшительно послѣдовалъ за Терезой въ залъ.

„Развѣ они любили другъ друга?“ спро-силъ я.

Старая Мина приняла чрезвычайно оскорблен-

ный видъ; она мотнула головой, какъ испуганная лошадь.

„Я этого не сказала,—отвѣтила она.— Не похоже на то, судя по тому, что было. Вонъ онъ идетъ себѣ и разглядываетъ домъ, точно собирается его купить.“

И она закрыла ротъ съ легкимъ хрустѣніемъ челюстей, словно заперла на ключъ старый лапоть съ поблекшими тайнами, заперла безповоротно и навсегда. Ея слова навели на меня размышленія. Этотъ человекъ внизу сталъ внушать мнѣ интересъ, заступившій мѣсто принужденія и чувство слегка задѣтаго тщесавія, которое онъ еще только что вызвалъ во мнѣ. О чемъ онъ думалъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ пустомъ, свѣтломъ, гулкомъ залѣ? Можетъ быть, призраки прошлаго, свѣтлый, нѣжный образъ, сливавшійся съ ясными, блѣдными лучами солнца, струящимися въ окна, пару глазъ, бессознательно отдававшихся въ первомъ робкомъ чувствѣ, звуки смѣха, близкаго къ плачу, отблескъ счастья, которое было возможно, тихую жалобу времени, которое было такъ близко,—словно жалобу неродившихся душъ, еще жаждущихъ тѣла. Но у него былъ такой сіяющій и побѣдоносный видъ!

Я рѣшительно не понималъ его, и съ мыслями о немъ сливалось и мое собственное, только что пробудившееся стремленіе къ Терезѣ,



и мельканіе ея красивой, дѣтской фигурки, и безпокойное біеніе крови въ моихъ жилахъ, и меланхолія разлуки, и прохладное дуновеніе вѣтра, и пестрый рисунокъ свѣта и тѣни на полу, и аромать свѣжихъ яблокъ, доносившійся изъ пустыхъ корридоровъ, ведущихъ къ кладовымъ.

Когда я спустя нѣсколько минутъ сошелъ внизъ, Тереза стояла, улыбаясь и болтая оживленнѣе обыкновеннаго, съ странно горящими щеками и губами, и не смотрѣла на меня. Въ одну минуту я забылъ и о немъ, и обо всемъ, что касалось его, или вѣрнѣе говоря, единственная мысль, которую онъ мнѣ внушалъ, была ревность, ребяческая и сумасбродная, какъ и все остальное. У него былъ, попрежнему, радостный видъ, но онъ казался слегка нервнымъ и часто смотрѣлъ на часы.

„Не прогуляться-ли намъ? — сказалъ онъ. — Они, должно быть, скоро пріѣдутъ?“

Тереза чрезвычайно обрадовалась этому предложенію. Она не хочетъ оставаться со мной наединѣ, подумалъ я; но я и самъ не хотѣлъ этого, что бы я сказалъ ей? Но въ то же время я не хотѣлъ покидать ее и выразилъ готовность присоединиться къ нимъ. Дѣти послѣдовали моему призыву, и мы всѣ вмѣстѣ вышли.

Само собою вышло такъ, что мы направились къ упомянутой выше церкви, лежавшей къ за-

паду, потому что туда по всему протяженію вела аллея, образуя далеко вдали словно небольшой темный сводъ на фонѣ бѣлой стѣны. Я шель немного позади; впереди шли пріѣзжій и Тереза, а дѣти тѣснились то вокругъ нихъ, то вокругъ меня, прыгая, останавливаясь и весело болтая. Солнце стояло низко и свѣтило намъ прямо въ глаза, то скрываясь за верхушками, то сверкая изъ-за стволовъ, то снова показываясь. Ослѣпленные свѣтомъ, мы едва различали землю, по которой шли и которая казалась отъ контраста почти черной; мы шли съ полузакрытыми глазами, и казалось, будто насъ что-то несетъ впередъ. Дулъ слабый вѣтерокъ, очень легкой и свѣжій, какъ легкое и прохладное вино. Темная листва сверкала металлическимъ блескомъ, кора казалась крѣпкой и твердой, какъ камень. Съ оврага доносилось стрекотаніе кузнечиковъ, замолкавшее на мгновеніе, но сейчасъ-же снова возобновлявшееся и сопровождавшее насъ всю дорогу. Хрупкіе и прозрачные, какъ стекло, безконечно живые и однообразные, звуки дрожали, словно изъ-подъ смычка, и казалось, будто они слетаютъ съ самаго купола небеснаго, хрупкаго и прозрачнаго, какъ стекло, и будутъ звучать вѣчно.

Насколько позволяло слѣпившее глаза солнце я смотрѣлъ на Терезу; несмотря на свое свѣтлое

платье, она казалась темнымъ пятномъ въ этомъ морѣ свѣта, и только контуры ея маленькой фигурки обрисовывались золотистыми линиями, да волосы сіяли вокругъ головы золотистымъ ореоломъ. Она производила на меня впечатлѣніе бабочки съ золотисто-окаймленными крылышками, и въ то же время во мнѣ вдругъ, какъ въ тотъ день, когда я въ первый разъ увидалъ ее, шевельнулась немного жуткая увѣренность, что она очень походила на свою сестру. Мнѣ казалось, что и пріѣзжій думаетъ то же самое, но страннымъ образомъ въ немъ эта мысль, повидимому, не вызывала никакого тяжелаго чувства; лицо его все время было обращено къ ней, улыбающееся и открытое, а позади нея и надъ нею онъ, казалось, видѣлъ что-то очень хорошее, дружеское и милое.

Онъ говорилъ о своихъ путешествіяхъ, чтобы занять ее и насъ, но говорилъ нѣсколько разсѣянно, онъ думалъ, повидимому, о другихъ, болѣе счастливыхъ вещахъ. Я улавливалъ почти только имена, но для моего юношески-романтического слуха они звучали такъ, что съ каждымъ изъ нихъ онъ вырасталъ въ моихъ глазахъ на дюймъ, и восхищеніе, которое противъ воли внушало мнѣ его самоувѣренный, спокойный и мягкій видъ, все усиливалось. вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась и моя ребяческая ревность и ребя-

ческая влюбленность, и, не отводя взгляда от маленькой воздушной фигурки, легко ступавшей впереди меня по черной землѣ, я внутренно отдавался, въ самыхъ поэтическихъ формахъ, то приливу горя, то волнѣ безграничнаго счастья, чередовавшимся такъ-же, какъ чередовались на дорогѣ, по которой мы шли, полосы тѣни съ полосами солнечнаго свѣта.

Зеленый сводъ на фонѣ бѣлой стѣны становился больше и яснѣе, уже виденъ былъ церковный крестъ, горѣвшій, словно звѣзда, на фиолетовой лазури неба, уже чувствовался тяжелый ароматъ темныхъ кустовъ бирючины, образовавшей живую изгородь, и холодъ уходящихъ въ землю камней, и сырость букетовъ и вѣнковъ, я ждалъ, что мы повернемъ обратно. Но никто, повидимому, не замѣчалъ, куда мы идемъ. Мы подошли къ самымъ воротамъ, каменные столбы которыхъ поросли тѣмъ-же лишаемъ, какой покрывалъ и стволы вязовъ по ту сторону ограды, и, какъ и послѣдніе, казалось, уже составляли часть природы, слившись съ нею.

Тутъ только Тереза замѣтила, гдѣ она; лицо ея поблѣднѣло и стало серьезнымъ, она остановилась и хотѣла повернуть обратно. Но словно боясь оказаться невнимательной по отношенію къ умершей, которой она бессознательно, можетъ быть, считала еще возможнымъ доставить ра-

достъ или причинить страданіе, она сейчасъ-же пошла дальше, отворила калитку и вошла. Длинная прохладная тѣнь церкви поглотила золотистые контуры ея фигуры и сіяніе вокругъ головы; они выступили снова, когда она вышла на боковую дорожку.

Пріѣзжій не замѣтилъ ни ея колебанія, ни измѣнившагося выраженія лица. Онъ былъ поглощенъ другимъ и слѣдовалъ за нею, слегка удивленный тѣмъ, что она привела его сюда, но послушно повинувась ея импульсу. У него былъ все тотъ-же спокойный, счастливый и сильный видъ,—онъ казался мнѣ все болѣе и болѣе непонятнымъ.

Тереза легко и увѣренно шла среди могилъ, еще болѣе, чѣмъ раньше, производя впечатлѣніе бабочки; лицо ея омрачилось — она остановилась у надгробнаго камня. Въ общемъ это было старое кладбище, на которомъ плоскіе фамильные, поросшіе сѣрымъ и желтымъ лишаемъ, памятники съ ихъ полуистершимися надписями и размытыми дождемъ насыпями производили впечатлѣніе, точно они погрузились въ миръ и гармонию природы, какъ ребенокъ, засыпая, погружается головой въ подушку. Но этотъ камень отличался отъ прочихъ своими острыми контурами, блестящей полированной поверхностью и новыми золочеными

буквами, онъ выдѣлялся среди своихъ сосѣдей, какъ крикъ среди мирной тишины.

Тереза направилась прямо къ нему; очаровательнымъ, дѣтскимъ движеніемъ она опустила руку на камень. Она давно уже перестала оплакивать умершую сестру и горевать по ней, это быстро миновало у нея, какъ и у всѣхъ дѣтей. Она и не плакала теперь, но на лицо ея, съ котораго никогда не могло совсѣмъ исчезнуть выраженіе радости, легла какая-то торжественность, и нѣжность, и грусть, странное отраженіе чувствъ и мыслей, которыя были ей не вполнѣ понятны. Остальныя дѣти стояли съ принужденнымъ видомъ, оробѣвшія и подавленныя этой мрачной тѣнью, отъ которой они могли быть избавлены теперь, когда никого изъ старшихъ не было. Я чувствовалъ такую-же принужденность и легкую досаду противъ Терезы—при всемъ моемъ восхищеніи ею и ея лицомъ—за то, что она остановилась именно тутъ, но все мое вниманіе сейчасъ-же было отвлечено прѣзжимъ.

Съ удивленіемъ и ему самому непонятнымъ волненіемъ онъ взглянулъ на Терезу, на камень, прочиталъ надпись съ начала и вплоть до послѣдняго слова псалма,—эту короткую и печальную повѣсть,—какая-то мысль мелькнула у него въ глазахъ, онъ бросилъ еще разъ взглядъ на первую строку, прочиталъ снова имя—и понялъ.

Слезы потекли у него изъ глазъ и, повинувсь первому непосредственному побужденію, онъ опустился на колѣни передъ могилой, обхвативъ ее руками въ какомъ-то ужасѣ передъ тѣмъ, о чемъ она говорила, и нервно проводя дрожащими руками по остриженной травѣ.

Само собою разумѣется, мы, дѣти, всѣ тоже расплакались изъ сочувствія къ нему, младшіе съ короткими взвизгиваніями и смѣшными всхлипываніями, словно ихъ только-что выбрали, въ то время, какъ старшіе дѣлали усилія, чтобы овладѣть собой. Тереза и не старалась удержать слезы, не обращая на нихъ вниманія, и онъ текли у нея такъ-же свободно и легко, какъ у пріѣзжаго, придавая ей какую-то своеобразную трогательную красоту,—я любилъ ее въ эту минуту больше, чѣмъ когда бы то ни было. Теперь только я понялъ и лежавшаго на могилѣ человѣка и поражавшее меня прежде выраженіе его лица: онъ до сихъ поръ не имѣлъ никакого представленія о томъ, что случилось, и воспоминанія, встававшія безпрестанно передъ его мысленнымъ взоромъ, были полны для него самыхъ лучезарныхъ надеждъ и ожиданій.

По прошествіи нѣкотораго времени онъ поднялъ голову и оглянулся кругомъ—оглянулся на Терезу, за спиной которой солнце спускалось къ горизонту, на покраснѣвшія и заплаканныя дѣт-

скія лица вокругъ себя, на старое кладбище съ его камнями, погруженными въ покой подъ скользящей лаской солнечныхъ лучей и вечернихъ тѣней, съ первыми осенними листьями, желтѣющими среди зелени подъ легкимъ, прозрачнымъ, прохладнымъ осеннимъ небомъ. Слезы больше не текли изъ его глазъ, его взглядъ, почти прояснившійся и словно видѣвшій что-то вдаль, чего никто не видѣлъ, былъ полонъ тихаго изумленія, мягкой торжественности.

И здѣсь, среди дѣтей, онъ заговорилъ, безыскусственно, какъ дитя, безъ всякаго намѣренія что-либо скрыть, безъ единой мысли о томъ, насколько слова его будутъ поняты или нѣтъ, безъ боязни открыть то, что обыкновенно скрывается въ самой глубинѣ души и недоступно ничьему постороннему взору. Онъ, казалось, прислушивался къ самому себѣ съ тихимъ изумленіемъ, то обращая на насъ ясный и серьезный взоръ, то устремляя его далеко вдаль, словно это не только онъ говорилъ, но все, что стояло передъ его мысленнымъ взоромъ, сливаясь въ гармонію, которой онъ никогда раньше не могъ уловить,— все это вдругъ ожило и заговорило его словами.

«Я ни о чемъ не зналъ», началъ онъ, «я представлялъ себѣ все до такой степени иначе. Я любилъ ее; вначалѣ я едва сознавалъ это, недавно еще я не понималъ всей глубины моего



чувства, теперь-же—да, я любилъ ее очень, очень сильно.

Когда я уѣзжалъ, это было мнѣ лишь вполонину ясно; я зналъ, что могу протянуть руку и счастье станетъ моимъ, меня влекло къ нему, но я колебался—я вѣдь уже не такъ молодъ. Она была такъ молода, такъ хрупка и нѣжна,—увы, я не понималъ, что ее дѣлало такой, я видѣлъ вечернее солнце надъ нею, но не понималъ, что значить тѣнь за ея спиной. Я боялся дохнуть на нее, я хотѣлъ, чтобы она сохранилась именно такую, какою она стояла передо мной.

Мнѣ надо было также подумать о своей работѣ, о своихъ занятяхъ—и я уѣхалъ. Когда я вернусь, думалъ я, времени будетъ еще довольно, если этому суждено быть. И тамъ я думалъ о ней все время съ спокойной увѣренностью. Писать ей я не могъ, и у меня не было никого, кому я могъ бы писать о ней, я хотѣлъ сохранить ее нетронутой для себя одного, только для себя одного. Когда я вернусь, я найду ее такой-же, ничего другого мнѣ и въ голову не приходило.

Тамъ, на югѣ—тамъ страна счастья, тамъ вѣришь въ счастье, какъ въ твердую почву, по которой ступаешь. Все тамъ совсѣмъ иначе, чѣмъ здѣсь, въ опредѣленныхъ и прекрасныхъ контурахъ—здѣсь все такъ неопредѣленно, и музыка, и чувство, словно не вполне реально; тамъ

настоящее мгновение звучить, какъ чеканное золото. Могъ-ли я тамъ подозрѣвать, что здѣсь произошло?

Какъ только я сталъ собираться домой, тоска завладѣла мною, я спѣшилъ, и воздухъ пѣлъ вокругъ меня въ пути. Я сегодня только вернулся къ себѣ, въ свою одинокую квартиру, я ни о чемъ не спрашивалъ, зачѣмъ мнѣ было спрашивать? я только спѣшилъ сюда. Я зналъ, что теперь это случится, препятствій никакихъ не можетъ быть, ни одна тѣнь тревоги не омрачала моего счастья.

Здѣсь я встрѣтилъ васъ, дѣти, и вы привели меня къ ней. Вы не знали, что вы дѣлаете, но я благодаренъ вамъ за это; въ этомъ была особая мудрость, тонкое чутье, которое не могло вылиться въ болѣе прекрасную и глубокую форму. Какъ неожиданъ ни былъ ударъ, я благодаренъ вамъ за то, что узналъ объ этомъ такимъ образомъ. Здѣсь, окруженный вами и всѣмъ этимъ, вблизи ея, въ этотъ часъ, среди всего этого сіянія — я почти счастливъ.

Все время, что мы шли сюда, я думалъ о ней, видѣлъ ее. Ты такъ похожа на нее, Тереза. Каждое твое движеніе вызывало въ памяти живую, яркую картину, снимая съ нея дымку, которою окутало ее время. Ты дитя, и

у тебя все, чѣмъ я восхищался въ ней, проявляется въ веселости, ты вызывала во мнѣ однѣ веселыя мысли. И вдругъ, внезапно, безъ предупрежденія, ты дала мнѣ это.

Но нѣтъ, не ты дала мнѣ это. Это она, что лежитъ здѣсь подъ дерномъ, такъ близко, что мнѣ кажется порою, будто я слышу подъ своей рукой слабое бѣненіе ея сердца, такъ близко и такъ безконечно далеко отъ моихъ объятій! Она, чьи мысли еще трепещутъ, блѣднѣя вмѣстѣ съ блекнущей листвою вязовъ, чей взоръ мнѣ чудится и въ этомъ ослѣпительномъ, прохладномъ сіяніи солнца и въ ласкѣ вечернихъ тѣней. У нея были такія длинныя, темныя рѣсницы—какъ у тебя, Тереза,—и когда она опускала ихъ, получалось совершенно такое впечатлѣніе. Она, чья душа оживетъ снова и явится къ намъ вмѣстѣ съ весной, въ новомъ блескѣ, и ароматѣ, и ласкѣ весны, въ надеждахъ, которыя никогда не сбываются вполнѣ, но и въ радости, которая никогда не обманываетъ совершенно. Она, которая такъ тихо покоится въ морной неподвижности—пока не минетъ ночь—пока не минетъ зима.

Я видѣлъ статую въ Римѣ, она съ странной силой влекла къ себѣ мои взоры. Словно она только для меня одного столѣтія лежала въ

землѣ и ждала, столѣтія стояла въ тиши галлерей и ждала. Въ ней столько мягкости и серьезности, столько величія и красоты. Это Thanatos, богъ смерти; долгое время полагали, что это Эросъ, и восхищались имъ и удивлялись ему. Теперь мнѣ ясно, что въ ней олицетвореніе обоихъ, теперь я понимаю, что она говоритъ. Отнынѣ силы смерти и жизни всегда будутъ представляться мнѣ слитыми въ мягкой бѣломраморной гармоніи, какъ здѣсь, въ этотъ часъ, въ этомъ сліяніи свѣта и тѣней, подъ этимъ легкимъ, свѣжимъ дуновеніемъ, и съ вашими дѣтскими личиками вокругъ меня, которыя такъ мало понимаютъ меня, но такъ неотъемлемы отъ всей этой картины“.

Онъ умолкъ и поднялся; лицо его выражало спокойствіе и радость.

Дѣти вздохнули съ облегченіемъ, видя, что насталъ конецъ и что можно уйти отсюда. Я все время смотрѣлъ на Терезу.

И она не все поняла; слушая съ потемнѣвшимъ и глубокимъ взглядомъ, она скорѣе почувствовала что-то, что заставляло ее трепетать, дрожать, какъ дрожить струна, на которой взять слишкомъ высокій и рѣзкій тонъ. Бя дѣтская фигурка, ея губы—не отъ поцѣлуевъ—ли еще онѣ такъ горѣли? — взглядъ ея полныхъ

слезъ глазъ, пытавшійся казаться веселымъ, но принимавшій сейчасъ же снова испуганное выраженіе, все, казалось, говорило: оставьте меня въ покоѣ! Дайте мнѣ остаться ребенкомъ и быть веселой, не лишайте меня этого! Что меня ждетъ впереди? Я ничего не хочу знать, я ничего не хочу понимать; я создана такую, кака я есть—оставьте меня!

И я понялъ, что отъ моей первой дѣтской влюбленности ничего не останется, что ей суждено очень скоро быть забытой и поблекнуть подобно послѣднимъ лучамъ солнца въ легкой и свѣжей прохладѣ вечера.

Мы пошли домой, солнце стояло совсѣмъ низко, стрекотаніе кузнечиковъ казалось еще яснѣе и прозрачнѣе, чѣмъ раньше, какъ и самый куполь небесный, откуда оно слетало къ намъ. Мы всѣ молчали; я все время слѣдилъ за маленькими ножками Терезы, отбрасывавшими все болѣе длинныя и черныя тѣни.

Пріѣзжій простился съ нами; выраженіе лица его было спокойное и радостное, но совершенно не похожее на то, съ какимъ онъ пріѣхалъ,— онъ сѣлъ на своего стройнаго, нервно бьющаго копытомъ коня и шагомъ поѣхалъ по дорогѣ. Мы молча стояли и смотрѣли ему вслѣдъ, пока сумерки не пали на землю и звѣзды, одна за другою, не стали зажигаться въ небѣ.

На слѣдующій день я уѣхалъ, и, какъ я уже сказалъ, мнѣ никогда больше не пришлось видѣть этихъ мѣстъ. Года два спустя я узналъ, что Тереза умерла отъ той же болѣзни, что и ея сестра.

## Простая трагедія.

Это было въ буфетѣ небольшого парохода, маленькой, тѣсной комнаткѣ, которая, словно для того, чтобы восполнить недостатокъ перспективы, внезапно сѣуживалась въ каморку рестораторши, отчего блѣдная тучность этой послѣдней, заполнявшая глубину каморки, принимала исполинскіе размѣры и подавляла собою все остальное. Буфетъ былъ насыщенъ горячимъ запахомъ огромнаго бифштекса, стоявшаго на одномъ изъ столовъ.

За бифштексомъ, втиснутый въ благодушномъ спокойствіи между нимъ и стѣной, возсѣдалъ человѣкъ съ краснымъ и обвѣтреннымъ лицомъ и свѣтлой бородой, въ коричневой вязаной курткѣ, выглядывавшей изъ подъ разстегнутаго пиджака, и ѣлъ съ убѣжденной медлительностью, отъ времени до времени запивая ѣду здоровымъ глоткомъ портера. Передъ тѣмъ онъ съ той же методичностью проглотилъ, въ видѣ вступленія къ

своей трапезѣ, рюмку водки, изъ предосторожности только одну; съ ощущеніемъ пріятной теплоты въ тѣлѣ онъ смотрѣлъ, какъ графинъ перекочевалъ къ парѣ молодцовъ, сидѣвшихъ за другимъ столомъ, какъ разъ напротивъ него, и старавшихся, за неимѣніемъ средствъ пообѣдать, заморить червячка повторными порціями водки, послѣдствія чего не трудно было предвидѣть.

Человѣкъ этотъ назывался Янсонъ; такъ звали его всѣ знавшіе его. Конечно, у него было и крестное имя, даже цѣлыхъ четыре, выписанныхъ въ его метрическомъ свидѣтельствѣ и которыя онъ въ молодые годы по первому требованію провозглашалъ вслухъ съ присовокупленіемъ дня рожденія. Первымъ изъ этихъ именъ въ стилизованной формѣ его и звали въ то время. Но теперь это былъ тридцатилѣтній мужчина, не только ни отъ кого не зависѣвшій, но даже, благодаря исключительно самому себѣ, вполне обеспеченный; мать его умерла и была похоронена съ подобавшими ей почестями — ему такимъ образомъ не грозила опасность когда-либо быть вынужденнымъ называться иначе, чѣмъ Янсонъ, развѣ, можетъ быть, съ все болѣе вѣроятнымъ прибавленіемъ „херра“ въ перспективѣ.

Янсонъ имѣлъ основанія быть въ этотъ день болѣе обыкновеннаго довольнымъ собою и почти всѣмъ остальнымъ, что онъ и проявлялъ всѣмъ



своимъ видомъ. Онъ продалъ партію сѣна, которую незадолго передъ тѣмъ купилъ случайно, и сдѣлалъ это на славу. Онъ не могъ не сознаться, что ему импонировали его новые знакомые, почтенные фурьеры, растопыренная и пузатая важность которыхъ начинала уже отражаться и на его собственной осанкѣ; но свои интересы онъ все-таки сумѣлъ оградить отъ нихъ, чѣмъ въ свою очередь не мало импонировалъ самому себѣ. Онъ не могъ воздержаться, чтобы не начать строить воздушные замки на фундаментъ простыхъ исчисленій при помощи пяти пальцевъ, и отъ этого обѣдъ его казался ему еще болѣе вкуснымъ и кровь прилиwała къ мозгу, такъ что полетъ его мыслей, болѣе смѣлый, чѣмъ обыкновенно, принималъ почти тревожно-быстрый темпъ. Это сказывалось отчасти въ его юмористическомъ отношеніи къ предметамъ внѣшняго міра, отчасти-же въ сознаніи собственной силы и могущества, отъ котораго ту же натягивалась его вязаная куртка, и пропорціонально этому его собственное я представлялось ему все болѣе достойнымъ объектомъ для размышленій. Уютная, не лишенная извѣстной элегантности обстановка комнаты, наполненной запахомъ ѣды, казалась еще уютнѣе и комфортабельнѣе, когда до слуха доносились удары льдинъ объ желѣзный остовъ судна или взглядъ падалъ на маленькія, круглыя

окошечки, пропускавшія тусклый свѣтъ декабрьскаго холоднаго и сырого дня.

Онъ сидѣлъ и смотрѣлъ благожелательно на обоихъ сидѣвшихъ противъ него пассажировъ; они не могли не внушать состраданія всякому разумному человѣку. Это были два молодыхъ ремесленника, навѣрное, маляры, судя по ихъ всклокоченнымъ волосамъ. Они плохую себѣ готовили ночь, это было ясно; каюты имъ, конечно, не дадутъ, придется имъ проспать ночь сномъ обиженныхъ и несчастныхъ въ какомъ-нибудь углу, если таковой найдется. Что касалось его самого, то у него были самыя пріятныя ожиданія. Ему предстояло не только насладиться тепломъ и оживляющей трапезой, но еще и сыграть нѣкоторую роль, которой можно будетъ надлежащимъ образомъ импонировать торговцамъ и подготовить ихъ завтрашнимъ дѣламъ.

Пароходная горничная тоже представляла матерьялъ для мечтаній. Она называлась Мари, и Янсонъ находилъ ее чрезвычайно привлекательной, хотя и не вполне въ такой степени, какъ въ тѣ времена, когда всякая мысль о чемъ-либо другомъ, кромѣ робкой шутки, принятой въ лучшемъ случаѣ безъ брани, исключалась сама собой между нимъ и подобной дамой. У нея была короткая талія, слегка закругленная фигура, полный бюстъ и блѣдный цвѣтъ лица: все это было

вполнѣ въ его вкусѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, блѣдности кожи, но даже и это онъ теперь, при своихъ измѣнившихся обстоятельствахъ, считалъ себя обязаннымъ цѣнить, какъ признакъ утонченности и роскоши, подобно тому, какъ онъ долженъ былъ впредь предпочитать сигары жевательному табаку. Душевные ея качества, благодаря ея профессіи, развились въ двухъ направленіяхъ, въ сторону мысленныхъ вычисленій и репликъ, вслѣдствіе чего лицо ея получило немного усталое и свѣтское выраженіе, за которымъ угадывались характеръ и нѣкоторая распушенность въ пользованіи удовольствіями. Янсонъ не могъ себѣ представить семейной жизни съ нею, даже если бы у него не было зазнобушки, о которой онъ при этомъ случаѣ и вспомнилъ, — нѣтъ, но маленькую, чуть-чуть порочную игру, не слишкомъ дорогую, частью для удовольствія, частью изъ долга передъ самимъ собою, принимая во вниманіе его молодость и радужные виды на будущее. Слѣдя за проворными движеніями дѣвушки, онъ началъ было нѣкоторые предварительные шаги въ видѣ покручиванія усовъ, но мысли его не могли сосредоточиться на этомъ и незамѣтно перешли къ упомянутой выше зазнобѣ его.

Это была дочь крестьянина, по имени Августа; но вмѣстѣ съ тѣмъ она отнюдь не была, что называется, деревенщиной. Дочь состоятель-

ныхъ родителей, съ хорошими манерами и добрымъ именемъ, она, не нуждаясь въ этомъ, собственно, покинула родительскій домъ одновременно для заработка и для усовершенствованія въ искусствѣ шить. Янсонъ зналъ ее нѣсколько лѣтъ, чувствовалъ къ ней большое почтеніе, уважалъ ея здравый смыслъ, хорошій характеръ и самодѣльные платья, любилъ ее за это и за многое другое и думалъ спокойно, но съ теплымъ чувствомъ о совмѣстной жизни съ нею. Онъ вспомнилъ, что будетъ проѣзжать мимо дома ея родителей, но, по нѣкоторомъ размышленіи, рѣшилъ, что мало вѣроятія, чтобы Августа была теперь тамъ или вообще въ деревнѣ. Еще менѣе онъ могъ допустить пріятную возможность, что она находится на пароходѣ въ числѣ пассажировъ. Конечно, пароходъ еще не отчалилъ, и надъ головой его все время раздавались шаги все прибывающихъ пассажировъ по сходнямъ, но въ это время года она по всѣмъ вѣроятіямъ была въ Стокгольмѣ.

Молодые маляры были курьезные парни. Со своими нечесанными волосами и грязной одеждой они походили на бродягъ; они не умѣли себя держать, имѣли робкій и запуганный видъ и находили окружавшую ихъ обстановку слишкомъ элегантною и изящною. Въ концѣ кон-

цовъ они, однако, такъ раавеселились, что довѣрчивая бесѣда уже казалась имъ недостаточнымъ средствомъ для выраженія чувствъ. Это была ихъ первая встрѣча, и они сейчасъ же заключили дружескій союзъ. У двухъ юныхъ, увлекающихся душъ, нашедшихъ другъ друга, радость существованія выливается въ пѣннѣ,—разумѣется, теноромъ, какъ и подобало ихъ ремеслу и всклокоченнымъ волосамъ.

Они начали очень тихо и такимъ высокимъ фальцетомъ, что словъ почти нельзя было разобрать.

Рестораторша рѣзко кашлянула, а горничная бросила на нихъ пронзительный взглядъ, но они ничего не замѣчали, потому что каждый изъ нихъ въ это время, глядя въ глаза другого, старался проникнуть до дна его души.

— Ты—какъ тебя зовутъ?—спросилъ одинъ,—я хочу сказать, крестнымъ именемъ?

— Иоганъ Морицъ Эвальдъ.

— Такъ я буду звать тебя Эвальдъ. Эвальдъ, мы до конца дней нашихъ будемъ неразлучны.

— Да, въ сущности, понимаешь, я крещенъ также Эвальдомъ, но, въ сущности, меня зовутъ Иоганъ.

— Это мнѣ все равно. Я тебя зову Эвальдъ. Я люблю тебя, Эвальдъ; по гробъ жизни мы

будемъ неразлучны. Ты... ты вѣдь знаешь меня, Эвальдъ—извини, что я спрашиваю—ты любишь меня хоть немного? Я зовусь Карль.

— Немного? Разумѣется, я тебя очень люблю... какъ никто другой не можетъ тебя любить. И ты еще спрашиваешь, Карль?

Карль почувствовалъ себя чрезвычайно тронутымъ.

— Хорошо, когда у человѣка есть сердце въ груди,—сказалъ онъ.—А это, чортъ побери, не часто встрѣчается.

— Слушай, Эвальдъ, есть у тебя семья?

— Ты хочешь сказать, женатъ ли я?

— О, нѣтъ, но отецъ и мать, т. е. собственно, только мать. У меня нѣтъ никого, никогда никого и не было.

Онъ наклонился и сталъ чертить пальцемъ по столу, словно желая выразить такимъ образомъ свое смутное представленіе о своей родословной.

Эвальдъ былъ въ раздумьи.

— Моя мать жива,—сказалъ онъ,—насколько я знаю; по крайней мѣрѣ такъ обстояло дѣло въ прошлое Рождество, когда она сломала себѣ руку. Съ тѣхъ поръ я ничего больше не слышалъ о ней.

— Ты счастливецъ, Эвальдъ, что у тебя есть хоть кто-нибудь. Дай руку!

Эвальдъ исполнилъ его желаніе и почувствовалъ себя тронутымъ.

— Да, конечно, ты, можетъ быть, правъ,—сказалъ онъ,—конечно, я счастливъ.

Но его новый другъ судорожно ухватился за его руку и не выпускалъ ея.

— Я, Эвальдъ—ты вѣдь знаешь меня, ты знаешь, каковъ я. Я человѣкъ съ сердцемъ, но никому нѣтъ до меня никакого дѣла, ни одной дѣвушкѣ, никому.

Эвальду было до него дѣло, и онъ постарался дать ему это понять съ достаточной ясностью.

— Ты, да, ты мой самый старый и лучший, мой лучший другъ, но думаешь ли ты, что вонъ хоть та, напримѣръ, хоть скольконибудь думаетъ обо мнѣ?..

Это относилось къ горничной. Эвальдъ не считалъ этого невозможнымъ.

— Попробуй,—сказалъ онъ,—попытайся!

Пьяный протянулъ руку и схватилъ дѣвушку за талію въ ту минуту, какъ она проходила мимо. На обращенномъ къ ней смущенномъ лицѣ его выразалось столько безпомощной слабости, такое безусловное обожаніе и робкое восхищеніе, которыя могли бы смягчить и камень.

— Марли,—сказалъ онъ, смѣшно картавя и перемѣшивая звуки р и л,—Марли!

Но Мари, вдвойнѣ оскорбленная тѣмъ, что сцена эта разыгралась въ присутствіи третьяго почтеннаго лица, вырвалась изъ его рукъ такимъ рѣзкимъ движеніемъ, что онъ чуть не свалился со стула. Въ присутствіи посторонняго! Этого было достаточно, чтобы повергнуть въ самое безграничное отчаяніе обоихъ пріятелей, которые съ этой минуты сидѣли, погрузивъ взоры другъ другу въ глаза, поникнувъ плечами и предоставивъ жестокой свѣтъ самому себѣ.

Янсонъ наблюдалъ ихъ съ пріятнымъ чувствомъ, что онъ можетъ взять подъ свою защиту эти два неразумныхъ, сбившихся съ пути существа, предоставивъ имъ работу у себя, когда онъ начнетъ строить себѣ домъ, чтобы основать свой очагъ,—но эти наблюденія не мѣшали ему продолжать переваривать свой обѣдъ и безпрестанно возвращаться мыслью къ большому барышу, который выпалъ на его долю на этихъ дняхъ. Между нимъ и дѣвушкой естественно сейчасъ же протянулись нити отъ общаго сознанія ихъ превосходства надъ обоими бѣдняками; они улыбнулись другъ другу и обмѣнялись нѣсколькими шутивными словами, причемъ Янсонъ не могъ не ощутить вдвойнѣ своего счастья, за-



мѣтивъ смѣшанную съ восхищеніемъ зависть, которую онъ возбудилъ у сидѣвшихъ въ сторонѣ.

Въ эту минуту онъ услыхалъ надъ своей головой топотъ множества ногъ. Онъ заключилъ, что что-то тяжелое перенесли на бортъ, и прервалъ приятное теченіе своихъ мыслей, отдавшись догадкамъ, что бы это могло быть. Молотилка?—нѣтъ, слишкомъ позднее время года для этого—рояль?—нѣтъ, конечно, нѣтъ, откуда бы могъ взяться рояль, когда на дачахъ уже давно никого нѣтъ—во всякомъ случаѣ это какой-то длинный предметъ, судя по топоту ногъ, и навѣрное требующій бережнаго обращенія. Ему пришло въ голову, не купить ли ему рояль, когда онъ женится,—подержанный, не очень дорогой, —и найдется ли у Августы время и способности научиться играть на немъ—это опять отвлекло его отъ прежнихъ мыслей. Пароходъ отчалилъ. Оба маляра проливали слезы надъ своими воспоминаніями и своей покинутостью, Янсонъ еще сидѣлъ нѣкоторое время за своей оконченной трапезой и своими воздушными замками. Затѣмъ онъ всталъ, сказавъ, что расплатится потомъ, потому что ему представлялось особенно солиднымъ имѣть здѣсь открытый счетъ, да кромѣ того, онъ рассчитывалъ позже полакомиться еще чѣмъ нибудь; онъ под-

нялся наверхъ, на палубу, радуясь увѣренному, основательному звуку своихъ шаговъ по ступенямъ лѣстницы.

Наверху было сѣро и холодно, воздухъ казался слѣпымъ, ледяныя глыбы ударялись объ остовъ парохода. Пассажиры, все простой народъ, сидѣли съежившись у котла, чтобы согрѣться, смотрѣли тупо другъ на друга и молчали. Янсонъ вспомнилъ о тяжеломъ предметѣ, который раньше внесли на бортъ, и сталъ его искать глазами, но, не найдя, поднялся дальше, на верхнюю палубу и оглянулся кругомъ.

Ландшафтъ былъ унылый, этого нельзя было отрицать. Сѣро и безцвѣтно и туманно, небо, точно луженый листъ, море, точно олово, ни малѣйшаго движенія въ водѣ, только борозды, оставаемые пароходомъ, да сталкивающіяся и трескающіяся льдины. Никакихъ красокъ, однѣ голыя стѣны пустыхъ виллъ, да кой-гдѣ красныя и желтыя пятна опрокинутыхъ на берегу лодокъ. Горизонтъ, замкнутый черной, остроконечной линіей хвойнаго лѣса.

Капитанъ, маленькій, коренастый человекъ, расхаживалъ взадъ и впередъ въ своей загородкѣ, какъ медвѣдь въ клѣткѣ. Янсонъ нашелъ, что его положеніе, какъ представителя высшаго класса на этомъ пароходѣ, обязываетъ его заговорить съ нимъ. Онъ улыбнулся ему и замѣтилъ что-то

о погодѣ, но получилъ такой сухой и короткій отвѣтъ, что не рѣшился предложить ему что-либо, какъ первоначально намѣревался, а удалился съ робкимъ видомъ наверхъ, въ курительную комнату и вознаградила себя тѣмъ, что заказалъ кофе и пуншу.

Онъ ясно видѣлъ, что это импонировало горничной, принесшей ему наверхъ требуемое, и жизнь сразу снова представилась ему въ розовыхъ краскахъ. Онъ загнулъ обшлага своей вязаной куртки, застегнулъ пиджакъ, чтобы больше походить на барина, и, называя дѣвушку по имени, сталъ придумывать, что бы ей сказать раньше, чѣмъ она сойдетъ внизъ. Онъ снова и съ еще большимъ наслажденіемъ отдался своимъ мечтаніямъ.

Теперь, когда онъ, въ сущности говоря, почти состоятельный человѣкъ,—жениться-ли ему сейчасъ-же, или предварительно позволить себѣ нѣкоторую роскошь запрещенныхъ радостей, хотя бы съ такой дѣвушкой, какъ Мари? Онъ, очевидно, нравился ей; да онъ и былъ недуренъ собой, съ выщипавшимся отъ природы бородой и усами. Онъ и пошутить сумѣетъ, если только у него будетъ нѣкоторая практика въ этомъ. Въ концѣ концовъ онъ еще сдружится и съ капитаномъ; вѣдь нуждается же и онъ, какъ и всѣ другіе, въ развлеченіи. Августа охотно подождетъ, она благора-

зумная дѣвушка и навѣрное не торопится взвалить себѣ на плечи всѣ тягости семейной жизни, хотя, когда придетъ время, будетъ ихъ безъ сомнѣнія нести образцово. Никто не подозрѣвалъ объ ихъ отношеніяхъ, слова, которыми они обмѣнялись между собою на эту тему, были, при всей ихъ краткости и простотѣ, достаточно ясны, и они прекрасно поняли другъ друга. Она была славная дѣвушка, да и онъ малый не промахъ.

Взять хотя бы то, какъ онъ пробилъ себѣ дорогу! Онъ голодалъ и холодалъ, встрѣчалъ Рождество, не имѣя даже свѣчки, вымаливалъ у лавочника кредитъ для своей матери и не получалъ его, пьянѣлъ отъ стакана пива и плакалъ отъ стыда, работалъ обледенѣлыми руками, получая побои, которые его все-таки не согрѣвали. Нѣсколько разъ онъ простуживался въ своихъ рваныхъ башмакахъ, болѣлъ и зналъ, что не найдется и гроша на его погребеніе, если онъ умретъ.

Понемногу онъ пробился впередъ; онъ сталъ развиваться, въ немъ пробудилось сознаніе безконечной отвѣтственности передъ лицомъ Всевышняго и той практической выгоды, какую приносить уваженіе людей, онъ почувствовалъ себя червемъ передъ лицомъ вѣчности и свободнымъ, незапятнаннымъ человекомъ передъ другими людьми. Религіозный элементъ въ душѣ его незамѣтно испарился, но онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ—ум-

нымъ, осмотрительнымъ человѣкомъ, сумѣвшимъ пробить себѣ дорогу. Кофе былъ хорошъ, пуншъ былъ хорошъ, въ каютѣ было тепло, и въ этой обстановкѣ полетъ его фантазіи принялъ почти поэтическое направленіе, хотя она и занималась только возможными, порою даже самыми обыденными вещами. Будущее рисовалось ему въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и зимній ландшафтъ за окнами съ его слѣпой неподвижностью, его холодомъ и безсильной враждебностью только еще усиливали яркость этихъ красокъ.

Янсону захотѣлось пѣть, но съ одной стороны, вспоминая сцену, происшедшую раньше въ буфетѣ, онъ заключилъ, что это запрещено, съ другой стороны у него не было голоса, да кромѣ того, онъ зналъ только двѣ-три духовныя пѣсни съ давнихъ, давнихъ лѣтъ, унылыя пѣсни, совершенно не соотвѣтствовавшія его настоящему настроенію. вмѣсто того, когда ему ужъ очень не въ моготу стало сидѣть спокойно, онъ всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ по маленькой каютѣ. Чувствуя потребность видѣть людей, показать имъ свое счастье, сдѣлать для нихъ что-нибудь, онъ отправился на среднюю палубу.

Тамъ стояли оба маляра, должно быть, изгнанные изъ буфета, и улыбались попеременно то веселой, то меланхолической улыбкой другъ другу и стѣнѣ, къ которой они прислонились, и

всему, что ихъ окружало. Тамъ крестьяне оттаивали въ теплѣ, отъ времени до времени обмѣниваясь словомъ. Тамъ машина стучала медленно и мѣрно, какъ сердце, и двигала всю громаду впередъ среди глухого шума льдинъ и журчанья воды, разстулавшейся въ обѣ стороны.

Янсонъ перешелъ на другую сторону, гдѣ онъ раньше еще не былъ, и его улыбающійся взглядъ встрѣтилъ два лица, показавшіяся ему знакомыми. Родители Августы,—вотъ такъ удача! онъ отъ нихъ можетъ получить вѣсти о ней,—а передъ ними какой-то длинный предметъ, должно быть, тотъ самый, который раньше привлекъ его вниманіе. Онъ рѣшилъ тутъ-же узнать, что въ немъ содержится; онъ радовался, какъ дитя, встрѣчѣ съ обоими стариками, которая словно приближала его къ предмету его мечтаній.

Онъ подошелъ прямо къ нимъ и радушно поздоровался съ ними, но они смотрѣли на него съ какимъ-то странно-подавленнымъ видомъ, — или они его не узнавали?

— Это я, Янсонъ,—сказалъ онъ,—какъживаете въ такой день?

Но они не разсмѣялись на это веселое обращеніе, какъ можно было-бы ожидать; они молча протянули руки и поздоровались сдержанно, чинно и немного торжественно—какъ это въ обычаѣ среди людей ихъ класса — почти слишкомъ много было

торжественности, слишком много холода и чопорности въ пожатіи ихъ рукъ.

Янсонъ смотрѣлъ мимо нихъ на длинный предметъ съ какой-то смутной тревогой, которой онъ самъ не понималъ, и съ острымъ любопытствомъ. Онъ принадлежитъ имъ? Онъ покрытъ брезентомъ; и какъ онъ странно узокъ.

Онъ перевелъ взглядъ съ длиннаго предмета на ихъ лица. Они были неподвижныѣе, чѣмъ обыкновенно, въ сущности, немного блѣдны.

— Эриксонъ былъ въ городѣ?—спросилъ Янсонъ только для того, чтобы завязать разговоръ, потому что не могло быть никакого сомнѣнія, что старикъ былъ въ городѣ.

— Да, мы были въ городѣ.

— Такъ Эриксонъ, пожалуй, встрѣтилъ Августу? Какъ она поживаетъ, какъ ей живется?

Эриксонъ медленно готовился отвѣчать; казалось, это ему было необыкновенно трудно. Лицо жены его перекосилось въ странную гримасу.— Что это, смѣхъ? Гадкій смѣхъ въ такомъ случаѣ. Улыбка застыла на губахъ Янсона.— Нѣтъ, это плачь; своими загрубѣвшими отъ работы пальцами она закрыла глаза, и слезы покатались между нихъ по щекамъ. Наконецъ, медленно прозвучали слова старика:

— Она... Августа... наша дочь... она умерла позавчера ночью.

Янсонъ ничего не думалъ, ничего не чувствовалъ; только журчанье воды звучало въ ушахъ его сквозь глухой гулъ машины, стучавшей такъ странно-медленно, съ промежутками, казавшимися вѣчностью. Не случился-ли съ кѣмъ-нибудь ударъ? не останавливается-ли пароходъ? И онъ услыхалъ свой собственный голосъ, спрашивавшій въ тактъ тяжелымъ ударами машины: — Какъ? Какимъ образомъ она умерла?

Отвѣтъ послѣдовалъ съ мучительной обстоятельностью, при полномъ наружномъ спокойствіи.

— Въ госпиталь. Мы ничего не знали, какъ вдругъ приходитъ посыльный съ телефонной станціи, что она тамъ, позавчера пришелъ посыльный, что со мной хотятъ говорить по телефону. Я иду туда и говорю алло. Это Августинъ отецъ? спрашиваютъ тамъ, по другую сторону. Да, говорю я, это Августа? Я подумалъ, что у нея, можетъ, случилось что-нибудь очень хорошее, и она хочетъ рассказать мнѣ объ этомъ и только шутить со мной. Нѣтъ, Августа въ лазаретъ, говорятъ тамъ, по другую сторону, она больна. Это была горничная отъ тѣхъ господъ, гдѣ Августа жила и шила, и ничего я отъ нея не могъ узнать, какъ всегда отъ бабы, наболтала съ три короба и ушла, очень торопилась. Вчера утромъ мы пріѣхали въ городъ, пошли въ госпиталь и



спрашиваемъ о ней, а господинъ у дверей говорить, что тутъ нѣтъ такой. Мы стоимъ и не понимаемъ, какъ это она уже такъ скоро выздоровѣла и вышла изъ госпиталя. Тутъ пришелъ другой, и они стали смотрѣть какую-то бумагу. Да, говоритъ онъ, да, совершенно вѣрно, Августа Вильгельмина, двадцать три года и такъ далѣе, и мы хотимъ войти. Нѣтъ, говоритъ онъ, это не здѣсь, она умерла вчера вечеромъ. Такъ мы и стоимъ въ снѣгу и ничего не понимаемъ и не даемъ прохода другимъ, пока насъ не убрали отсюда. Но потомъ они были очень добры къ намъ и помогли намъ найти ее.

И онъ продолжалъ рассказывать, почему она попала туда,—изъ-за болѣзни желудка, и что ей дѣлали операцію и отъ того она и умерла. Въ голосъ его не слышалось ни малѣйшей жалобы и только взглядъ его, безнадежно-спокойный, казалось, рылся въ памяти, стараясь отыскать въ ней всѣ мельчайшіе факты.

Янсонъ не рѣшался посмотреть ему въ глаза, старался не видѣть слезъ жены его. Онъ смотрѣлъ на брезентъ, покрывавшій длинный предметъ, и снова подумалъ разсѣянно, что бы это могло быть. Что это парходъ, останавливается? Промежутки между ударами машины становятся все длиннѣе и длиннѣе.

— А гдѣ она теперь?—спросилъ онъ, когда

крестьянинъ замолчалъ. Старушка отняла руки отъ лица; глаза ея, полные слезъ, ничего не видя, смотрѣли въ сѣрое пространство, разстилавшееся за окномъ. Она протянула руку къ длинному предмету, какъ-то дико шаря ею въ воздухъ, потомъ уронила ее на твердый ящикъ, и, съ полной глубокаго отчаянiя нѣжностью, оставила на немъ. Крестьянинъ снова заговорилъ спокойно и глухо, какъ раньше.

— Это она, Августа, она тутъ, она. Мы купили ящикъ на Давидъ-Багаресгата. Нашелся готовый, какъ разъ впору, и мы сразу ее и уложили.

И онъ продолжалъ рассказывать, какихъ заботъ и хлопотъ стоило, чтобы все устроить, и сколько стоилъ ящикъ — всю, леденящую душу, печальную инсценировку смерти. Они чуть-было не опоздали на пароходъ — что бы они тогда стали дѣлать?

Янсонъ слышалъ каждое слово и въ промежуткахъ между ними стукъ машины, теперь учащенный, тревожно быстрый; странное ощущенiе явилось у него, которое съ каждой минутой все росло — будто что-то новое появилось, что-то встало между нимъ и всѣмъ остальнымъ. Что это было? Это было горе, это былъ леденящiй холодъ снаружи, это было отчаянiе, готовое закричать, ударить — теперь оно овладѣло имъ.

Онъ испустилъ горестный вопль, который пронесся по всему пароходу и передъ которымъ всѣ другіе звуки ступшевались, казались молчаніемъ. За спиной его образовался кругъ испуганныхъ лицъ, казавшихся бѣлыми, выступавшими изъ сумерекъ пятнами, съ разинутыми ртами, съ широко открытыми глазами. Оба маляра ухватили другъ друга за руки, какъ боящіяся въ темнотѣ дѣти; въ дверяхъ, ведущихъ въ буфетъ, вынырнуло изъ темноты нѣсколько женскихъ лицъ. Онъ самъ слышалъ этотъ вопль, но не сообразилъ, откуда онъ; задыхаясь, онъ разстегнулъ пуговицы на груди и тяжело перевелъ духъ.

— Ящикъ,—вырвалось у него какимъ-то шипящимъ звукомъ,—ящикъ, это онъ пришелъ, это я его слышалъ? Откройте его! Уберите брезентъ, откройте его! Я хочу ее видѣть, я хочу ее видѣть!

Родители сидѣли, оцѣпенѣвъ передъ его взглядомъ, ставшимъ вдругъ такимъ страшно-пустымъ. Кругъ человѣческихъ лицъ за его спиной смыкался все тѣснѣе; въ какой-то общей, смутной тревогѣ встрѣчались мысли этихъ людей, охваченныхъ однимъ и тѣмъ-же страхомъ, но не находившихъ еще для него словъ. Онъ былъ помѣшанъ, боленъ, или только пьянъ? Въ чемъ дѣло, почему такимъ холодомъ несетъ изъ этой тѣсной, замкнутой комнаты?

Желаніе увидѣть мертвую охватило его съ невыразимой силой, онъ не могъ вынести отказа, онъ былъ готовъ ползать на колѣняхъ и умолять, чтобы исполнили его требованіе. Его чувство къ ней, къ умершей, вдругъ выросло до степени страданія, и онъ зналъ, что оно всегда было такимъ и лишь казалось нѣжнымъ и мягкимъ. Онъ схватилъ родителей за руки, наклонился надъ ними и заговорилъ быстро-быстро, но его перекосившееся лицо пугало ихъ, и они едва понимали, что онъ говорить.

— Я любилъ ее, дайте мнѣ взглянуть на нее, откройте ящикъ! Я любилъ ее, мы пришли къ соглашенію, что теперь, весной, или какой-нибудь другой весной—и вдругъ она умерла! Но я долженъ ее видѣть, вы понимаете, вы слышите? Я слышалъ, какъ она пришла. Она такъ тяжело ступала надъ моей головой, я ничего не думалъ, о томъ, о семъ, какъ бываетъ — Боже милостивый, какъ бываетъ,—а это она пришла. Покажите мнѣ, что она умерла; я вамъ не вѣрю. Какъ разъ здѣсь я ее видѣлъ въ послѣдній разъ. Я стоялъ тутъ, и она прощалась со мной, и смѣялась и протянула мнѣ руку и — да какъ-же это можетъ быть?.. Я хочу видѣть руки, я хочу видѣть руки—откройте ящикъ, говорю я вамъ, или я самъ это сдѣлаю и лягу рядомъ съ ней.

Они поняли его, наконецъ, и испугались,

дрожа и боясь за мертвую. Но кругъ людей позади его сомкнулся еще тѣснѣе, и у нихъ, наконецъ, нашлись слова:—Сдѣлайте то, что онъ хочетъ, исполните его желаніе, иначе онъ сойдетъ съ ума.

Они послушались. Они встали, еще дрожа, сняли брезентъ и начали отвинчивать лишь наполовину ввинченные винты. Онъ стоялъ, выпрямившись и покачиваясь назадъ и впередъ, чтобы удержать крикъ, готовый вырваться изъ его груди. Глаза его были неподвижно устремлены на одинъ конецъ ящика, туда, гдѣ должна была находиться голова. Наконецъ, крышка была поднята.

Въ скудномъ, холодномъ и сѣромъ освѣщеніи она казалась вдвойнѣ холодной и блѣдной, ея исхудавшее и утончившееся лицо казалось маленькимъ и юнымъ, но полный скорбнаго спокойствія складъ губъ и говорившіе о перенесенныхъ страданіяхъ ввалившіеся глаза придавали ему какую-то величавую и ужасную красоту. Но ужаснѣе всего были сложенные накрестъ руки.

Янсону казалось раньше, что онъ возьметъ ихъ въ свои руки, схватитъ ихъ крѣпко, будетъ ихъ цѣловать, шептать слова любви, чтобы согрѣть ихъ; но теперь онъ даже не рѣшался взглянуть на нихъ. вмѣсто того онъ сложилъ свои собственныя руки такимъ-же образомъ, ломая ихъ въ какомъ-то, полномъ страданія, рели-

грозномъ экстазѣ. Въ то время, какъ онъ ощущалъ настоящій моментъ ближе и реальнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, сознание его было далеко, ушло на много лѣтъ назадъ, къ тѣмъ временамъ, когда оно стало въ немъ пробуждаться. Онъ видѣлъ себя въ тѣсной комнаткѣ, какъ теперь, съ тяжелымъ дыханіемъ множества людей, со множествомъ глазъ, устремленныхъ въ одну точку, съ лѣниво шевелящимися мыслями, съ такимъ-же холодомъ и сыростью за окнами. И онъ не зналъ, тогда-ли онъ слышалъ слова, которыя теперь тѣснились ему на языкъ:

— Мы, жалкіе люди, что мы знаемъ? Я разговаривалъ и смѣялся, я, какъ и другіе, я думалъ о своемъ и считалъ, что оно мое, и не слышалъ приближавшихся шаговъ и не замѣтилъ рукъ, которыя уже крѣпко ухватились за него. Я выстроилъ свой домъ и ударилъ ногой объ скалу и сказалъ: она моя. Теперь скала рассыпается подъ моими ногами, и я погружаюсь въ песокъ, и вода подымается все выше—скоро все рухнетъ и кровельныя балки падутъ мнѣ на голову.

Онъ остановился, онъ больше не находилъ словъ. Тогда у него было много словъ, тогда онъ чувствовалъ какой-то трепетъ восторга, подымавшій его отъ земли и уносившій куда-то. Но тогда все это было неопредѣленно, его отчаяніе не ка-

силось чего-либо осязательнаго, оно налетало на него бурнымъ потокомъ извнѣ и уносило его. Теперь-же, здѣсь -- это бѣдное, застывшее лицо, эти руки... И онъ продолжалъ медленно, жалобнымъ голосомъ, полузаглушеннымъ рыданіями:

— Ты... ты... ты... такъ-то ты явилась, такъ-то намъ суждено было встрѣтиться! Знали-ли мы, когда видѣлись въ послѣдній разъ, думали-ли, знали-ли я еще сегодня?

Окружавшіе его зрители начинали понимать, что происходитъ передъ ними; женщины плакали, мужчины молча смотрѣли въ землю. Только у обоихъ маляровъ, съ ихъ полупьяной чувствительностью, сдержанное у всѣхъ состраданіе выразилось въ дѣйстви. Они подошли, шатаясь, къ Янсону, взяли его за руки и прислонили свои бѣдныя, затуманенныя головы къ его головѣ. Онъ посмотрѣлъ на нихъ безъ тѣни удивленія или смущенія и мягко отстранилъ ихъ; слезы потекли у него изъ глазъ.

Наконецъ, и родители умершей поняли, кого они имѣютъ передъ собою, но крышка гроба, которую они держали въ рукахъ, все время занимала ихъ вниманіе. Они со страхомъ думали только о томъ, скоро ли можно будетъ положить ее на мѣсто. Увидя теперь, что можно это сдѣлать, они медленно, благоговѣйно скрыли свою покойницу отъ чужихъ взоровъ, положили бре-

зентъ и оставили около себя мѣсто для Янсона на случай, если бы онъ захотѣлъ сѣсть.

Онъ скоро и сдѣлалъ это, спокойствіе вернулось къ нему, и онъ вступилъ съ ними въ разговоръ.

Такъ они сидѣли, обмѣниваясь своими воспоминаніями, и изъ ихъ сдержанныхъ, печальныхъ рѣчей выростала легенда объ умершей, сказка, можетъ быть, болѣе близкая къ истинѣ, чѣмъ дѣйствительность, ибо все мелочное отпадаетъ отъ нея, — эхо лучшихъ голосовъ человѣческой души, звучащее вслѣдъ каждому, созданное сожалѣніемъ объ ушедшемъ. Образы и чувства, которые они вызывали, не отличались ни утонченностью, ни красотой, это была самая обыкновенная повседневность—воспоминанія объ исполненномъ долгѣ, о доброй волѣ ея, объ ея веселости—такія грустныя теперь—но спокойствіе и торжественность въ голосѣ говорившихъ придавали всему этому извѣстное величіе. А стоявшіе вокругъ прислушивались, стараясь уловить рассказъ, и вѣрили каждому слову. И среди общей тишины раздавался только мѣрный, ритмическій шумъ машины, да доносившееся снаружи, изъ холода и мрака, журчаніе воды, убѣгавшей въ обѣ стороны.



## Въ синемъ лѣсѣ.

### I.

Въ тѣ времена часто случалось, — да и теперь, можетъ быть, бываетъ, — что когда дѣвушки осенью возвращались съ лѣсныхъ пастбищъ на возу, доверху наполненномъ сырами и кадками съ масломъ, со своимъ пестрымъ стадомъ впереди, на колѣняхъ у нихъ лежалъ маленький ребенокъ, о которомъ никто не зналъ и не подозрѣвалъ. Это, однако, ни въ комъ не вызывало особеннаго удивленія, негодованія или стыда, особенно если онѣ устраивались такъ, что тотъ, кто былъ отцомъ, сидѣлъ тутъ-же на возу съ возжами въ рукахъ и со смущеніемъ и гордостью объявлялъ, что вотъ, молъ, такъ обстоятъ дѣла, и они при первой возможности намѣрены отправиться къ пастору.

Церкви въ тѣ времена далеко были разбросаны одна отъ другой, да и ранней весной неохота было думать о женитьбѣ, когда столько

другого дѣла стояло на очереди, — съ такими вещами можно и подождать, никому отъ этого худа не будетъ. Развѣ что пасторъ состроить мрачную физиономію, если попадешь къ нему въ недобрую минуту, и начнетъ отчитывать, но проповѣди его можно и не слушать, достаточно просто опустить глаза. Все это болѣе, чѣмъ въ достаточной степени перевѣшивается увѣренностью, что такая семейная катастрофа, какъ совершившійся фактъ, встрѣтитъ въ концѣ концовъ полное признаніе и поддержку даже со стороны обычно не очень благожелательныхъ родственниковъ — особенно если лѣто выдаться удачное.

Потому-то, сидя на возу и спускаясь по усыпаннымъ хвоями и освѣщеннымъ осеннимъ солнцемъ лѣснымъ дорожкамъ внизъ, къ селеніямъ, откуда уже доносятся столь непривычные послѣ долгой тишины человѣческіе голоса и собачій лай, онѣ такъ беззаботно смѣются навстрѣчу солнцу и мыслями оглядываются назадъ, на долгое время, проведенное наверху и промелькнувшее, какъ одинъ день, почти одинъ сплошной праздникъ, съ его короткими страданіями и его великой, тихой радостью.

И колокольчики позваниваютъ, и свѣжій вѣтерокъ съ рѣзвой стремительностью налетаетъ, трепля волосы и платокъ на головѣ, и капли росы сверкаютъ на нитяхъ паутины, а младенецъ,

такой свѣженькій и румяненъкій отъ горнаго воздуха, улыбается всему изъ-подъ своей овчины. И когда коровы, почуявъ жилье, начинаютъ мычать, а вдали поднимаются къ небу столбы дыма, синѣющіе на фонѣ дальняго лѣса, тогда молодая мать не знаетъ, страхъ-ли это, или радостное ожиданіе и надежды заставляютъ такъ сильно биться ея сердце, что дыханіе захватываетъ въ груди.

Такъ обстояло дѣло и съ Маритъ этимъ лѣтомъ, и о такомъ-то возвращеніи домой она думала и мечтала, а мечтала она о немъ часто, ибо тамъ, на лѣсныхъ пастбищахъ, много остается досуга для мечтаній.

## II.

Это былъ высокій, но отлого спускающійся горный хребетъ, весь поросшій густымъ хвойнымъ лѣсомъ; только мѣстами, вдоль ручьевъ или гдѣ лѣсъ былъ вырубленъ или опаленъ подъ пашни въ давнія времена, тѣснились грядами и небольшими рощами березы и осины, и рядомъ съ ихъ свѣтлой зеленью верхушки хвойныхъ деревьевъ казались еще мрачнѣе. Въ глубинѣ, у подошвы хребта, протекалъ между тяжелыми каменными глыбами мрачный и холодный потокъ, по другую сторону котораго тянулись новые хребты,

расходясь въ разныя стороны и отдаляясь вершинами на поль-мили другъ отъ друга. Поды мешься на любой изъ нихъ, и глазамъ откроется такое-же зрѣлище по ту сторону гребня, тѣ-же отлогіе, синѣющіе вдали холмы, большія, блѣдныя озера между ними и сѣрыя хижины среди пятень яркой зелени.

Пастбище Марить было расположено на склонѣ горы, это было расчищенное и загороженное пространство, мимо котораго пролегала дорога.

Кругомъ былъ дикій лѣсъ съ кучами сухого хвороста и валежника, хрустѣвшаго подъ ногами, съ бурыми болотами и топями, съ кроваво-красными лишаями и покривившимися деревьями, голыя вѣтви которыхъ, казалось, были готовы вцѣпиться другъ въ друга. Тамъ еще водились медвѣди и рыси, подстерегавшія, спрятавшись въ вѣтвяхъ деревьевъ, свою добычу; въ оврагахъ встрѣчались волки; по временамъ воздухъ наполнялся зловоніемъ, исходившимъ изъ медвѣжьихъ берлогъ, а наверху, на гребняхъ горъ, виднѣлись на исполинскихъ, обнаженныхъ, какъ обглоданныя кости, соснахъ орлиныя гнѣзда. Близъ пастбища, въ глубинѣ между крутыми скалистыми стѣнами, находилось лѣсное озеро съ темной и холодной, какъ ледъ, водой; говорили, что у него подвижное дно изъ глины и древесныхъ корней, но, на сколько лоть доставалъ, тамъ внизу не было ни-

чего, кромѣ безконечной, темной, ледяной воды. Далеко, далеко за нимъ вился синій дымокъ и стлался въ синѣющей дали,—тамъ находились угольные ямы, гдѣ жгли уголь, но отъ пастбища туда не вело ни одной тропинки. По другую сторону, подъ дорогой, лежало еще пастбище, а затѣмъ ни одного человѣческаго жилья на поляхъ и больше кругомъ.

Когда Маритъ въ самомъ началѣ лѣта поднялась наверхъ, съ ней былъ Нильсъ, онъ правилъ лошадей. Дорога, поскольку позволяли обезумѣвшія отъ весенняго воздуха коровы, вся прошла у нихъ въ шуткахъ и веселіи. Особенно ихъ потѣшала Ингеръ съ сосѣдняго двора, которая отправилась въ горы одновременно съ Маритъ, такъ какъ пастбища ихъ лежали по близости, и Ингеръ на все лѣто оставалась сосѣдкой Маритъ и, слѣдовательно, ея единственной поддержкой и помощью. Это обстоятельство и давало поводъ Маритъ и Нильсу къ шуткамъ и веселости, потому что Ингеръ и не подозрѣвала, что предстоитъ лѣтомъ; вдобавокъ, она была еще совсѣмъ юная и неопытная особа, и молодые люди легко представляли себѣ ея ужасъ, когда она узнаетъ истину.

Уморительно было смотрѣть на нее, какъ она воевала съ упрямымъ чернымъ козломъ, который представлялъ собою олицетвореніе зла на четы-

рехъ ногахъ и поминутно отбивался отъ стада. Въ рукѣ у нея былъ чулокъ, который она вязала, но съ работой дѣло обстояло плохо, какъ и съ ея собственнымъ спокойствіемъ. Не успѣвала она нанизать на спицу нѣсколько петель, какъ уже снова приходилось заняться чернымъ козломъ, и чулокъ ея мелькалъ въ воздухѣ, извиваясь, какъ угорь,—она могла быть рада, если все вязанье не распускалось при этомъ.

Но когда Ингеръ свернула на свою боковую дорожку и исчезла за стволами березъ, и молодые люди остались одни у своей ограды, шуткамъ и веселію пришелъ конецъ, тяжелая тревога закралась въ душу при мысли о предстоящей разлукѣ и о долгихъ мѣсяцахъ одиночества, грозившихъ, можетъ быть, невѣдомыми бѣдами.

Какъ красиво было здѣсь все—и зелень, еще легкая, какъ пухъ, на деревьяхъ и лужайкахъ, на которыхъ еще не видать было ни одного цвѣтка, и выкрашенная въ красную краску ворота съ ихъ дугой, отъ которой лучами расходились деревянные колышки, напоминая изображеніе солнечнаго восхода, и сѣрая бревна хлѣвовъ, сверкавшія въ лучахъ послѣобѣденнаго солнца, и крохотная избушка для жилья, прижавшаяся къ землѣ, точно насѣдка, и глядѣвшая на нихъ своими пустыми окнами,—все было красиво, но такъ пустынно и уединенно.

Они впустили скоть во дворъ, гдѣ онъ долженъ былъ пастись въ этотъ день, открыли дверь въ избушку и вошли. Какъ тамъ все было непривѣтливо и пыльно — нары, неприкрытыя постелью, выглядѣли такъ пусто и убого, котелокъ висѣлъ надъ очагомъ весь закоптѣлый и пыльный, скамья была завалена увядшими листьями еще съ прошлой осени, стулъ на трехъ ножкахъ стоялъ покривившись въ своемъ углу, похожій на паука, на столѣ у окна лежала одна страничка изъ пѣсенника, оставшаяся съ осени.

Окинувъ комнату унылымъ взглядомъ, они подумали: такъ здѣсь это должно будетъ произойти! — но ни слова не сказали другъ другу и сейчасъ-же принялись за уборку и чистку. Нильсъ вышелъ на дворъ и далъ исходъ своимъ невысказаннымъ чувствамъ въ самой энергичной работѣ: онъ наколотъ дровъ, чтобы приготовить для Маритъ возможно большій запасъ, привелъ въ порядокъ колодезь, чтобы журавль его двигался легко, нанесъ столько воды, сколько вмѣстилось въ имѣвшейся въ избѣ посудинѣ, и внесъ въ избу весь самый тяжелый скарбъ. Они двигались молча, поникнувъ плечами, и даже ни разу не обмѣнявшись дружескимъ взглядомъ, занятый каждый своимъ дѣломъ.

Скоро ему пора было собираться въ обратный путь, становилось поздно и надо было отвезти

лошадь домой. Перекусивъ чѣмъ попало, молча и почти благоговѣйно, какъ всегда, они сидѣли и, не находя словъ, ждали минуты разставанія. Вдругъ Нильсъ поднялъ одинъ изъ стоявшихъ около скамьи роговъ, сдѣланныхъ изъ бересты; это былъ большой, полый внутри рогъ, такъ искусно выгнутый, что въ него можно было пѣть и кричать и слова ясно слышались на далекомъ разстояніи.

— Ахъ, да, — сказалъ онъ, — этотъ рогъ...  
Надо намъ выбрать мѣсто для него.

И захвативъ рогъ, они оба вышли.

Внизу подъ загородью, направо, былъ небольшой пригорокъ, на которомъ росли стройныя, сѣрыя осины, еще совершенно обнаженныя; въ этомъ мѣстѣ горы раздвигались, открывая взгляду обширныя лѣсистыя пространства, и потокъ внизу, и зеленыя поля далеко вдали, гдѣ виднѣлась и часть селенія.

— Здѣсь, — сказалъ онъ, — здѣсь какъ разъ открытое пространство, и какъ разъ въ томъ мѣстѣ, тамъ далеко, видишь, гдѣ сѣрое пятно, я начну расчищать новъ и тамъ я буду большей частью находиться. Тамъ только я тебя услышу и больше никто.

Марить оглянула мѣстность, разстилавшуюся у ногъ ея. Даль лежала въ прозрачномъ, блѣдномъ свѣтѣ приближающагося вечера такая



странно - молчаливая, словно насторожившаяся; гдѣ-то нѣсколько разъ коротко свиснулъ дроздъ, отъ молодыхъ листочковъ и почекъ неся легкой, свѣжей ароматъ. Они опредѣлили часы дня, чтобы давать другъ другу вѣсточки, если что-нибудь случится, или просто захочется наполнить долги, одинокіе часы ожиданія. Нильсъ протянулъ ей рогъ.

— Попробуй, — сказалъ онъ, — хорошо-ли будетъ слышно.

Маритъ, смѣясь, поднесла его къ губамъ и испустила ясный, звонкій кликъ; затѣмъ она опустила рогъ, и оба стали прислушиваться.

Пролетѣвъ надъ верхушками деревьевъ, звукъ унесся въ синюю даль, казавшуюся такой холодной, словно льдины еще неслись по поверхности воды; быстрѣе птицы онъ пронесся въ неподвижномъ воздухѣ и исчезъ. Только гдѣ-то въ оврагѣ еще дрожало глубокое эхо.

Съ раскрытыми губами, устремивъ взглядъ далеко вдаль, Маритъ продолжала стоять все въ той-же наклоненной позѣ, словно слѣдуя за волнистыми движеніями звука. Передъ глазами ея горизонтъ понижался, встрѣчаясь съ извивающей линіей горъ — можетъ быть, и туда достигъ звукъ? — глубоко внизу видѣлось лѣсное озеро — вдругъ слезы брызнули изъ ея глазъ, крупныя и

прозрачныя, какъ капли дождя, и руки ея опустились.—Господи, Господи Иисусе!

Нильсъ взялъ рогъ изъ ея рукъ и, отложивъ его въ сторону, приблизился къ ней.

— Что съ тобой, что такое?

— Ахъ, мнѣ показалось, что все кончено для меня. Когда я крикнула, мой голосъ улетѣлъ и никто его не слышалъ. Мнѣ показалось, что кто-то унесъ его... оттуда...—она не рѣшалась посмотрѣть въ сторону озера.—И я въ эту минуту знала что-то, я такъ вѣрно это знала....

Она теперь смотрѣла на озеро, не видя его, и взглядъ ея казался совершенно темнымъ.

— Но что такое ты знала? — Нильса тоже охватила дрожь.

— Я не могу этого уже сказать, я уже не знаю этого, но это было что-то черное и страшное.

Но не долго держалось у нихъ это тревожное настроеніе; Марить получила свою долю утѣшенія, которое совершенно успокоило ее, хотя въ немъ не много было словъ; когда онъ уѣзжалъ, она снова смѣялась и кивала ему головой на прощаніе, окруженная своими пестрыми питомцами, которымъ давно пора было въ хлѣва. И она осталась одна на все лѣто.

Но она не хотѣла поддаваться этой гнетущей мысли и принялась мыть полъ, прогоняя одну

доуку другой, пока не насталъ часъ ложиться спать.

### III.

На слѣдующее утро какъ весело было встать съ восходомъ солнца, когда все такъ свѣжо и чисто было кругомъ, смотрѣть на золотисто-красное небо, пока глаза не налились слезами, чувствовать росу на голыхъ ногахъ и знать, что все здѣсь принадлежитъ ей и будетъ принадлежать весь долгій день, пока не померкнетъ свѣтъ.

Чего стоило одно наслажденіе выпустить скотину изъ хлѣвовъ, подоить ее и открыть ей ворота въ лѣсъ, въ весь обширный лѣсъ. Животныя тѣснились, въ нетерпѣннн толкая другъ друга и дѣлая неуклюжіе прыжки, но въ слѣдующую минуту они остановились въ нерѣшимости, старая корова съ колокольчикомъ на шеѣ принялась осторожно искать прошлогоднихъ тропинокъ, въ то время, какъ быкъ Крузе со своей кудрявой холкой стоялъ съ угрюмымъ видомъ у ограды. Съ овцами и козами не было никакихъ затрудненій, въ одинъ мигъ онѣ разсыпались по кустамъ, словно никогда въ этихъ краяхъ не бывало ни медвѣдей, ни волковъ.

Приведя все въ порядокъ, на что потребовалось не много времени среди ея ничѣмъ не на-

рушаемаго уединенія, Маритъ отправилась къ Ингеръ. Это было ей не особенно легко, хотя дорога шла подъ гору. Она рѣшила какъ можно скорѣе выяснитъ положеніе дѣла, для того, чтобы положить конецъ скрытничанью.

Придя къ Ингеръ, она застала ее передъ тяжелой задачей: на свѣтъ Божій появился теленокъ раньше, чѣмъ она ожидала, и внесъ съ собой много хлопотъ, которыя частью являлись тяжелымъ испытаніемъ для ея находчивости и сообразительности, частью-же, безпрестанно отрывая ее отъ чтенія, которымъ она занималась, лишали его всякой цѣнности.

Книга, которую она читала, называлась „Манна домашняя или три ежедневныхъ правила христіанина“, и, несмотря на ранній часъ дня, Ингеръ, вполголоса и нараспѣвъ, успѣла уже одолѣть двѣ трети этой манны, но такими маленькими порціями и съ такими частыми перерывами, что ничего не вынесла изъ нея. Теперь она предавалась размышленіямъ о томъ, согрѣшила ли она, преступивъ границы умѣренности, между тѣмъ какъ вокругъ нея царилъ величайшій беспорядокъ.

Маритъ очень скоро все уладила при помощи только своихъ рукъ и своего яснаго голоса, послѣ чего обѣ дѣвушки усѣлись съ шитьемъ въ рукахъ и принялись болтать.

Но особенно много имъ нечего было сообщить другъ другу; разговоръ вертѣлся главнымъ образомъ вокругъ коровъ, сколько какая изъ нихъ даетъ молока и сколько онѣ даютъ всѣ вмѣстѣ; въ промежуткахъ онѣ слѣдили за очагомъ, чтобы огонь не вышелъ, и все время чувствовали вокругъ себя уединеніе и солнечные лучи. Было бы совсѣмъ, какъ воскресенье, если бы не работа, та-же удивительная тишина въ воздухѣ, та-же увѣренность, что никто не позоветъ и не отдастъ приказанія, та-же склонность къ зѣвотѣ и ощущение близости чего-то торжественнаго.

Маритъ почувствовала себя вдругъ охваченной ощущеніемъ страха и грѣховности, какого никогда не испытывала, но она все-таки осталась при твердомъ намѣреніи не откладывать того, зачѣмъ пришла, потому что вѣдь все лѣто будетъ такой-же воскресный день, какъ сегодня, а поговорить объ этомъ рано или поздно все равно придется. Она поэтому потихоньку вытащила маленькій дѣтскій свивальникъ, уронивъ остальную работу на полъ, и сидѣла въ ожиданіи того, что теперь наступитъ, чувствуя нѣкоторую тревогу, но въ то-же время и сильное желаніе смѣяться.

Устремивъ въ пространство свои синіе глаза—казалось почти, будто у нея ихъ больше, двухъ,—Ингеръ говорила что-то, отъ времени до времени испуская вздохи, причѣмъ не было ни-

какой возможности понять, что она, въ сущности, говорить, словно это было на какомъ-то чужомъ нарѣчїи, доносящемся издали. Она, можно сказать, не замѣчала совершенно, что дѣлалось на грѣшной землѣ, и менѣе всего—что было въ рукахъ у Марить, и онѣ могли бы сидѣть такимъ образомъ до безконечности.

Наконецъ, Марить, подавивъ свою веселость, обратилась къ ней за совѣтомъ относительно какого-то рубца.

Ингеръ медленно перевела свои мысли на этотъ ничтожный предметъ.—Вотъ какъ,—сказала она, беря въ руки легкую ткань, — но вдругъ она выпустила ее изъ рукъ, словно уколотившись объ нее,—что это такое, Господи помилуй!—и Марить почувствовала на себѣ взглядъ ея глазъ, испуганныхъ и широко раскрытыхъ; ей казалось, словно глаза цѣлаго собранія прихожанъ устремились на нее. Она не думала, что будетъ плакать, напротивъ, внутренно она смѣялась при видѣ уморительнаго лица прїятелиницы, но, виновуясь хитрому инстинкту, она вдругъ разразилась слезами, — это не такъ трудно было, — увлекши за собою и Ингеръ по тому же пути, который несомнѣнно былъ самый вѣрный и лучшій. Какъ только она почувствовала, что побѣда за нею, слезы сейчасъ-же высохли на глазахъ у нея

и только изрѣдка легкое всхлипываніе слышалось еще въ ея ясномъ голосѣ.

— Дѣло въ томъ, видишь-ли, что я въ скоромъ времени ожидаю мальчика и хотѣла тебя просить оказать мнѣ помощь лѣтомъ.

Такой оборотъ разговора лишилъ Ингеръ возможности проявить суровость, и дѣло такимъ образомъ было въ сущности сдѣлано.

Потомъ послѣдовало, конечно, еще нѣсколько возгласовъ ужаса передъ невѣроятнымъ фактомъ, но это было болѣе по обязанности, чѣмъ искренно, поэтому не трудно было если не возражать на нихъ, то по крайней мѣрѣ просто уклониться отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ этимъ Ингеръ обнаружила вполне естественное любопытство и желаніе знать детали. Послѣ того, какъ Маритъ удовлетворила это любопытство, не особенно точно придерживаясь истины, Ингеръ вдругъ возымѣла мысль.

— Но подумала-ли ты,—сказала она,—какой это грѣхъ, какъ это дурно?

— Я думала, я думала объ этомъ все время,— здѣсь на помощь снова появилось всхлипываніе, давшее возможность обойти вопросъ о томъ, какъ она при такихъ обстоятельствахъ все-таки стала тѣмъ, чѣмъ была теперь,—но—голосъ ея снова звучалъ ясно—теперь мнѣ кажется только, что я ни о чемъ другомъ не должна думать, какъ о

малышѣ и о томъ, какъ устроить все наилучшимъ для него образомъ.

Это опять подало поводъ къ цѣлому ряду об-сужденій и размышленій, и когда Ингеръ пригото-вилась къ новому натиску, позиція Маритъ была уже значительно укрѣплена.

— Но подумала-ли ты, какое это преступле-ніе передъ закономъ? — Голосъ у Ингеръ опять звучалъ, какъ чужой, заученный, и въ немъ чув-ствовалась жесткость камня. — Въ законѣ ска-зано...

Маритъ безбоязненно и весело посмотрѣла ей прямо въ глаза.

— Нисколечко,—сказала она, — чего ради я стану мучиться этимъ больше, чѣмъ другія? Въ такомъ положеніи были уже лучшія, чѣмъ я, да къ тому же я очень рада, что у меня будетъ сынъ. — Но вслѣдъ затѣмъ, чтобы не приводить красивую Ингеръ въ полное отчаяніе, она при-бавила:—но, можетъ быть, это еще придетъ, если только у меня будетъ больше времени думать объ этомъ, это навѣрное придетъ.

Этимъ Ингеръ пока удовлетворилась, рѣшивъ съ своей стороны сдѣлать все возможное, чтобы наставить Маритъ на путь истинный, и съ этой слабой надеждой на спасеніе Маритъ черезъ нѣ-которое время разсталась съ ней.

Поднявшись на гору и увидя свой маленькій



домикъ, такъ весело и привѣтливо сіявшій въ лучахъ солнца, она почувствовала такой приливъ счастья, предстоящее лѣто со всѣмъ, что оно должно было принести, наполнило ея душу такой радостью и такими свѣтлыми надеждами, что ей захотѣлось прыгать и бѣгать и досадно было, что она не можетъ теперь этого дѣлать.

Ингеръ же почувствовала необходимость вкусить третью мѣру манны, чтобы найти покой отъ всѣхъ тѣхъ тревогъ и сомнѣній, какія возбуждали въ ней предстоящія ея отношенія къ пріятельницѣ. Но, поставивъ себѣ цѣлью по возможности пролить свѣтъ въ преступную душу Маритъ, она снова погрузилась въ размышленія о себѣ самой, какъ о наиболѣе близкомъ и важномъ предметѣ, уходя взглядомъ по ту сторону земного, насколько позволяли ей заботы о новорожденномъ теленкѣ.

#### IV.

Въ сердечномъ покаяніи и внутреннемъ сокрушеніи Маритъ не далеко ушла; это было, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо, она и сама, въ сущности, понимала это, что правильно, то правильно, это надо признать, хотя бы всѣ кругомъ и поступали неправильно.—Ингеръ рѣдко говорила о чемъ либо другомъ при встрѣчахъ съ нею, но это ни къ чему не вело.

Дни протекали такъ легко и спокойно, свѣтъ не исчезалъ круглыя сутки, и куда ни взглянешь, все такъ свѣжо кругомъ. Было совершенно невозможно думать о чемъ-либо опредѣленномъ, взглядъ скользилъ надъ лѣсами, казавшимися теперь все менѣе и менѣе угрюмыми по мѣрѣ того, какъ березы покрывались листвою и ели пускали свѣжія вѣтки. Только даль все такъ же синѣла, и синимъ становилось все вокругъ, когда солнце заходило.

Все располагало къ лѣни, словъ здѣсь совсѣмъ не требовалось, и, сидя на своей вышкѣ и наблюдая восходъ и заходъ солнца, она чувствовала себя беззаботной и свободной, какъ вѣтеръ. Единственное желаніе, какое у нея появлялось, было слышать звуки рога, какъ они разносились въ воздухѣ, ширились, уплывали и тонули въ голубой дали. Все, что шевелилось въ ея собственной душѣ, было такъ неопредѣленно, какія-то волны, какіе-то тона, зарождавшіеся, рвавшіеся наружу и прокладывавшіе словно мостъ къ чему-то невѣдомому и далекому.

Работа отнимала не много времени. Утромъ, подоивъ коровъ, она выпускала скотину въ лѣсъ, убирала избу и хлѣва, потомъ ждала вечера и поддерживала жаръ подъ очагомъ отъ ночного холода. Часто животныя возвращались домой сами; позванивая колокольчиками, они стояли терпѣ-

ливо за оградой, всѣ эти бѣлыя и пестрыя коровы, пережевывая свою жвачку и ожидая, чтобы имъ дали соли и подоили ихъ и впустили въ хлѣвъ и привязали, когда придетъ время. И потомъ ни звука не слышать было больше, кромѣ тихаго постукиванія копытъ объ землю отъ времени до времени, да слабаго позвякиванія колокольчиковъ; насколько доставалъ слухъ, все было тихо кругомъ.

Иногда она отправлялась сама искать ихъ въ лѣсъ, гдѣ солнечные лучи ярче, чѣмъ гдѣ бы тони было, золотились на пняхъ, и на кустикахъ черники, и на зеленой листвѣ, на солнцѣ горѣвшей и слѣпившей глаза. Тамъ не было ничего страшнаго, тамъ невозможной казалась самая мысль о томъ, чтобы бояться дикихъ звѣрей, хотя прошлой осенью было растерзано нѣсколько штукъ мелкаго скота, и она и теперь еще видѣла на одной изъ тропинокъ, по которой проходила, остатки ихъ полусгнившихъ копытъ. Въ теченіе зимы старались выслѣдить медвѣдя, который это сдѣлалъ, но такъ и не нашли его логовища,—но теперь не время было думать о такихъ вещахъ, теперь у дикихъ звѣрей достаточно было и безъ того добычи въ лѣсу и имъ нечего было гнаться за тѣмъ, что принадлежало людямъ. И только въ шутку, зайдя дальше, чѣмъ обыкновенно, она затянула пѣсню для нихъ.

Сначала она заплѣла, стараясь, чтобы голосъ ея звучалъ какъ можно грознѣе и суровѣе;

„Эй, вы, волки и медвѣди,  
Изъ берлогъ не вылѣзайте,  
Моихъ коровокъ не пугайте!“

Она представляла себѣ, какъ они боязливо втягиваютъ въ норы свои косматые головы съ зажмуренными глазами, испугавшись ея грознаго голоса.

Затѣмъ она продолжала самымъ нѣжнымъ и ласковымъ голосомъ;

„Вы же, козочки, ягнята,  
Смѣло прыгайте, рѣзвитесь,  
Злого звѣря не страшитесь!“

Въ отвѣтъ раздавался странно-пустой голосъ кукушки, словно эхо, доносящееся изъ сырыхъ и мшистыхъ овраговъ. И она снова и снова повторяла свою пѣсню, все смѣлѣе, и громче, и звонче, и заканчивала ее трелью, когда, наконецъ, доносился до нея звонъ колокольчика старой предводительницы-овцы, то громче, то слабѣе, смотря по тому, шла-ли тропинка въ гору или подъ гору.

Затѣмъ она подсчитывала своихъ бѣлыхъ и черныхъ питомцевъ, всѣ были на лицо. О, нѣтъ,

они не посмѣютъ тронуть никого изъ ея стада! И, спокойная и радостная, она шла домой въ сопровожденіи всей своей свиты—длинное шествіе въ сіяніи солнечныхъ лучей, подъ блеяніе овецъ и нетерпѣливое взвизгиваніе козъ.

Тамъ, наверху, былъ весь ея міръ, тамъ заключалась вся ея жизнь, а кругомъ—величавая тишина, въ которой каждый звукъ исчезалъ, какъ круги на поверхности воды. И единственныя нити, тянувшіяся отъ нея къ человѣческому жилью, были тѣ слова, которыми она обмѣнивалась по вечерамъ съ Нильсомъ; эти слова существовали только для нихъ обоихъ, никто другой не слышалъ ихъ, никто не зналъ объ нихъ; и тайна ихъ неслась черезъ пустынные пространства, невѣдомая никому, скрытая отъ всѣхъ,—нѣмая тайна.

Каждый вечеръ, въ опредѣленный часъ, голоса ихъ раздавались въ тиши, взлетали въ воздухъ, уносились въ пространство и, встрѣчаясь, образовали мостъ изъ звуковъ между ними обоими. Въ нихъ выливалась, проносясь надъ неподвижными верхушками деревьевъ, лѣтняя сказка Марить.

Она была однообразна и ясна, какъ дни тамъ, въ горахъ, такіе ясные и спокойные въ никогда не угасавшемъ сіяніи. Никакихъ тревогъ, никакихъ заботъ, кромѣ одной мысли о томъ неиз-

бѣжномъ, чего она ждала и совершенно не боялась,—привольные, легкіе дни.

Каждый вечеръ она останавливалась подъ осинами, на которыхъ листья становились все крупнѣе и все безпокойнѣе дрожали, и оглядывалась кругомъ; почти всегда одна и та же неизмѣнная картина, та же тишина, та же синева. Она доставала рогъ изъ укромнаго уголка, гдѣ онъ былъ защищенъ отъ дождя, и высылала вдаль свой призывъ, нѣсколько ясныхъ, чистыхъ звуковъ безъ словъ; они колыхались въ воздухѣ, колеблясь въ своемъ переменчивомъ ритмѣ, и ей казалось почти, будто она улавливаетъ ухомъ ихъ волнообразныя, извилистыя движенія.

Она опускала рогъ и, сдерживая дыханіе, ждала отвѣта.

И отвѣтъ являлся; казалось, что воздухъ весь, напоенный звуками, поетъ ихъ ей; они подымались изъ синяго лѣса, взлетали и ширились и словно уносили и ее съ собою вверхъ. Въ нихъ былъ онъ, хотя и невидимый, онъ былъ тутъ, съ нею, онъ постоянно думалъ о ней, и она не была одинока.

И вся полна ликующей радости, она снова подносила рогъ къ губамъ, и снова раздавался ея голосъ; въ одинъ мигъ сами собой зарождались у нея короткія строфы съ римами, какъ

коротенькія пѣсни, и воздухъ подхватывалъ ихъ и уносилъ.

„Ступай домой!  
Пора на покой!  
День прошелъ хорошо,  
Стадо въ хлѣвѣ давно“.

И въ отвѣтъ доносилось:

„Прощай, прощай  
До завтра, не скучай!“

Но это отнюдь не означало еще прощанія это просто было все, что Нильсъ могъ придумать, и снова уносился вдаль голосъ Маритъ, и пѣснь ея звучала той же ликующей радостью.

„Все у насъ благополучно.  
Мальчикъ ждетъ, и намъ не скучно.  
Еще мѣсяцъ ему ждать,  
Еще мѣсяцъ ему ждать“.

Такъ у нихъ могло тянуться безъ конца. Нильсъ отвѣчалъ, какъ придется, онъ не былъ такъ искусенъ, какъ Маритъ, въ умѣнїи находить приемы, она славилась этимъ по всему околodку. Эти двое людей, которые обыкновенно, какъ и

большинство крестьянъ, такъ мало умѣли говорить о томъ, что было имъ ближе всего, что они глубоко чувствовали и о чемъ много думали, теперь, на разстояніи, находили гораздо больше словъ, чѣмъ когда сидѣли рядомъ, держа другъ друга за руки. Здѣсь нечего было стыдиться ненужныхъ мыслей или словъ, здѣсь слышалъ ихъ только синій вечеръ, и синій вечеръ давалъ имъ отвѣтъ. Да имъ часто и не нужно было словъ, достаточно было однихъ звуковъ, достаточно было слышать, какъ они уносятся, и дрожать въ воздухѣ, и ширятся, и падаютъ куда-то, чувствовать, какъ переполняющая душу радость изливается въ нихъ и сплетается со всей окружающей тишиной и спокойствіемъ.

И золотистые, косые лучи солнца падали на стволы осинъ, и въ свѣтѣ ихъ каждое пятнышко выступало такъ ясно и отчетливо, каждый листикъ выдѣлялся такъ ярко рядомъ съ темными иглами елей; и лучи подымались къ верхушкамъ, и зажигали ихъ яркимъ пламенемъ и, дрожа, таяли въ воздухѣ.

А двое людей все стояли, и говорили, и рассказывали другъ другу, какъ день прошелъ, и что они дѣлали, и чего они ждутъ, и однообразное теченіе ихъ жизни отражалось въ короткихъ однообразныхъ строфахъ, которыя неслись взадъ и впередъ среди безконечной тишины лѣса.



Такъ время шло въ маленькой хижинѣ Маритъ, наверху, въ горахъ; часы тянулись медленно и лѣнливо, но не грустно, одинъ день, какъ другой, и все же, когда она оглядывалась назадъ, это время казалось ей короткимъ, какъ одинъ мигъ. Все это такъ походило на сонъ; такъ иной разъ лежишь рано утромъ въ полуснѣ, и образы за образами проносятся въ мозгу, и кажется, что цѣлыя сутки прошли, но когда вскакиваешь, раскрывъ глаза, и оглядываешься кругомъ, то съ удивленіемъ замѣчаешь, что едва прошло нѣсколько минутъ.

Погода мѣнялась, дождь барабанилъ по кровлѣ и вѣтеръ гналъ тучи по небу, онѣ являлись и исчезали попеременно, но всегда неизменно царило вокругъ Маритъ то же уединеніе и то же величіе; впрочемъ, большей частью синее небо разстилалось надъ нею и синій воздухъ окружалъ ее и все вокругъ нея, унося каждую мысль куда-то, въ безграничную даль.

И пришло время явиться бабушкѣ-Кари.

Это была маленькая, молчаливая старушка, съ морщинистыми, румяными щеками и угрюмымъ, всегда занятымъ видомъ. Она жила въ отдаленной деревушкѣ, но практику имѣла на много миль кругомъ. Въ промежуткахъ между своей весьма

распространенной дѣятельностью она жила у своей дочери и зятя и вела весь домъ, незамѣтно для другихъ и не обращая на себя ничего вниманія, потому что она работала невидно и неслышно, какъ какой-нибудь добрый домашній духъ, ложась спать послѣдняя и съ наступленіемъ утра первая начиная двигаться по дому.

Благодаря своей профессіи, требующей умѣнія хранить тайны, она всегда была окружена большою таинственностью и одинаково мало говорила о своихъ дѣлахъ, безразлично, вращались-ли они въ предѣлахъ церковныхъ и общественныхъ законовъ, или касались тѣхъ неправильныхъ незаконныхъ отношеній, какія нерѣдко встрѣчались въ болѣе пустынныхъ мѣстахъ, — для нея это было все равно. И здѣсь, и тамъ она одинаково серьезно исполняла свои обязанности, съ тѣмъ же потряхиваніемъ наклоненной головы, скрывавшейся такъ глубоко въ складкахъ шали, что невозможно было разобрать, тревога или улыбка мелькаетъ на лицѣ ея.

Никто никогда не видалъ, чтобы она обращала вниманіе на время, напротивъ, оно, казалось, для нея вовсе не существовало, она всегда одинаково работала, двигаясь коротенькими и проворными шажками и не покладая неутомимыхъ рукъ. Но въ одно прекрасное утро она исчезала, оставляя все вокругъ себя въ полномъ

порядкѣ, и только борозды отъ ея лодки на водѣ были видны далеко въ лучахъ утренняго солнца,— и люди привыкли не допытываться у нея, куда она отправлялась. А недѣлю спустя она снова была дома и, какъ ни въ чемъ не бывало, снова принималась за работу, словно только вчера оставила ее, и только немного больше усталой торопливости и подвижности замѣчалось въ ней и, можетъ быть, слабая торжествующая улыбка подъ ея головнымъ платкомъ. Этотъ послѣдній, впрочемъ, она мѣняла, это была единственная перемена, которая происходила въ ея внѣшности съ возвращеніемъ къ повседневной жизни; для своихъ путешествій она надѣвала старую черную шаль, которая отъ старости и непогоды приняла рыжеватый оттѣнокъ.

Однажды вечеромъ, когда Маритъ, усталая и немного грустная, стояла у очага, подсыпая соли въ кашу, ей вдругъ послышались легкіе шаги снаружи. Выглянувъ въ узкую щель между бревнами, она увидала бабушку-Кари, подымавшуюся къ ея кижинѣ на своихъ коротенькихъ ножкахъ, такихъ коротенькихъ, что можно было подумать, что онѣ у нея износились въ пути; вечернее солнце освѣщало сзади ея черную шаль и узелъ за спиной, привязанный такъ, чтобы не слишкомъ отягчать ея плечи.

Маритъ поспѣшила къ дверямъ, чтобы открыть

ихъ, но раньше, чѣмъ она успѣла взяться за ручку двери, старушка уже сама упрямо стала открывать ее,—еще мгновеніе, и она, проскользнувъ въ узкую щель двери, стояла передъ смѣющейся Марить. Она ничего не сказала, только молча кивнула головой въ отвѣтъ на привѣтствіе дѣвушки, взглянула на нее своимъ угрюмымъ, словно помутнѣвшимъ отъ заботъ и головной боли, взглядомъ, мгновенно прогонявшимъ радость со всякаго лица, сняла съ плечъ свой узелъ и прямо направилась къ очагу.

Марить испугалась.

— Господи помилуй, бабушка, неужели ты сейчасъ примешься за дѣло? Ты не отдохнешь раньше?—сказала она.

Старушка повернула свою черную голову лишь настолько, чтобы еще разъ бросить бѣглый взглядъ на свою пациентку; она ничего не отвѣтила на вопросъ и только мотнула головой, ушедшей опять въ глубь черной шапи.

— Скоро придетъ время, что я буду нужна,—сказала она.

Съ этими словами она принялась хозяйничать въ домѣ безъ дальнихъ словъ, лишь отъ времени до времени ставя короткіе вопросы и кивая головой; она подоила коровъ, которыя подчинились этому безъ малѣйшей попытки протестовать противъ этой перемѣны власти, сняла съ очага кашу,

приготовленіе которой она считала, повидимому, всецѣло дѣломъ своихъ рукъ, судя по скучающему выраженію лица, съ которымъ она ѣла ее— отодвинувшись отъ стола насколько можно дальше. Маритъ вдругъ оказалась здѣсь словно чужой, она почувствовала себя такой слабой и усталой. Наконецъ, когда все было готово и Маритъ наимудобнѣйшимъ образомъ уложена въ постель, старушка забралась на свое мѣсто у двери и заснула, дыша коротко и часто; казалось, будто и во снѣ еще ее преслѣдовали заботы и тревоги.

На слѣдующее утро Маритъ лежала спокойно и смотрѣла, какъ маленькая фигурка старушки неслышно скользила въ золотистой полосѣ свѣта, врывавшейся въ дверь. Она устало откинула голову на подушку, и ей вдругъ стало жалко и себя, и бабушку - Кари, и цѣлый свѣтъ, въ головѣ мелькнула мысль, поправится ли она, или ей суждено перейти въ вѣчный покой здѣсь, въ этомъ одиночествѣ, на усталыхъ рукахъ старушки. Ей почти казалось, что это было бы лучше всего, хотя такъ грустно, казалось ей, будетъ, если все это кончится такимъ образомъ, все, и этотъ лѣсъ, такой большой, и холодный, и пустынный, и темнота, которая снова начала возвращаться.

Позже, ночью, начались боли, и все вокругъ нея закружилось въ вихрѣ, изъ котораго выдѣ-

лялись только испуганные глаза Ингеръ, широко раскрытые, словно она видѣла передъ собою всё муки ада, да черная голова бабушки - Кари, внезапно высывавшаяся изъ-за ея плеча и повергавшая ее въ благодѣтельный ужась.

Но когда все кончилось,—утренній свѣтъ уже пробивался въ окно, — въ избушкѣ оказалась не только новая жизнь, но и новая бабушка - Кари. Ни малѣйшаго слѣда усталости больше, ни утрюмыхъ и озабоченныхъ взглядовъ, вмѣсто нихъ двѣ сверкающихъ звѣздочки, которыя не знали, какъ имъ лучше выразить свою радость. Она сидѣла у постели и держала что-то на колѣняхъ, но Маритъ была слишкомъ слаба, чтобы повернуться и взглянуть на это, она только взглядомъ спросила, что это, мальчикъ или дѣвочка?

Старушка моментально ее поняла.

— Мальчишка,—шепнула она, — большой, чудесный мальчишка.—И она на одно мгновеніе поднесла сокровище къ самому лицу Маритъ, чтобы показать ей, какой онъ большой.

И въ душѣ лежащей въ лихорадкѣ матери зашевелились самыя разнообразныя чувства, радость, которой она такъ ждала и которую, наконецъ, ощутила въ себѣ, и приливъ гордости, и грусть, и страхъ, сейчасъ же исчезнувшіе,—

и среди всего этого хаоса одна ликующая мысль, что это мальчикъ и что ему не придется испытать того, что она претерпѣла. И отъ усталости и ужаса передъ воспоминаніемъ она закрыла глаза и забылась.

Бабушка-Кари снова усѣлась и съ сіяющимъ и восхищеннымъ лицомъ принялась разглядывать новорожденного; она осторожно изслѣдовала его члены и, сама того не зная, смотрѣла съ торжествомъ на эту новую жизнь, такую здоровую, полную нетронутыхъ силъ въ ея морщинистыхъ рукахъ, на это новое существо, которое въ свое время вступить въ борьбу за существованіе, такъ хорошо знакомую ей самой. Не то, чтобы его ожидало что-либо особенно пріятное и радостное,—большей частью тяжелый трудъ и нужда, судя по ея собственному опыту, но — такова жизнь, и ее надо нести. Но какой же онъ красивый, какой здоровый!

И старушка, съ лица которой исчезли малѣйшіе слѣды усталости, сидѣла и вводила въ жизнь малютку, испытывавшаго въ эту минуту первое, чѣмъ жизнь даритъ человѣка, ея первое большое страданіе; и глаза ея сверкали той же непобѣдимой силой, какая слышалась въ полномъ смутнаго требованія голосѣ ребенка,—жаждой жизни во что бы то ни стало.

Марить - же въ лихорадочномъ снѣ мерещился пригорокъ съ высокими осинами, ей мерещилась вся та радость, все то счастье, которая оттуда будутъ уноситься въ голубую, прохладную даль, мерещился онъ, прислушивающійся къ этимъ счастливымъ звукамъ.

## VI.

Черезъ нѣсколько дней Марить была уже на ногахъ, и бабушка - Кари опять исчезла, молчаливо и быстро, какъ и пришла, съ тѣмъ же усталымъ взглядомъ глазъ изъ подъ платка.

Нильсъ, не слыша такъ долго рога, не выдержалъ тревоги и, улучивъ время, взобрался наверхъ. Налюбовавшись вдосталь своимъ сокровищемъ, они принялись обсуждать мѣры предосторожности, необходимыя для того, чтобы сохранить свою тайну, потому что отъ времени до времени, въ опредѣленные часы дня, на пастбищѣ появлялись люди, оставлявшіе провизію и соль и забиравшіе кислое молоко и масло. Надо было, согласно старому обычаю при подобныхъ обстоятельствахъ, отыскать укромное мѣстечко для младенца, не слишкомъ близко отъ избушки, гдѣ онъ могъ бы оставаться одинъ въ случаѣ надобности; скоро они нашли то, что имъ было нужно, нѣчто вродѣ



грома, входъ въ который они загородили большими камнями. Тамъ они со смѣхомъ и шутками устроили очаровательнѣйшее гнѣздышко для своего птенца, устлавъ полъ ковромъ изъ кукушкина льна и красноватыхъ лишаяевъ и приготовивъ ему постель изъ самаго мягкаго мха и овечьихъ шкуръ.

Они оставили его тамъ для пробы и удалились на нѣкоторое разстояніе, но сейчасъ же вернулись обратно, частью изъ безпокойства, частью изъ любопытства, чтобы посмотрѣть еще разъ, какъ мило выглядить его гнѣздышко. Затѣмъ они назначили новые часы для переговоровъ, потому что вечеръ наступалъ теперь уже раньше, и, поговоривъ еще о приближающейся осени и обо всемъ, что надо приготовить къ тому времени, Нильсъ ушелъ.

Съ этихъ поръ въ звукахъ, исходившихъ изъ рога, появился какой то новый тонъ, и ухо, которое, не разбирая ни одного слова, слышало бы только эти звуки, могло бы догадаться по ихъ игрѣ о тайнѣ, которую они скрывали.

Никакихъ звуковъ въ лѣсу давно уже не было слышать, ни щебетанія лѣсныхъ пѣвуновъ, ни свиста дроздовъ,—изрѣдка лишь раздавался голосъ кулика въ верхушкахъ сосенъ,—и только Марить наполняла пространство своимъ ликующимъ пѣніемъ.

Сотни вещей были, о которых надо было рассказать: что мальчикъ растеть, что онъ съ каждымъ днемъ становится все больше и сильнѣе, что онъ спить почти всю ночь, что онъ спить въ гротѣ такъ же хорошо, какъ въ избѣ, что онъ уже смотрить на нее по настоящему и двигаетъ ручками и ножками, почти какъ взрослый человѣкъ, что онъ пьетъ коровье молоко такъ же охотно, какъ ея собственное, если нужно, словомъ, что онъ восьмое чудо свѣта.

Ей всегда хотѣлось начинать съ трелей, хотя онѣ не достигали такъ далеко, звуки такъ и рвались изъ ея горла, и она всегда пѣла словно своему ребенку, даже тогда, когда передъ нею было лишь пустое, мертвое пространство. Ей надо было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы начать свой разговоръ съ Нильсомъ съ яснаго, отчетливаго призыва, который бы долетѣлъ до него.

„Милый, милый подъ горой,  
Слышишь ли ты голосъ мой?“

Голосъ ея, почти видимой для глаза дугой, унесся къ верхушкамъ деревьевъ, такихъ неподвижныхъ въ этомъ неподвижномъ воздухѣ, но не потонулъ въ нихъ, а, поднявшись снова, поплылъ дальше, въ голубую даль.

Не успѣла еще послѣдняя волна звука растаять, какъ раздался отвѣтъ:

„Милая въ лѣсу далеко,  
Безъ тебя мнѣ одиноко“.

А Марить продолжала:

„Неводъ закинуть тебѣ ужъ пора,  
А я здѣсь съ ребенкомъ остаться должна“.

Это вовсе не значило, что онъ долженъ сдѣлать то, что она говорила, Марить просто хваталась за первое, что приходило ей въ голову, все это было для нея лишь поводомъ выразить въ незатѣйливыхъ стихахъ свое радостное настроеніе. Какъ по всей вѣроятности и въ далекой древности, стихотворное искусство ея заключалось въ томъ, чтобы схватывать наудачу первую попавшуюся рѣму, цѣлью всего стиха было послѣднее слово, которое она тянула долго, вкладывая въ него все, что подсказывало ей въ данную минуту настроеніе. Нильсъ, которому не такъ легко давались слова, большей частью ограничивался ролью слушателя, но это только и нужно было Марить,—и она продолжала:

„Мальчикъ нашъ домой желаетъ,  
Свои пальчики считаетъ.  
Первый пальчикъ коротокъ,

Ахъ, отецъ его далекъ!  
А второй ужъ знаетъ,  
Когда съ матерью играетъ.  
Три, четыре—дѣдъ и баба,  
Ни о чемъ еще не знаютъ.  
А мизинчикъ это пасторъ,  
Онъ насъ скоро повѣнчаетъ“.

Такъ она стояла и повторяла въ рогъ все, что лепетала своему ребенку, и могла продолжать это безъ конца. Нильсъ находилъ иногда что это было довольно смѣшно, но, впрочемъ, здѣсь некого было стѣсняться, а звучало это, такъ мило. Ни одна пташка лѣсная не могла такъ весело щебетать, звуки словно смѣялись и плясали въ воздухѣ. Между ними лежалъ лѣсъ, казавшійся все синѣе и мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ сумерки сгущались, онъ словно погружался въ дремоту подъ звуки ея пѣсенокъ, но глядѣлъ такъ непривѣтливо и недружелюбно, казался такимъ холоднымъ и грознымъ въ своемъ пустынномъ величии.

Но она объ этомъ не думала; она пѣла для своего любимаго мальчика и для него, который былъ такъ далеко, что даже ни одной точки не было видно, которая бы указывала, гдѣ его домъ; все остальное для нея не существовало.

Въ концѣ концовъ, наговорившись вдоволь,

Нильсъ посылалъ свой прощальный привѣтъ, старинную пѣсенку, переходившую по традиціи и сочиненную нѣкогда такой же любящей парой, какъ они; въ этой пѣсенкѣ онъ выражалъ все, что хотѣлъ сказать, и онъ пѣлъ ее привычнымъ, чистымъ голосомъ, такъ что каждое слово слышалось ясно:

„Сними башмаки,  
Коровъ подои,  
Малютка безъ пищи скучаетъ.  
Я къ тебѣ не приду,  
Уйти не могу,  
Работа меня ожидаетъ“.

Послѣднія слова прозвучали такъ жалобно и грустно, но въ нихъ чувствовалась покорность необходимости. Такъ обстоятъ дѣла, иначе быть не можетъ, но вѣдь все-таки все идетъ хорошо, и на душѣ такъ радостно,—продолжая еще напѣвать вполголоса, Маритъ повѣсила рогъ на обычное мѣсто и пошла домой.

## VII.

Дѣла становилось все больше по мѣрѣ того, какъ лѣто приближалось къ концу, на ребенка уходило все больше времени, да и на животныхъ

тоже. Имъ почти не хватало уже корму на пастбищѣ, а слѣпни иногда загоняли ихъ такъ далеко, что Маритъ часами приходилось искать ихъ по вечерамъ.

Лѣсъ былъ теперь красивѣе, чѣмъ когда-либо. Солнечные лучи ярче прежняго золотились между деревьями, пригорки, покрытые черникой и морошкой, влекли къ себѣ обиліемъ ягодъ, комаровъ больше не было, такъ что она безпрепятственно могла наслаждаться тѣмъ, что давалъ лѣсъ. Она бродила по всему лѣсу, гдѣ только вилась тропинка или гдѣ можно было пройти между топкими мѣстами; отъ времени до времени, выйдя на открытое мѣсто, гдѣ раннимъ лѣтомъ куковала кукушка и эхо перекликалось съ нею, она подносила рогъ къ губамъ и испускала свой сигналъ.

Иногда шелъ дождь, все сверкало влагой и свѣжестью, и она видѣла, какъ дождевыя капли, словно спугнутыя звукомъ ея рога, дрожали на иглахъ въ лучахъ солнца и скатывались на землю. Въ прохладномъ воздухѣ каждый звукъ отдавался такъ четко и ясно, какъ круги отъ брошеннаго камня на неподвижной поверхности воды; издалека ей отвѣчалъ звонъ колокольчиковъ, серебристо-чистый, какъ въ стадахъ горнаго короля. Иногда ей приходилось повторять свой зовъ

три раза, раньше чѣмъ животныя показывались на виду.

Но однажды вечеромъ, когда она зашла дальше обыкновеннаго, далеко на востокъ, въ отвѣтъ на ея рогъ слышались другіе звуки.

Она стояла на вырубленномъ склонѣ горы, гдѣ между черными пнями густо росъ тонкій, стройный папоротникъ; по качеству почвы она видѣла, что здѣсь едва-ли могло быть пастбище вблизи, она по всей вѣроятности заблудилась въ поискахъ своего стада, но, чтобы убѣдиться, было-ли это точно только эхо, что слышалось ей раньше въ отвѣтъ, она еще разъ затрубила въ рогъ. Позади нея слышался гулъ человѣческихъ голосовъ, смѣхъ, перешедшій въ вой и визгъ, шумъ, полный веселья, но дикій и страшный.

Осторожно высунувъ голову изъ-за каменныхъ глыбъ, она стала осматриваться, боясь сама не зная чего.

У подопы горы клубился изъ черныхъ кучъ синеватый дымокъ, длинныя фигуры съ черными руками и черными головами стояли, столпившись, и смотрѣли наверхъ, по направленію къ ней; ей казалось, будто она видитъ, какъ дико вращаются бѣлки ихъ глаза и губы, ярко-красныя, кривятся въ усмѣшку. Это были угольщики около своихъ угольныхъ ямъ, проводившіе тамъ все лѣто въ одиночествѣ, вдали отъ человѣческаго жилья,

ведя жизнь, болѣе похожую на жизнь животныхъ, чѣмъ на человѣческую; никогда о нихъ не слышно было ничего хорошаго, напротивъ, шло много страшныхъ разсказовъ о насиліяхъ, которыя они совершали надъ людьми при встрѣчѣ съ ними, и объ огромномъ количествѣ водки, которое они выпивали. Разразившись громкимъ смѣхомъ, они кинулись навверхъ, къ ней, и, охваченная безумнымъ ужасомъ, она бросилась бѣжать.

Она бѣжала черезъ кусты, не отдавая себѣ отчета, какъ она прорывалась сквозь нихъ, черезъ камни, срывавшіеся за нею и катившіеся внизъ, черезъ топи, колыхавшіяся и пузырившіяся подъ ея ногами, черезъ кусты багульника, трещавшіе и пускавшіе ей вслѣдъ свою ядовитую, желтую пыль. И лѣсъ бѣжалъ, гоняясь за нею, вырванныя бурей деревья тянулись къ ней своими черными корнями, словно тысячами змѣй уродливыя, исковерканныя березы извивались словно ужи, своими гладкими стволами, мракъ выползалъ изъ всѣхъ расщелинъ, изъ малинника тяжело и шумно поднялась стая тетеревовъ. Никогда раньше она не испытывала такого страха въ лѣсу, никогда она не знала, что лѣсъ можетъ быть такимъ. Онъ былъ дикъ и страшенъ, онъ хотѣлъ взять ея жизнь, онъ былъ полонъ злыхъ чаръ и всевозможные темные духи были въ немъ, которые грозили ей и гнались за нею; позади



нея раздавалось шипѣніе, и бормотаніе, и хихиканіе, и она бѣжала такъ, что грудь, казалось, сейчасъ разорвется. Только, когда ноги больше не двигались и она не въ силахъ была больше бѣжать, ей пришло въ голову прислушаться, есть ли еще погоня за нею, но въ вискахъ у нея стучало, въ ушахъ звенѣло, ей чудились тысячи звуковъ, которыхъ не было, и чтобы укрыться, она полѣзла подъ откосъ.

Внизу подъ собой она увидала лѣсное озеро съ его бездонной глубиной, темное и неподвижное, словно надъ нимъ царила вѣчная ночь; въ испугѣ она поскользнулась и полетѣла бы внизъ, если бы не ухватилась за березу. Такъ она висѣла,—она сама не знала, сколько времени,—въ ушахъ шумѣло и звенѣло, и глаза, какъ заколдованные, не отрываясь, смотрѣли на темное зеркало воды, — пока, наконецъ, вечерняя прохлада не успокоила ее, и она, обезсиленная и разбитая, пошла домой.

Тамъ, мыча въ нетерпѣніи, уже стояли у ограды коровы, и, обрадовавшись, что видитъ передъ собою знакомыя существа, она стала ихъ обнимать, ласково журуя за то, что онѣ заставили ее такъ долго искать себя.

Впустивъ ихъ въ хлѣвъ и заперевъ тщательнѣе обыкновеннаго ворота, она побѣжала къ своему мальчику и обняла его съ такой боязми-

вой и порывистой нѣжностью, какой она никогда раньше не испытывала. „Насъ только двое, ты и я, — думала она, — только ты и я, и я не знаю, что насъ окружаетъ“. Было уже слишкомъ поздно, чтобы спуститься и поговорить съ Нильсомъ, и такъ она сидѣла одна, въ первый разъ боясь своего одиночества.

### VIII.

Слѣдующій день было воскресенье и, взявъ съ собою ребенка, она отправилась къ Ингеръ, чтобы хоть кого-нибудь имѣть около себя; усѣвшись на скамью, она попросила молодую дѣвушку почитать вслухъ.

На столѣ передъ Ингеръ уже лежала раскрытой ея коричневая библія, и просьба Маритъ заставила сильнѣе забиться ея сердце, наполнивъ его надеждой, что, можетъ быть, ей удастся, наконецъ, обратить свою грѣшную пріятельницу. Въ послѣднее время ее особенно угнетала мысль, что ребенокъ все еще не крещенъ и, слѣдовательно, съ каждымъ днемъ дьяволъ все больше овладѣваетъ имъ. Маритъ никогда ничего подобнаго въ голову не приходило, съ нея было достаточно сознанія, что иначе быть не можетъ и что такъ было со многими и до нея. Теперь Ингеръ надѣялась, что, можетъ быть, ей

какъ разъ попадется въ книгѣ что-нибудь, касающееся этого таинства, но искать она не рѣшалась, было бы неуваженіемъ къ библіи оставить ту страницу, на которой она остановилась, потому что вѣдь въ библіи все одинаково хорошо и божественно.

Она остановилась какъ разъ на видѣніи Іезекииля при рѣкѣ Ховарѣ; тамъ было много странныхъ словъ, являвшихся тяжелымъ испытаніемъ для ея искусства, но она, не смущаясь, читала дальше, не осмѣливаясь даже пропускать нумерацію стиховъ:

Пять. Еще изъ среды его видно было подобіе четырехъ живыхъ существъ, и таковъ былъ видъ ихъ: обликъ ихъ былъ какъ у чело-вѣка.

Шесть. Но у каждого четыре лица, и у каждого изъ нихъ четыре крыла.

Семь. А ноги у нихъ прямыя, и ступня ногъ ихъ была какъ ступня ноги у тельца, и сверкали какъ блестящая мѣдь.

Маритъ сидѣла и слушала съ благоговѣніемъ, она подумала, что пришла сюда въ благословенный часъ; но она не много поняла изъ того, что тамъ говорилось о четырехъ живыхъ существахъ, она даже не знала, было ли ихъ тамъ пять, или шесть, или семь, или что вообще означали эти числа. Когда Ингеръ дошла

до ногъ и ступней, она вдругъ почувствовала непреодолимое желаніе распеленать малютку, чтобы посмотрѣть, все ли въ порядкѣ у него съ его собственными ножками. Она постаралась сдѣлать это незамѣтно и пришла въ такой восторгъ, увидя его крохотные, мягкіе члены, что совершенно потеряла нить того, что читалось.

Ингеръ же между тѣмъ продолжала:

Девять. Крылья ихъ соприкасались одно къ другому; во время шествія они не оборачивались, а шли каждое прямо по направленію лица своего.

Десять. И лица ихъ были подобны лицу чело-вѣка и лицу льва у всѣхъ четырехъ съ правой стороны, и лицу тельца у всѣхъ четырехъ съ лѣвой стороны, и лицу орла у всѣхъ четырехъ.

Ахъ, его лицо! Видано ли было когда либо что-нибудь болѣе очаровательное? Вотъ онъ лежитъ и прямо смѣется, видно, что онъ уже знаетъ ее и не хуже всякаго другого понимаетъ, что кровь гуще воды. Она должна дернуть Ингеръ за рукавъ, чтобы та тоже могла полюбоваться на такую прелесть.

Ингеръ между тѣмъ читала:

Тринадцать. Видъ этихъ живыхъ существъ былъ : къ видъ углей, плавающихъ въ...

Въ ту минуту Марить потянула ее за ру-

кавъ, и она, съ книгой на колѣняхъ, съ раскрытымъ ртомъ, подняла голову; она удивилась, какимъ румянымъ казался ребенокъ въ лучахъ солнца.

— Ну, не очарователенъ ли онъ?—спросила Марить.

Но Ингеръ съ раскаяніемъ въ сердцѣ снова ринулась на книгу и углубилась въ „Четырнадцатъ“ и дальше, не смѣя больше поднять глазъ.

Марить больше и не пыталась слѣдить за повѣствованіемъ объ этихъ живыхъ существахъ и даже потеряла счетъ; она все ниже склонялась надъ ребенкомъ, строя ему рожи страшнѣе любого изъ тѣхъ лицъ, которыя были у нихъ съ правой стороны. Онъ, однако, не пугался и только смѣялся еще больше, и скоро между ними завязалась игра.

Когда Ингеръ кончила главу и могла съ чистой совѣстью отложить книгу въ сторону, игра была уже въ полномъ ходу, такъ что прервать ее не было бы никакой возможности. Она и не вспомнила о томъ, что должна была бы сдѣлать это; единственное, что пришло ей въ голову, это опуститься самой на четвереньки и принять участіе въ игрѣ, что она и совершила съ огромнымъ успѣхомъ. Время между тѣмъ шло, солнце ушло за уголъ, и Марить въ концѣ

концовъ пришлось отправиться домой; но смѣялась она въ этотъ день столько, что всякое воспоминаніе о вчерашнемъ страхѣ изгладилось изъ памяти. Все существовало для ребенка, лѣсъ такъ красиво сверкалъ въ лучахъ солнца, полный расположенія и привѣтливости къ ребенку, у ограды козы обкусали молоденькія елочки, отъ чего онѣ приняли такую забавно-шарообразную форму, а старыя стекла въ окнахъ отъ продолжительнаго дѣйствія солнечныхъ лучей и непогоды отливали всѣми цвѣтами радуги.

## IX.

Время шло, приближалась осень, дождь шелъ все чаще и продолжался все дольше.

Началось съ того, что облака на небѣ стали сгущаться въ темно-синія массы, даль была уже не такъ обширна, одни за другими горные хребты заволакивались холоднымъ туманомъ и исчезали изъ глазъ, деревья внизу въ котловинѣ темнѣли тяжелой, неясной массой, развѣ пробьется изрѣдка сквозь облака лучъ солнца и освѣтитъ ихъ, и изъ темной массы выдѣлятся на минуту отдѣльные стволы.

Затѣмъ что-то пронеслось въ воздухѣ съ страннымъ шумомъ, словно кто взмахнулъ мокрой простыней, и съ горныхъ вершинъ на-

летѣль стремительно, въ какомъ то буйномъ неистовствѣ, вѣтеръ, и ударился объ землю, и закружилъ вихремъ листья и стебли, и свистъ и шумъ неслись впереди его, а позади, изъ испуганно закачавшагося лѣса, слышался громкій трескъ, переходившій въ глухой вой и гулъ. Наконецъ, пошелъ и дождь, частый, и тяжелый, и крупный, и все поникло и лежало, неподвижно глядя въ сѣрую, слѣпую пустоту неба, пока не настала ночь; и потоки воды съ шумомъ и ревомъ неслись по стремнинамъ, а горы, казалось, готовились стряхнуть съ себя въ глубину и мракъ всѣ мелкія человѣческія игрушки, уцѣпившіяся за полы ихъ одѣянія.

Нечего было и думать о томъ, чтобы попробовать поговорить въ рогъ съ Нильсомъ. Маритъ оставалось только сидѣть въ избѣ и прислушиваться, какъ дождевыя капля стучать объ стекла и стѣны и вода струится по желобу,— и подкладывать дровъ подъ очагъ и чувствовать вокругъ себя огромную, дикую пустыню, которая ничего о ней не хотѣла знать, которая грозила ей какими то невѣдомыми ужасами.

Или это она ребенку грозила, ребенку, который лежалъ у нея на колѣняхъ и засыпалъ подъ однообразный шумъ дождя и былъ ей дороже и ближе, чѣмъ когда либо, въ эти

часы, когда въ душѣ ея шевелились мысли и чувства, какихъ она раньше никогда не знала?

Но огонь такъ весело трещалъ и вспыхивалъ въ темнотѣ и такъ красиво освѣщалъ головку малютки, и овечья шкура, въ которую онъ былъ завернутъ, казалась красивымъ и пестрымъ нарядомъ, а надъ головой его, то здѣсь, то тамъ, сверкали балки потолка среди безпокойно прыгающихъ тѣней. А подъ очагомъ, въ пылающихъ угольяхъ, воздвигались своды и сверкающія тропинки вели въ царство старыхъ веселыхъ сказокъ о счастья и приключеніяхъ, и Маритъ уходила въ нихъ мечтами. Въ такіе вечера она нерѣдко чувствовала себя радостнѣе, чѣмъ въ другое время, сидя и напѣвая про себя пѣсенки, которыя слышали только ея ребенокъ, да вѣтеръ за окномъ,—пока вѣки не тяжелѣли и глаза, утомленные отъ тепла и свѣта, не смыкались, и она шла на покой.

А на утро небо часто снова бывало ясно, только солнечный восходъ еще красивѣе, еще шире обхватывалъ небо своимъ пылающимъ заревомъ, но воздухъ холоднѣе и еще прозрачнѣе синева. Животныя нерѣшительно вступали въ лѣсъ, клонившійся подъ тяжестью дождевыхъ капель, и, слѣдуя за ними, она едва узнавала его. Поблекшія листья лежали на землѣ ковромъ, красныя пятна на мхахъ и лишаяхъ выросли за



ночь и выдѣлялись среди сырости, какъ запекающаяся кровь, стволы почернѣли, а обнажившіеся кой-гдѣ склоны казались совсѣмъ черными въ блѣдномъ свѣтѣ ранняго утра.

И долго еще послѣ того ручьи и рѣки вздувались, потоки дождевой воды, стремясь внизъ, увлекали съ собой древесные пни и валежникъ, а изъ перелѣсковъ вылетали ястреба и съ рѣзкимъ крикомъ кружились надъ поросшими верескомъ полянами.

Листва тоже начинала уже понемногу желтѣть и выдѣлялась все болѣе рѣзкими и жесткими полосами въ глубинѣ овраговъ. Марить начинало тянуть прочь отсюда, и по вечерамъ звуки рога, отдававшіеся въ холодномъ воздухѣ еще рѣзче и отчетливѣе, чѣмъ раньше, часто тянулись протяжнѣе и жалобиѣе.

Однажды мелкій скотъ вернулся домой раньше обыкновеннаго, въ безпокойствѣ топчась у ограды; одной овцы не доставало среди него. Отправившись искать ее, Марить нашла только немного крови—медвѣдь схватилъ и утащилъ овцу.

Въ тотъ вечеръ Марить послала вдаль слѣдующій призывъ:

„Милый, далеко внизу

Медвѣдь унесъ одну овцу,

Возьметъ и больше! гдѣ ты, гдѣ?  
Сынъ скучаетъ по отцѣ“.

Въ отвѣтъ послышались бодрья слова:

„Лѣсъ окопанъ, срубленъ пенъ,  
Могу придти хотъ черезъ день“.

И Марить уже готовилась высказать ему свою благодарность за утѣшеніе, самое лучшее, какое онъ могъ ей дать: что лѣсъ срубленъ, это означало, что его новъ скоро будетъ готова, корни вырваны, остается только опалить ее. Весной, значить, можно будетъ вспахать его, это поле, которое онъ собственными трудами приготовилъ для нихъ.

Но не успѣла она еще поднести рогъ ко рту, какъ до нея донесся странный шумъ, исходившій со стороны лѣснаго озера; это были вопли, полные страха и смятенія, казалось, будто они вырывались изъ сотни грудей, и уносились въ глубину, и снова поднимались кверху, и замирали въ ужасѣ. Она знала, что это были гагары, она часто слышала ихъ крикъ, и часто онъ пугалъ ее, но ни разу еще не такъ сильно, какъ въ эту минуту.

И вдругъ передъ нею снова встало то, что она разъ почувствовала, стоя здѣсь весной,

когда осины еще стояли голыя, безъ листьевъ,— то, что она такъ увѣренно знала тогда, въ ту минуту, когда въ первый разъ попробовала свой рогъ и не получила отвѣта. Вся дрожь, она посмотрѣла внизъ; тамъ виднѣлось лѣсное озеро, въ которомъ деревья отражались такими острыми и холодными линіями, а позади его — изсиня-черная линія лѣса и дымъ изъ угольныхъ ямъ, подымавшійся кверху тоненькой, какъ нить, струйкой.

Не сознавая ясно, что это такое, она почувствовала опять ту же увѣренность, которая заставила ее тогда оцѣпенѣть отъ ужаса. Она повѣсила рогъ на мѣсто и пошла домой; утѣшеніе ея исчезло такъ же мгновенно, какъ и пришло, она боялась лѣса и того, что въ немъ скрыто.

## Х.

На слѣдующій день Маритъ снова была весела. Былъ такой славный, ясный день, воздухъ такъ прозраченъ и такъ красиво все, куда ни взглянешь. Горы тянулись вдаль, цѣпь за цѣпью, синія, какъ никогда раньше, и вмѣстѣ съ тѣмъ такія легкія, словно воздушныя. Деревья уже стояли въ своемъ золотистомъ осеннемъ уборѣ, и сквозь порѣдѣвшую листву ихъ небо просвѣчивало еще ярче; листья осины дрожали на своихъ длинныхъ

черенкахъ и падали къ ея ногамъ, какъ круглые, плоскіе слитки золота, блестящіе въ холодномъ воздухѣ матовымъ блескомъ,—словно сказочное богатство лежали они на землѣ.

Она думала теперь только о возвращеніи домой, которое было уже такъ близко, но, оглядываясь кругомъ, она не могла подавить чувства сожалѣнія о своемъ долгомъ лѣтѣ, промелькнувшемъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ быстро и легко. Почему она знаетъ? Можетъ быть, когда нибудь, когда молодость пройдетъ, она будетъ съ грустью вспоминать все это, и рожденіе ребенка, и минуты, проведенныя на пригоркѣ съ рогомъ въ рукахъ, когда она, сама не зная какъ, находила столько словъ и столько новыхъ напѣвовъ. И она съ благодарностью смотрѣла на лѣсъ, который былъ ей добрымъ другомъ и помогъ ей сохранить ея тайну; да, по временамъ онъ былъ дикъ и мраченъ, но какъ онъ былъ красивъ въ свое время! Она вдругъ вспомнила тотъ день, когда она пріѣхала сюда, какъ тогда благоухали стройныя березы! Она вспомнила также страхъ, который она по временамъ чувствовала, но это было смѣшно; лѣсъ не желалъ ей зла, онъ ничего не замышлялъ противъ нея.

Она принялась все чистить и убирать и готовиться къ отъѣзду.

Подъ вечеръ она услышала голоса и шумъ внизу

подъ горой и мычанье коровъ,—уже вернулись, онѣ часто теперь возвращались раньше времени, ихъ тянуло въ лѣвъ,—но что тамъ за люди? Она выскочила за ограду, чтобы посмотрѣть, кто тамъ, и остановилась, вначалѣ только въ удивленіи.

Коровы метались въ страхѣ изъ стороны въ сторону, не пытаясь бѣжать въ лѣсъ, когда домъ такъ близко, козы и овцы блеяли и собирались въ кучу, а среди нихъ стояла толпа черныхъ человѣческихъ фигуръ; они дразнили ихъ, хватали хорошенькихъ маленькихъ животныхъ за рога и оставляли на ихъ бѣлой шерсти слѣды своихъ грязныхъ, закопченныхъ рукъ. Это были угольщики, ихъ было тутъ человѣкъ десять, если не больше. Марить испугалась за свое стадо, потому что угольщики были большей частью дикари, способные на все, что угодно; ее охватилъ гнѣвъ, и она рѣзко закричала имъ, чтобы они оставили животныхъ въ покоѣ.

Но когда они повернулись къ ней, она поняла, что опасность была серьезнѣе, чѣмъ она думала. Она узнала нѣкоторыхъ изъ нихъ, тутъ были Грельсъ, и Іонъ, и Никке, пользовавшіеся самой дурной славой по всей окрестности, тутъ былъ и старый Анте съ искривленными, черными пальцами и оскаленными зубами, и всѣ они были пьяны,—Господи помилуй! Двѣнадцать человѣкъ въ глухомъ лѣсу, а она одна!

Они стали выкрикивать грубые слова, они мычали, какъ коровы, и направились къ ней, вытянувъ свои закопченныя руки и причмокивая красными губами.

Маритъ сразу поняла все, она повернулась и бросилась бѣжать; въ эту минуту страха и ужаса мысли вихремъ закружились въ головѣ ея, но она постаралась ихъ собрать и сообразить, что ей нужно дѣлать, и въ то время, какъ кровь отливала ей къ сердцу и передъ глазами шли огненные круги, она думала:

Побѣжать въ избу? если я успѣю добѣжать до ограды, они сломаютъ ворота, и мальчикъ—Богъ знаетъ, что они съ нимъ сдѣлаютъ. Побѣжать въ лѣсъ? они меня догонятъ, а если я и убѣгу, то они вернутся въ избу, а тамъ мальчикъ! Внизъ, на пригорокъ, добраться до рога, это единственное средство, можетъ быть, онъ услышитъ меня, Нильсъ!

Рогъ—вотъ единственная ея надежда, она это сразу поняла, и планъ былъ у нея готовъ. Надо было побѣжать въ противоположную сторону, навести ихъ на ложный слѣдъ, чтобы выиграть хоть сколько нибудь времени, успѣть добраться до пригорка и спасти дитя. Себя она не можетъ спасти, потому что если бы она убѣжала, они пошли бы въ избу, а тамъ ребенокъ. Оставалось только одно—добѣжать до пригорка и вызвать помощь

для ребенка, для нея самой все кончено, объ этомъ нечего больше и думать.

Она промчалась мимо ограды, внизъ по откосу; волосы ея распустились и развѣвались въ воздухъ, какъ раздуваемые вѣтромъ языки пламени, въ вискахъ стучало, голова болѣла, словно сжатая желѣзнымъ кольцомъ, слухъ напрягался до крайней степени, стараясь слышать сквозь гулъ вѣтра въ ушахъ, близко-ли черная ватага, съ визгомъ гоняющаяся за ней,—почва колебалась у нея передъ глазами, дикій лѣсъ простиралъ за нею руки, чтобы схватить ее, раскрывалъ пасть, чтобы проглотить ее.

Все равно, что будетъ съ нею, ея судьба рѣшена, теперь важно только сохранить рассудокъ, найти слова и голосъ, чтобы крикнуть въ рогъ свой зовъ; а потомъ,—да, потомъ она можетъ подумать и о себѣ и начать свою безнадежную борьбу. У перваго-же поворота она свернула съ дороги, бросилась прямо въ чащу, еле пробираясь между густыми стволами, разстегнула кофту, чтобы легче было дышать, и устремилась внизъ по откосу. Хитрость удалась, они пронеслись мимо, затѣмъ остановились и громко заспорили,—но вотъ они снова напали на слѣдъ, но теперь между ними и ею большое разстоянiе, все увеличивающееся съ каждымъ мгновениемъ. Она выиграла время, можетъ быть, спасла своего ребенка.

Она бѣжала теперь черезъ кусты, листья шелестѣли подъ ея ногами, вѣтки ударяли ее по лицу,—какими холодными казались онѣ на пылающей кожѣ!—вотъ осины, желтыя, словно въ золотомъ уборѣ, и небо, такое холодное сквозь ихъ вѣтви, вотъ пригорокъ, а вотъ и рогъ. Передъ нею снова широкая, синяя даль, рѣка, вздувающаяся въ глубинѣ, холодная и мрачная,—холоднѣе и мрачнѣе всего, что было кругомъ,—тамъ-ли онъ только теперь и услышитъ-ли ее? Послѣднiя нѣсколько шаговъ она уже не бѣжала, а шла, чтобы перевести духъ, она старалась втянуть въ себя воздухъ какъ можно глубже,—какой онъ ледяной! Голова ея пылала, а зрѣнiе такъ странно обострилось, ей казалось, что никогда она не видѣла такъ далеко, какъ теперь, и такъ странно-ясно, такъ отчетливо все! Какъ дико, и холодно, и враждебно все кругомъ, и лѣсъ, и горы, хотя они знаютъ ее съ дѣтства,—они хотятъ взять ея жизнь, это неправда, что они были къ ней дружелюбны раньше, когда она приходила сюда, они хотятъ взять ея жизнь! Ну, да все равно, теперь главное найти слова, которыя бы долетѣли до него. Маритъ поднесла рогъ ко рту, взглядъ ея, полный отчаянiя и страха, напряженно искалъ сѣраго пятна вдали; вся окрестность отражалась въ ея блестящихъ глазахъ, но сѣраго пятна они не видѣли.



Слова и тонъ нашлись сами собой, въ нихъ вылились весь ея ужасъ и все отчаянiе; ритмичными воплями они вырывались изъ груди ея и уносились вдаль, дрожа и колыхаясь въ воздухъ, и вмѣстѣ съ ними, казалось, и самый воздухъ дрожалъ и колыхался въ той же трепетной тоскѣ:

„Слушай! слушай!  
Двѣнадцать человѣкъ въ лѣсу!  
Двѣнадцать ихъ, лихихъ звѣрей,  
Двѣнадцать черныхъ дикарей!  
Они коровъ моихъ гоняютъ,  
Ягнятъ, овечекъ убиваютъ!  
За мною гонятся сюда,  
Сюда, на самый верхъ холма!  
Спѣши на помощь,  
Спѣши на по-о-мощь“!

Испустивъ послѣднiй раздирающiй, полный безграничнаго отчаянiя вопль, она опустила рогъ и стала прислушиваться, послѣдуетъ-ли отвѣтъ и близко-ли ея преслѣдователи, успѣтъ-ли она еще убѣжать отъ нихъ. Ихъ крики доносились съ разныхъ сторонъ, они были совсѣмъ близко, не было никакой возможности убѣжать. Все равно, значить, такъ суждено, чтобы она умерла.— Только бы отвѣтъ прозвучалъ!

И отвѣтъ прозвучалъ; она только не могла

разобрать словъ, потому что въ ушахъ у нея шумѣло и звенѣло, но это былъ голосъ Нильса, въ немъ слышалась тревога,—такъ онъ, значить, понялъ, онъ придетъ не одинъ, онъ понялъ все? Марить снова поднесла рогъ ко рту.

И въ послѣдній разъ она послала вдаль свой крикъ безграничной тоски, въ тѣхъ-же самыхъ словахъ выпилась она, но еще пронзительнѣе, еще отчаяннѣе прозвучалъ ея вопль, онъ пролетѣлъ надъ синимъ лѣсомъ и опустился внизъ въ долину, и птицы, спугнутыя этимъ дикимъ крикомъ, поднимались на воздухъ и улетали прочь, а слова неслись все дальше и дальше. И желтыя осины, которыхъ уже стерегла смерть, дрожали надъ ея головой въ непрерывной тревогѣ. А черные люди уже лѣзли со всѣхъ сторонъ, взбираясь на откосъ. И стоя на своемъ мѣстѣ, она въ послѣдній разъ видѣла все огромное, дикое, холодное пространство, съ его преходящей радостью въ мимолетномъ свѣтѣ лѣта и съ его горемъ, тяжелымъ, какъ камни, какъ горы, какъ вѣковые снѣга.

Когда она кончила свой послѣдній призывъ о помощи, одинъ изъ преслѣдователей былъ уже около нея, и она съ такой силой швырнула свой рогъ въ его черное, съ оскаленными зубами, лицо, что онъ свалился. И началась борьба за жизнь, безнадежная борьба, имѣвшая цѣлью

протянуть время на столько, чтобы она успѣла еще услышать, что ея ребенокъ спасенъ.

## XI.

Нильсъ былъ на своей нови, хотя работа на ней, въ сущности, была окончена, а обычный часъ переговоровъ еще не наступилъ. Онъ шелъ и думалъ о томъ, какъ лучше будетъ вспахать землю послѣ того, какъ она будетъ выжжена потому что въ нее врѣзалось нѣсколько клиньевъ а надъ этимъ надо таки поломать голову. Можетъ быть, придется захватить немного и худшей земли, чтобы сравнять границы.

Вдругъ до него донеслись звуки рога, онъ вздрогнулъ. Что такое случилось у Маритъ?

„Слушай, слушай“!

Это не ея обычный призывъ, и какъ онъ странно звучитъ!

„Двѣнадцать человекъ въ лѣсу“.

Безумный ужасъ звучалъ въ этихъ словахъ, повторяясь въ слѣдующихъ стихахъ - „двѣнадцать... двѣнадцать“...—это былъ вопль смертельной опасности, онъ все нарасталъ, наполнялъ пространство и тяжело обрушивался на Нильса. Въ немъ дрожалъ трепетъ страха, въ немъ слы-

шался топотъ множества ногъ при яркомъ заревѣ пожара.

И снова отчаянный крикъ:

„За мною гонятся сюда“!

Онъ вскочилъ и бросился по направленію этихъ звуковъ, какъ будто могъ сейчасъ-же очутиться около нея.

И, наконецъ, послѣдній, безнадежный призывъ, полный признанія своей безнадежности, медленно и тяжело доносящійся изъ далекой, далекой дали:

„Сю-да-а, на са-мый верхъ хол-ма-а“!

И мольба о помощи.

Онъ все понималъ, понималъ, что значать „черные дикари“,—это угольщики, дикіе угольщики, въ сажѣ и копоти,—и онъ, задыхаясь, побѣжалъ въ деревню, чтобы собрать крестьянъ и послѣшить наверхъ.

Въ деревнѣ уже поднялась тревога, вторичный зовъ былъ услышанъ даже и здѣсь, словъ нельзя было разобрать, но отчаянные, дикіе звуки ясно говорили о серьезной опасности. Въ двухъ словахъ онъ объяснилъ самое необходимое, и, схвативъ кто ружье, кто что попало, мужики бросились кратчайшимъ путемъ въ горы.

Было тихо все кругомъ, солнце спускалось за осины, въ воздухѣ было холодно и пусто.

Нильсъ все время бѣжалъ впереди всѣхъ, съ одной мыслью о Маритъ, со страхомъ и смертельной тревогой въ сердцѣ. Они ее убьютъ, думалъ онъ, они уже убили ее. О ребенкѣ онъ и не вспомнилъ.

Путь былъ безконечно долгъ. Изрѣдка въ головѣ у него проносилось воспоминаніе о лѣтѣ, о томъ первомъ днѣ тамъ, наверху, о ея слезахъ, затѣмъ о ея пѣсняхъ, обо всѣхъ этихъ мѣсяцахъ, прошедшихъ въ пѣсняхъ и радости въ ожиданіи осени; при этихъ радостныхъ воспоминаніяхъ слезы брызнули у него изъ глазъ—такъ вотъ какъ суждено этому кончиться, вотъ конецъ ихъ пѣсенъ!

Когда они поднялись наверхъ, еще слышались голоса, но ея голоса не было среди нихъ, а между тѣмъ, казалось, еще происходила борьба, на самой площадкѣ, тамъ, гдѣ она обыкновенно стояла съ рогомъ въ рукахъ.

Они устремились туда при слабомъ свѣтѣ исчезающаго дня; черные дикари исчезли, обратились въ бѣгство, можетъ быть, охваченные внезапнымъ стыдомъ при видѣ того, что они сдѣлали, а можетъ быть, просто изъ страха. Тамъ, на землѣ, лежала Маритъ, перепачканная сажей, истерзанная, окровавленная и неузнавае-

мая, только распущенные и растрепанные волосы сохранили свой цвѣтъ.

Нильсъ наклонился надъ нею, не въ состоянїи выговорить ни слова, она стала защищаться отъ него руками и застонала—она думала, что это одинъ изъ злодѣевъ. Но при прикосновенїи его руки къ ея волосамъ, робкомъ движенїи, въ которомъ онъ едва рѣшался выразить свою ласку, она узнала его, радостный крикъ вырвался изъ горла ея, но сейчасъ-же замеръ, влажныя вѣки поднялись, и она взглянула на него. Онъ понялъ, что она хочетъ сказать что-то, но что ей не хватаетъ голоса, и онъ долженъ нагнуться. Онъ наклонился къ ней.

Едва можно было разобрать ея слова:—мальчикъ, тамъ, въ избѣ, скорѣе къ нему!

Онъ ничего не могъ произнести и только знаками далъ понять другимъ, чтобы они помогли ему поднять ее. Когда они принесли ее въ избу, она была еще слабѣе, чѣмъ раньше, и лежала, точно мертвая. Въ темнотѣ раздался пискъ, они подумали, что это она издала его, но когда огонь освѣтилъ избу, они увидали, откуда былъ этотъ пискъ, и поняли все. И Маритъ увидала, она смотрѣла широко раскрытыми, блестящими глазами, въ которыхъ сверкала послѣдняя искра ея жизни. Она казалась почти счастливой, почувствовавъ ребенка около себя, у нея еще хватило

силъ сказать, чтобы подоили коровъ и первую для ребенка,—затѣмъ она лишилась сознанія и вскорѣ послѣ того умерла.

Послѣ нея остался ребенокъ и воспоминаніе объ ея ужасной участи и ея послѣдней пѣснѣ, прекраснѣйшей изъ всѣхъ, дикимъ воплемъ пронесшейся по лѣсу,—пѣснѣ, которая еще теперь поется въ деревняхъ, наводя дрожь на дѣтей.





# АВГУСТЪ БЛАНШЪ

## ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ИЗВОЗЧИКА.

- I. Фигге Хеглундъ.
- II. Жена.
- III. Вторая жена.
- IV. Оконное стекло въ Кожевенномъ переулкѣ.
- V. Яковъ Экелундъ.
- VI. Старый полковникъ.
- VII. Маленькая полковница.
- VIII. Заколдованный домъ на Брюггаргрендѣ.]

ПЕР. А. Острогорской.



## Августъ Бланшъ.

Августъ Бланшъ, родившійся въ 1811 году, пользовался во второй половинѣ прошлаго столѣтія чрезвычайной популярностью въ Швеціи, да и теперь еще его романы и рассказы имѣютъ многочисленный кругъ читателей. Сынъ эскадроннаго священника Мортена Бергвалля и служанки Катерины Хедбергъ, вышедшей впоследствии замужъ за кузнеца Бланка, Августъ Бланшъ въ 1829 г. поступаетъ въ университетъ, въ 1832 г. сдаетъ экзаменъ на чиновника и селится въ Стокгольмѣ, гдѣ, въ ожиданіи дальнѣйшаго, зарабатываетъ свое пропитаніе перепиской и уроками. Въ 1836 г. онъ снова получаетъ возможность поступить въ университетъ, откуда выходитъ въ 1838 г. кандидатомъ правъ.

Его чиновническая карьера была непродолжительна. Его живая сангвиническая натура слишкомъ сильно испытала на себѣ вліяніе освободительныхъ вѣяній того времени. Въ общемъ онъ лучший представитель третьяго сословія, которое какъ разъ тогда достигло своего могущества. Открытый, сердечный, дитя своего народа во всемъ, онъ вѣритъ въ либерализмъ, какъ въ евангеліе, и всѣ его отношенія къ людямъ, какъ къ друзьямъ, такъ и къ совершенно постороннимъ, проникнуты истинной гуманностью и челоѡколюбіемъ.

Дѣятельность его проявляется въ самыхъ разнообраз-

ныхъ областяхъ: онъ начинаетъ ее, какъ публицистъ, продолжаетъ, какъ драматургъ, романистъ и новеллистъ, и кончаетъ, какъ активный политикъ. Въ 1832 г. онъ дебютировалъ въ качествѣ журналиста нѣсколькими политическими памфлетами и вступилъ въ редакцію „Фрейи“, небольшой либеральной газеты, насчитывавшей въ числѣ своихъ сотрудниковъ многихъ молодыхъ литераторовъ. Въ 1839 г. онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ этой газеты и оставался имъ до 1842 г., когда газетная полемика съ К. I. П. Альмквистомъ совершенно отвратила его отъ журналистики.

Послѣ этого онъ обращается къ театру и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пишетъ цѣлый рядъ пьесъ различнаго содержанія, юмористическихъ, мелодраматическихъ, историческихъ, въ которыхъ выступаютъ бойкость и живость его пера и умѣніе владѣть репликами. Въ то же время онъ принимается за цѣлый рядъ романовъ, написанныхъ чрезвычайно живо и проникнутыхъ соціальной тенденціей: *I ärn bäraren*; *Flickan i Stadsgården*; *Vanditen*; *Första älskarinnan*; *Kraknästet*; *Sonen of Söder och Nord*. Въ этихъ романахъ сильно сказывается вліяніе французскихъ прообразовъ, Эжена Сю и Дюма—отца. Но наибольшей популярностью пользуются его новеллы и небольшіе рассказы. Первую серію такихъ рассказовъ онъ началъ въ 1845 г. Это были *Картинки и рассказы изъ Стокгольмской жизни*. Въ 1856 г. онъ написалъ *Berättelser efter klockaren i Danderyd*, и наконецъ, между 1857—63 г.г. вышли его *Картины изъ дѣйствительности*, потомъ уже собранныя въ 4 серіи: 1) *Hugkusken's Berättelser*; 2) *En prästmans anteckningar*; 3) *En skadespelares äfventyr*; 4) *Strödda anteckningar*. Они принадлежатъ къ лучшему, что вышло изъ-подъ его

пера и представляют интересную галерею Стокгольмских типовъ того времени. Изъ предпринятаго въ концѣ сороковыхъ годовъ путешествія по Европѣ, охваченной тогда огнемъ революціи, онъ привезъ домой космополитическую жажду свободы, сказавшуюся какъ въ его произведеніяхъ, такъ и въ общественной жизни. Своей высшей славы, какъ писатель, онъ достигаетъ между 1850—60 г.г. Последніе годы своей жизни онъ участвуетъ въ активной политикѣ: съ 1859 г. онъ членъ риксдага, гдѣ играетъ извѣстную роль до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1868 г.



## I. Фигге Хеглундъ.

Фигге Хеглундъ было имя юноши, который въ 1826 году посѣщаль четвертый классъ народной школы св. Клары. Онъ былъ далеко не изъ самыхъ прилежныхъ учениковъ, но за свое доброе сердце и живой темпераментъ былъ особенно любимъ товарищами. Мать его, жена швейцара одного изъ присутственныхъ мѣстъ, рано предназначила его къ духовному званію. Однажды, шести лѣтъ отъ роду, онъ завернулся въ черную мантилью своей матери, изъ завязокъ ея шляпы сдѣлалъ брыжи, какъ у пастора, а для пасторскаго плаща пустилъ въ ходъ отцовскіе черные брюки. Нарядившись такимъ образомъ, онъ принялся читать проповѣдь, но при этомъ такъ энергично жестикулировалъ, что разбилъ маленькаго фарфороваго барашка, котораго мать его незадолго передъ тѣмъ подарила мужу по случаю сорокового дня его рожденія. Маленькому дебютанту-проповѣднику досталось на орѣхи за то, что онъ разбилъ фарфороваго барашка;

однако, его пробная проповѣдь произвела на мать его сильное впечатлѣніе, она вообразила, что сынъ ея призванъ быть достойнымъ пастыремъ благочестиваго стада овецъ, если только заблаговременно, путемъ соотвѣтствующихъ каръ, научить его обращаться бережно съ фарфоровыми овцами.

Фигге Хеглундъ, столь сильный въ искусствѣ проповѣдыванія, оказался неисправимо тупъ для воспріятія догмъ. Одному Богу извѣстно, знали онъ когда-нибудь свой катехизисъ, но несомнѣнно то, что какому-нибудь готтентоту не труднѣе было бы усвоить ученіе вѣры, чѣмъ Фигге. Тщетно Трюсенъ, бывший въ то время ректоромъ въ школѣ св. Клары, пускалъ въ ходъ для спасенія его души всѣ свои старыя, давно испытанныя средства.

— Почему ты не учишь своихъ уроковъ, негодяй ты этакой?—накидывался на него строгій ректоръ.

— Я учу, но я не могу запомнить,—отвѣчалъ Фигге, — и я ничего не могу подѣлать противъ этого,—добавлялъ онъ угрюмо.

— Ну, такъ я тебѣ помогу, ты, повидимому, нуждаешься въ поощреніи, — кричалъ Трюсенъ и хваталъ Фигге за вихорь. У ректора въ рукахъ оставался клокъ волосъ, но это и было все, что



ему удавалось извлечь изъ этой невозможной головы.

Въроятнѣе всего, что Фигге никогда не читалъ своихъ уроковъ, потому что все свободное отъ школы время онъ посвящалъ своему любимому наслажденію, которое заключалось въ томъ, чтобы, приманивая къ заднимъ рессорамъ извозничьихъ экипажей, безъ приглашенія и не платя за это ничего, кататься по улицамъ города. Тщетно полные зависти уличные мальчишки кричали извозчику: „Эй, хлеси назадъ!“ Тщетно извозчикъ и хлесталъ назадъ, сколько могъ достать—Фигге крѣпко сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, подставляя спину подъ удары бича и мужественно раздѣляя съ извозничьими лошадьми ихъ всѣмъ извѣстную участь.

Такимъ образомъ онъ рано ознакомился съ Блопортенемъ, Сталльместарегорденемъ и Хагалундомъ съ его наиболѣе въ то время посѣщаемыми ресторанами. Когда дрожки или сани приближались къ мѣсту своего назначенія, Фигге заблаговременно соскакивалъ и бѣжалъ въ буфетъ ресторана; останавливаясь въ дверяхъ, онъ отвѣшивалъ низкіе поклоны буфетчицѣ, называя ее „прекрасная мамзель“ и „милая мамзель“, каковая любезность обыкновенно вознаграждалась нѣсколькими улыбками и бутербродами, изъ которыхъ послѣдніе безъ сомнѣнія приходились ему

болѣе по вкусу, чѣмъ первыя. Когда экипажъ отправлялся въ обратный путь, Фигге снова примащивался на своемъ обычномъ мѣстѣ, ибо тому, кто отправляется въ путешествіе, свойственно также желать и вернуться изъ него, особенно если это не сопряжено съ большими расходами.

Пышныя похороны съ цѣлымъ рядомъ сопровождавшихъ ихъ экипажей онъ тоже не разъ удостоивалъ своимъ присутствіемъ, само собою разумѣется, на запяткахъ одного изъ наиболѣе важныхъ экипажей. Онъ находилъ, что ѣхать въ процессіи подъ колокольный звонъ чрезвычайно приятно. Кучера, скоро открывавшіе дарового сѣдока на его укромномъ мѣстѣ, не взирая на печальный и торжественный моментъ, въ своихъ свѣтлыхъ суконныхъ одѣянiяхъ и зеленыхъ цилиндрахъ, обрушивались на него съ самой отборной руганью; но онъ былъ такъ же глухъ къ ней, какъ и одинокій пассажиръ на погребальныхъ дрогахъ.

Однако, чтобы безпрепятственнѣе отдаваться наслажденію своихъ увеселительныхъ прогулокъ, онъ научился, когда кучеръ закидывалъ назадъ кнутъ, чтобы хлестнуть непрошеннаго пассажира, быстро схватывать конецъ кнута и моментально отрѣзывать, сколько удастся. Затѣмъ онъ бросалъ отрѣзанный кусокъ съ узлами на концѣ на улицу и продолжалъ спокойно си-

дѣтъ, дожидаясь результатовъ, которые не заставляли себя долго ждать.

Истомленные лошади, не чувствуя болѣе, при прикосновеніи къ ихъ тѣлу кнута, неприятныхъ узловъ и думая, быть можетъ, что болѣе мягкія чувства вселились въ сердце кучера, замедляли свою обычную рысцу, доводя ее до приличнаго шага. Кучеръ, конечно, пытался вывести ихъ изъ этого заблужденія, но безъ всякаго результата. Онъ хлесталъ ихъ такъ, что потъ съ него катился градомъ, между тѣмъ, какъ лошади становились все спокойнѣе и невозмутимѣе, — что составляло полный контрастъ съ обычными отношеніями между кучеромъ и лошадьми.

Извозчики, не замедлившіе открыть виновника, тщетно совѣщались, какъ отомстить проворному и ловкому, какъ бѣлка, мальчугану, и, въ концѣ концовъ, пожаловались своимъ хозяевамъ, а тѣ въ свою очередь ректору школы. Это была жалоба, такъ сказать, цѣлаго общественнаго класса, и въ школѣ былъ учиненъ торжественный допросъ. Два члена Общества извозчиковъ присутствовали при этомъ; у ректора Трюсена глаза метали искры: въ этотъ моментъ старикъ чувствовалъ себя въ своемъ настоящемъ фарватерѣ.

— Почему ты садишься на рессоры дрожекъ, шелопай ты этакой? — началъ ректоръ допросъ.

— Да потому, что никакого другого свободнаго

мѣста нѣту,—отвѣтилъ Фигге, радуясь, что имѣеть возможность говорить на свою любимую тему.

— И почему ты отрѣзываешь концы кнуртовъ?—продолжалъ ректоръ строго.

— Потому что меня не оставляють въ покоѣ... потому что извозчики стегаютъ меня своими кнуртами, — объяснилъ Фигге, кидая гнѣвный взглядъ на членовъ Общества извозчиковъ.

— Ложись сейчасъ же на скамью, негодяй ты этакой!—приказалъ ректоръ;—и попробуй-ка отрѣзать кончикъ, покуда моя трость будетъ свистѣть надъ тобой!

Строгий ректоръ проявилъ при этомъ случаѣ необыкновенную силу, помня, что онъ дѣйствуетъ въ присутствіи свѣдущихъ лицъ, и желая показать этимъ господамъ, что его система воспитанія молодыхъ жеребцовъ ничуть не уступаетъ извозничьей. Коротко говоря, ректоръ колотилъ, какъ извозчикъ, и Фигге Хеглундъ, терпѣливый, какъ извозничья лошадь, понесъ самое ужасное наказаніе, какое, можетъ быть, существуетъ, что не помѣшало ему, однако, еще въ тотъ же вечеръ сидѣть на запяткахъ экипажа, который везъ чиновника ломбардной конторы съ семьей въ Дружбу и Благотвореніе, общество, помѣщавшееся въ тѣ времена въ южной части города.

Чувствуя одинаковое отвращеніе какъ къ тро-

сти Трюсена, такъ и къ катехизису Альнандера, Фигге скоро началъ пропадать изъ школы не только днями, но цѣлыми недѣлями, даже мѣсяцами, въ результатѣ чего онъ въ одинъ прекрасный день былъ совершенно исключенъ изъ школы. Товарищи сильно чувствовали его отсутствіе, такъ какъ онъ былъ вѣрнымъ, постояннымъ другомъ; къ тому-же онъ былъ далеко не глупъ и могъ бы преуспѣвать въ жизни не хуже всякаго другого, если бы не его непреодолимая страсть къ катаньямъ.

Четыре или пять лѣтъ спустя, авторъ этихъ строкъ, бывший тогда студентомъ, встрѣтилъ своего стараго школьнаго товарища, Фигге Хеглунда, въ воротахъ извозничьяго двора, у Красныхъ лавокъ. Ему было тогда, должно быть, около двадцати одного года; высокаго роста, широкоплечій, онъ сохранилъ свое прежнее здоровое, честное лицо.

— Ну, что подѣливаешь, любезный Хеглундъ?— спросилъ авторъ.

— Четыре года я былъ бухгалтеромъ здѣсь, въ этомъ извозничьемъ заведеніи, — отвѣтилъ онъ.—А теперь я веду дѣло подъ фирмой вдовы моего хозяина.

— Ты, значить, заключилъ миръ съ Обществомъ извозчиковъ!.. Кто бы могъ подумать,

чтобы пропасть между тобою и извозчиками когда-либо могла исчезнуть?

— Пропастъ? — повторилъ онъ; — въ сущности, вѣдь между нами были только кузова экипажей.

— Ну, теперь ты можешь ѣздить, сколько угодно, не опасаясь ни извозчичьихъ кнутовъ, ни ректорской трости.

— Ба! Спроси кондитера, охотно-ли онъ ѣсть конфеты... Я свое взялъ, довольно съ меня.

— Тебѣ самому никогда не приходится сидѣть на козлахъ, я полагаю?

— Нѣтъ, случается... если кто-нибудь изъ извозчиковъ заболѣетъ или уйдетъ, мнѣ приходится иной разъ его замѣщать.

— А что, даровые сѣдоки тебѣ часто надо-ѣдаютъ?

— О, да... Изъ всего стараго единственное, за чѣмъ молодость охотно слѣдуетъ, это старыя извозчиьи экипажи.

— И ты предоставляешь ей въ этомъ полную свободу, я полагаю?

— Да, чорта съ два... Имъ достается таки отъ моего кнута... Времена мѣняются и люди съ ними... теперь я больше думаю о бѣдныхъ лошадяхъ, чѣмъ въ тѣ времена.

— А бичи твои въ цѣлости?

— Ничего подобнаго, — отвѣтилъ Хеглундъ; —

когда-же это бывало, чтобы новое изобрѣтеніе приносило выгоду своему изобрѣтателю?—прибавилъ онъ, смѣясь чистосердечно при воспоминаніи о приключеніяхъ своего дѣтства, которыя мы при этомъ случаѣ и перебрали въ памяти. Не разъ послѣ того онъ посѣщаль автора, чѣмъ доставлялъ ему большое удовольствіе, такъ какъ за четыре года своего бухгалтерства въ извоищчьемъ заведеніи пріобрѣлъ значительный жизненный опытъ. Нѣкоторыми изъ разсказовъ его я и хочу подѣлиться съ читателями. Не во всѣхъ, можетъ быть, читатель найдетъ то, что принято называть радостнымъ содержаніемъ; но что подѣлаешь? Вѣдь радость и горе растутъ на одной и той-же почвѣ, какъ розы и шипы.

## II. Ж е н а.

— Однажды вечеромъ я стоялъ въ воротахъ извозничьяго двора, поднявъ воротникъ до ушей и засунувъ руки въ карманы пальто,—было восемнадцать градусовъ мороза,—и съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ то направо, на площадь, то налево, вдоль улицы. Всѣ наши сани и кареты съ лошадьми и кучерами были въ разъѣздѣ, такъ какъ въ этотъ вечеръ въ общественномъ собраніи былъ балъ, и я ждалъ возвращенія кого-нибудь изъ кучеровъ, чтобы имѣть возможность выполнить и другіе заказы.

Но никто не возвращался. Конечно, это очень хорошо, если всѣ экипажи извозничьяго заведенія разобраны; но чрезвычайно непріятно быть вынужденнымъ оставить кліента въ безвыходномъ положеніи, или отвѣтить отказомъ человѣку, готовому заплатить за экипажъ сколько угодно. И дѣйствительно, случалось не разъ, что очень высокопоставленные и богатые люди умоляли меня о лошадахъ и экипажѣ такъ горячо, словно дѣло



шло о спасеніи ихъ души. Даже къ хозяину извозничьяго двора обращаются иногда, какъ къ божеству. Съ портными и сапожниками это случается довольно часто, потому что за пару испорченныхъ брюкъ или ботинокъ иной разъ можно поплатиться счастьемъ всей жизни.

Молодой чиновникъ, напримѣръ, долженъ въ опредѣленный часъ представиться своему начальнику, но не получаетъ отъ портного во время брюкъ и не можетъ явиться въ назначенный часъ. Онъ сразу производитъ впечатлѣніе чело-вѣка неаккуратнаго, можетъ быть, неисполнительнаго, и его при первомъ-же случаѣ обходятъ въ пользу другого, у котораго, можетъ быть, худшія данныя, но лучшей портной. Или молодая дѣвушка условилась встрѣтиться на балу съ молодымъ человекомъ, но, не получивъ во время туфель, она должна остаться дома. Молодой человекъ является на балъ, встрѣчаетъ тамъ другихъ дѣвушекъ, съ туфлями, и забываетъ ту, безъ туфель.

Но, чтобы вернуться къ моему разсказу,—я стоялъ и устремлялъ взоры во всѣ стороны, но ни одинъ изъ нашихъ экипажей не показывался въ виду. Они навѣрное еще ждали у барскихъ подъѣздовъ, потому что господа и дамы еще не успѣли кончить своего туалета къ балу. Думая о томъ, какъ люди и лошади страдаютъ отъ хо-

лода въ этотъ морозный зимній вечеръ, я въ глубинѣ души проклиналъ и ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, шелковыя платья и цвѣты въ волосахъ, кружевныя брыжи и манжеты, и всѣхъ этихъ радостныхъ и счастливыхъ людей, которые танцуютъ до того, что имъ становится тепло, когда они вовсе не чувствуютъ недостатка въ теплѣ, и которые знакомы, можетъ быть, съ зимнимъ холодомъ только по ванильному мороженному, освѣжающему ихъ губы.

Неожиданно, совершенно не замѣтивъ, съ какой стороны она явилась, я увидалъ передъ собой хорошо одѣтую женщину, въ шелковомъ капорѣ, въ воротникѣ и муфтѣ изъ настоящей куницы и съ вуалью на лицѣ.

— Крытая сани въ Норрбака, сію минуту!— воскликнула она, задыхаясь.

— Нѣтъ свободныхъ,—отвѣтилъ я, что вполне отвѣчало дѣйствительному положенію вещей.

— Нѣтъ свободныхъ!—повторила она упавшимъ голосомъ.

— Но, можетъ быть, вы найдете у другихъ, по сосѣдству... Потрудитесь спросить у Седерстрема, у Винтера, у...

— Я была у всѣхъ у нихъ,—прервала она меня,—но нигдѣ ничего не достала, нигдѣ!

— А, это благословенный балъ,—объяснилъ я,—но если сударынь угодно войти въ контору

и подождать немного, то, можетъ быть, кто-нибудь изъ моихъ кучеровъ скоро вернется, я жду ихъ съ минуты на минуту.

— А если никто не вернется!—воскликнула она съ все возрастающимъ волненіемъ въ голосъ.—А я не могу ждать, мнѣ нельзя ждать... О, какъ я несчастна!

— Мнѣ очень жаль, но что мнѣ дѣлать?

— Мнѣ остается только пойти пѣшкомъ,—произнесла она вполголоса, словно говоря сама съ собой;—но такой длинный путь, и этотъ ужасный холодъ... я никогда не доберусь, я замерзну на дорогѣ до смерти... да, до смерти... но смерть была бы благодѣяніемъ для такого несчастнаго существа, какъ я!

Все это было сказано такимъ грустнымъ голосомъ, что сердце мое невольно дрогнуло, и мнѣ кажется, что глаза мои затуманились. Есть извѣстные звуки въ человѣческомъ сердцѣ, которые проникаютъ даже въ самыя глухія уши.

— Можетъ быть, есть еще нѣкоторая возможность,—попробовалъ я ее утѣшить,—и я думаю...

— Есть возможность!—прервала она меня, ухвативъ меня за руку.

— У меня есть еще лошадь на конюшнѣ, старая и хромая,—продолжалъ я,—найдутся, можетъ быть, и кой-какія сани, но...

Бѣдная женщина чуть не бросилась мнѣ на шею; при этомъ вуаль ея сползла на сторону, и я при свѣтѣ фонаря увидаль очень красивое, хотя не совсѣмъ молодое лицо.

Обѣщавъ ей сдѣлать все возможное, я побѣжалъ въ зеленную, помѣщавшуюся наискосокъ отъ меня, и попросилъ одного изъ приказчиковъ, съ которымъ мы были друзья, отъ времени до времени выглядывать на площадь и передать кучерамъ, которые вернутся, новые адреса, гдѣ ихъ ждутъ. Затѣмъ я вытащилъ изъ каретнаго сарая старыя сани, а изъ конюшни старую лошадь и соединилъ ихъ, что составило достойную другъ друга пару, такъ какъ обоимъ было почти одинаково трудно двигаться самостоятельно. Въ молодости своей Сѣрый былъ сѣраго цвѣта, и къ тридцати годамъ грива его должна была бы поблѣтеть; вмѣсто того она была какого-то желтобурого цвѣта, вслѣдствіе недостатка чистоты и ухода. Да и кому придетъ въ голову заботиться о старой клячѣ, которая къ тому-же ковыляется на всѣ четыре ноги? \*).

---

\*) Справедливость требуетъ замѣтить, что въ тѣ времена извозчики были столь-же замѣчательны своими отвратительными лошадьми и экипажами, сколько въ настоящее время они славятся элегантностью экипажей и упряжи.

Я помогъ своей прекрасной незнакомкѣ сѣсть въ сани, усѣлся самъ рядомъ съ нею и хлеснулъ Сѣраго. Сѣрый повернулъ голову въ мою сторону, словно желая спросить меня, неужели это мое серьезное намѣреніе поѣхать именно на немъ. Убѣдившись въ этомъ послѣ вторичнаго, болѣе сильнаго удара, онъ пустился въ путь, но не мало времени прошло, пока онъ вошелъ въ свою обычную мелкую рысцу. Такъ какъ онъ ковылялъ одинаково на всѣ четыре ноги, то эта рысь его не была лишена извѣстной гармоніи, но ни за какія земныя блага я бы не согласился показаться съ нимъ на улицѣ среди бѣла дня.

Дама моя за всю дорогу не произнесла ни одного слова; но, сквозь мѣховую шубу и муфту, которую она прижимала къ груди, мнѣ казалось, что я слышу бѣненіе ея сердца. Наконецъ, мы добрались до Норрбака, перваго ресторана на лѣво отъ Сѣверной Таможни, какъ извѣстно.

— Спасибо за любезность! — сказала незнакомка, когда я помогъ ей выйти изъ саней; — будьте добры подождать... я, навѣрное, не долго пробуду здѣсь.

Она торопливо стала подыматься по лѣстницѣ. Я отвелъ Сѣраго въ сарай, накинулъ пару покрывалъ на его худыя кости и затѣмъ отправился въ буфетъ, помѣщавшійся въ первомъ этажѣ.

— А, господинъ Хеглундъ! — воскликнула,

увидѣвъ меня, одна изъ кельнершъ, ибо я былъ здѣсь хорошо знакомъ;—но,—прибавила она,— дама поднялась въ верхній этажъ, я предполагаю, что вы сей счастливецъ на сегодняшній вечеръ?

— Я не болѣе, какъ ея кучеръ, вотъ и все,— отвѣтилъ я.

— Дама, которая прїѣзжаетъ сюда одна!—замѣтила кельнерша;—впрочемъ, она мнѣ и показала очень странной.

— Какъ такъ?

— Какъ только она прїѣхала, она первымъ дѣломъ пожелала узнать, заняли-ли наверху комнату господинъ съ дамой, и когда я отвѣтила, что такъ оно и есть, она потребовала себѣ комнату рядомъ... Затѣмъ она дала мнѣ на чай и попросила оставить ее одну.

— Вы знаете того господина, который занялъ комнату наверху?

— Разумѣется... Кто-же не знаетъ купца Ф. у котораго магазинъ на Дроттнинггатанъ... онъ очень любезный человѣкъ, и цѣны у него дешевыя... вотъ этотъ прелестный шелковый передничекъ, который господинъ Хеглундъ видитъ на мнѣ, стоитъ по крайней мѣрѣ четыре талера въ другихъ лавкахъ, а у Ф. я его купила за три съ половиной, да еще въ придачу получила лентъ для завязокъ.

— А что-же это за дама съ нимъ?

— Это Аврора, которая въ прошломъ году была въ Стальместарегорденѣ, помилуй меня Богъ... Она звалась Грета, когда два года тому назадъ пріѣхала сюда изъ Смоланда... но хоть она тамъ двадцать разъ называйся Авророй, Грета все равно проглядываетъ сквозь Аврору.

— А какова она на видъ?

— Да что, лицо какъ лицо.

— Ну, а онъ развѣ не женатъ, купецъ-то самый?

— Конечно, но въ ресторанахъ всѣ мужчины не женаты.

Я начиналъ догадываться, какъ обстоятъ дѣла у моей незнакомки. Выпивъ стаканъ пунша и захвативъ для Сѣраго нѣсколько мягкихъ ржаныхъ лепешекъ, я снова пошелъ въ сарай. Сѣрый повернулъ ко мнѣ голову, можетъ быть, съ упрекомъ за то, что я оставилъ его одного на морозѣ въ то время, какъ самъ я сидѣлъ въ тепломъ буфетѣ и лакомился пуншемъ, но, завидя, что у меня въ рукѣ, онъ смягчился. Я только успѣлъ сунуть ему въ ротъ послѣдній кусокъ, какъ до ушей моихъ донеслись возбужденные голоса мужчины и женщины.

— Такъ вотъ какъ, ты являешься сюда только для того, чтобы выслѣживать меня, мерзкая разина!—кричалъ мужской голосъ.

— Нѣтъ, не для того, чтобы выслѣживать,— отвѣчалъ женскій голосъ,— а для того, чтобы убѣдиться въ томъ, о чемъ всѣ давно говорятъ.. Густавъ, ради этой дрянной женщины ты губишь свой домъ и семью и ввергаешь насъ всѣхъ въ величайшее несчастье!

Въ отвѣтъ на эти упреки мужъ разразился такой грубой руганью, какую можно услышать развѣ только въ устахъ злого мужика, когда онъ вымещаетъ свою злобу на несчастномъ батракѣ, или самага грубаго и неотесаннаго человѣка, куражащагося надъ кроткой, какъ ангель, женой. Я вывелъ Сѣраго изъ сарая и направилъ его прямо на мужчину, стоявшаго у входа въ ресторанъ. Застигнутый врасплохъ, мужчина съ проклятьемъ торопливо поднялся по лѣстницѣ и исчезъ. Сѣрый отвернулъ голову въ противоположную сторону. Я почти готовъ думать, что ему стыдно стало за человѣка.

Усадивъ снова бѣдную женщину въ сани, я поѣхалъ обратно въ городъ. Никто изъ насъ не проронилъ ни слова, пока мы не доѣхали до угла Большой Водяной улицы.

— Куда фру прикажетъ отвезти ее?—спросилъ я.

-- Куда хотите, только не домой,—пробормотала она судорожно.



— Но развѣ у фру нѣтъ друзей, къ которымъ она могла бы заѣхать?

Она отвѣтила съ выраженіемъ, которое до сихъ поръ еще звучитъ въ моихъ ушахъ:

— Ахъ! я такъ много любила, что мнѣ некогда было пріобрѣтать друзей!

Что мнѣ было дѣлать? Я не рѣшался отвезти ее къ себѣ домой; на улицѣ я тоже не могъ ее оставить. Послѣ нѣкотораго колебанія я рѣшилъ отвезти ее къ моей матери.

Моя старушка вначалѣ поворчала немного, но скоро успокоилась, услыхавъ шелестъ шелковаго платья несчастной женщины и увидавъ три толстыхъ золотыхъ кольца на ея рукѣ; но въ чемъ заключалось счастье, которое давали эти три золотыхъ кольца,—этому мать моя скоро получила объясненіе. Около трехъ недѣль бѣдная женщина прожила у моей матери, пока не добилась развода съ мужемъ.

Худѣя и блѣднѣя со дня на день, она, наконецъ, уѣхала въ деревню, но въ знакъ благодарности она оставила моей матери красивое шелковое платье, а мнѣ булавку для галстука, отдѣланную алмазами. Мать моя питаетъ особенное пристрастіе къ шелковымъ платьямъ; меня же видъ булавки всегда приводитъ въ грустное настроеніе, потому что алмазы на ней сверкаютъ, точно слезы.

### III. Вторая жена.

Однажды послѣ обѣда я вошелъ въ контору, чтобы узнать, не поступило-ли новыхъ требованій въ мое отсутствіе, такъ какъ я уходилъ въ городъ по дѣламъ своего принципала. Среди прочихъ записей я нашелъ слѣдующую:

„Требуется для господина коммерсанта Ф. на Дроттнинггатанъ четырехмѣстный крытый экипажъ къ семи часамъ пополудни для поѣздки въ Хагалундъ“.

Восемь мѣсяцевъ прошло съ того вечера, какъ я возилъ его бывшую жену въ Норрбака; несмотря на это я невольно вздрогнулъ, увидя въ книгѣ его имя, и въ ушахъ моихъ снова прозвучало объясненіе между мужемъ и женой у крыльца ресторана въ тотъ холодный зимній вечеръ.

Есть кое-что похуже, чѣмъ совершить преступленіе; это—самому же оправдывать это преступленіе, особенно, когда оправданіе заключается только въ новыхъ оскорбленіяхъ противъ невиннаго существа, какъ было въ этомъ случаѣ. Этимъ

только и объясняется глубокая антипатія, которую я чувствовалъ къ купцу Ф., потому что мнѣ бы никогда не пришло въ голову негодовать на невѣрность мужей, такъ какъ это явленіе слишкомъ обычное въ жизни и касающееся, кромѣ того, исключительно женщинъ.

Я сейчасъ же рѣшилъ взять на себя роль кучера и самому повезти господина Ф. въ Хагалундъ. Что меня, собственно, побудило къ этому, я теперь не помню. Не было-ли у меня намѣренія заставить лошадей понести, чтобы при этомъ случаѣ купецъ Ф. свернулъ себѣ шею? Нѣтъ, такого намѣренія у меня не было, да его и невозможно было бы привести въ исполненіе, принимая во вниманіе уравновѣщенный темпераментъ моихъ лошадей. Но подобно тому, какъ ищешь часто соприкосновенія съ хорошими людьми, для того-ли, чтобы позаимствовать отъ нихъ для себя что-либо хорошее, или для того, чтобы такъ или иначе выказать имъ свою признательность и готовность услужить, точно такъ же порою ищешь встрѣчи даже съ дурными людьми, чтобы, можетъ быть, найти случай доставить имъ неприятности и огорченія.

Я надѣлъ цилиндръ изъ глянцевитой кожи, облачился въ кучерской плащъ и въ опредѣленный часъ стоялъ съ экипажемъ у подъѣзда дома Ф. Немного спустя господинъ Ф. вышелъ въ со-

провожденіи не женщины, какъ я ожидалъ, а молодого человѣка, въ которомъ я узналъ одного изъ его приказчиковъ. Вѣрный взятой на себя на этотъ вечеръ роли, я открылъ дверцы экипажа, затѣмъ, когда мужчины сѣли, занялъ свое мѣсто на козлахъ, и мы тронулись.

Былъ темный и дождливый сентябрьскій вечеръ. Безъ всякихъ приключеній мы добрались до Хагалунда, и остановились у трактира. Купецъ и его спутникъ поспѣшно вошли въ домъ, я же направился къ каретному сараю со своей „хлѣбной лавочкой“, какъ звали тогда большіе наемные экипажи, хотя, что касается хлѣба, то ни кучера, ни лошади никогда не имѣли его въ изобиліи.

Я остался въ сараѣ; у меня не было никакого желанія показываться въ трактиръ въ томъ костюмѣ, какой былъ на мнѣ въ этотъ вечеръ. Полъ-часа спустя ко мнѣ вышелъ приказчикъ Ф. и велѣлъ мнѣ подать экипажъ къ крыльцу, что я и исполнилъ.

— Ступай въ буфетъ,—сказалъ онъ мнѣ, — выпей рюмку водки и закуси, да вели себѣ дать еще бутылку пива. Только поторопись, намъ сейчасъ надо ѣхать.

Едва успѣвъ выговорить это, онъ убѣжалъ, не слушая моего отвѣта; ему, конечно, и въ го-

лову не приходило, что я могу отказаться отъ угощенія.

Я вошелъ въ домъ, но не дальше, какъ въ сѣни, чтобы укрыться отъ дождя. Я простоялъ тамъ недолго, какъ услыхалъ мужскіе шаги на лѣстницѣ, ведущей въ верхній этажъ.

— Ты увѣренъ въ томъ, что кучеръ внизу, въ буфетѣ?—донесся до меня сверху голосъ купца.

— О, да,—отвѣтилъ приказчикъ,—и ей-же-ей, онъ не выйдетъ оттуда, пока въ бутылкѣ будетъ хоть одна капля и въ хлѣбной корзинкѣ хоть одна крошка.

— Хорошо! Такъ давай же, снесемъ нашу красотку внизъ со всѣми предосторожностями,—сказалъ купецъ.

Ага, подумалъ я, я такъ и зналъ, что здѣсь замѣшана женщина! Во мнѣ проснулось любопытство, мнѣ захотѣлось узнать во-первыхъ, почему „красотку“ надо снести внизъ, и во-вторыхъ, почему было такъ необходимо, чтобы я въ это время ужиналъ. Чтобы удовлетворить свое любопытство, я спрятался въ темномъ углу сѣней и сталъ ждать.

Скоро Ф. и его приказчикъ стали спускаться съ лѣстницы, соблюдая наивозможную осторожность и тишину; судя по ихъ прерывистому дыханію, они несли какое-то тяжелое тѣло. Не замѣтивъ меня, они прошли черезъ сѣни, спусти-

лись съ крыльца и остановились у экипажа. Я слышалъ, какъ они открыли дверцу его и спустя нѣкоторое время снова захлопнули ее. Затѣмъ они вернулись и болѣе легкими шагами поднялись опять въ верхній этажъ, тихонько посмѣиваясь и перешептываясь. Въ нѣсколько прыжковъ я очутился у экипажа; окно его было поднято и затянато занавѣской. Я открылъ дверцу и заглянулъ внутрь. Внутри было темно, какъ въ могилѣ; все же я разглядѣлъ сидящую на переднемъ сидѣннй фигуру въ женской мантильѣ и женской шляпѣ со спущенной вуалью, неподвижную и молчаливую.

— Не прикажете-ли положить вамъ пледъ въ ноги?—спросилъ я, чтобы какъ-нибудь оправдать свою дерзость.

Не получая никакого отвѣта, я намѣревался повторить свой вопросъ, но послышавшіеся на лѣстницѣ шаги заставили меня захлопнуть дверцу и, отойдя къ лошадямъ, сдѣлать видъ, что я вожусь около нихъ. Ф. и приказчикъ его вышли на крыльцо.

— Ты не былъ въ буфетѣ, какъ я тебѣ говорилъ?—замѣтилъ послѣдній.

— Мнѣ не хочется ни ѣсть, ни пить,—отвѣтилъ я.

— Гдѣ же ты былъ все это время?

— Я прошелся немного по дорогѣ.

— Ладно! Въмѣсто угощенія ты получишь больше на чай... Теперь маршь на козлы и ступай во всю прыть обратно въ городъ!

Мы пустились въ обратный путь. У заставы я остановился для таможеннаго осмотра \*).

Два таможенныхъ чиновника, изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ фонарь, приблизились къ каретѣ, открыли дверцы и начали, по обыкновенію, ощупывать руками дно и стѣнки ея.

— Прошу васъ, господа,—услышалъ я голосъ Ф.,—не разбудите моей жены... ей стало худо въ дорогѣ, но теперь она, къ счастью, заснула.

— Его жена! — повторилъ я про себя, и въ головѣ у меня зашевелились самыя разнообразныя мысли.

Таможенные чиновники захлопнули дверцы кареты и собирались удалиться.

— Разбудите фру, можетъ быть, это окажется не лишнимъ,—шепнулъ я одному изъ нихъ.

— Подождите еще минутку, — воскликнулъ онъ, понявъ намекъ, и открылъ снова дверцы кареты.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Ф., на этотъ разъ, какъ мнѣ показалось, не совсѣмъ твердымъ голосомъ.

---

\*) Въ тѣ времена таможенный досмотръ производился у городской заставы.

- Я хотѣлъ только спросить, не желаетъ-ли фру стаканъ воды,—отвѣтилъ таможенный чиновникъ и принялся вторично рыться въ каретѣ.

— Воды?—повторилъ Ф.—Но вѣдь она-же спить...

— Чортъ побери!—воскликнулъ досмотрщикъ;—ужъ не спить-ли барыня вѣчнымъ сномъ, что даже не почувствовала, какъ я ущипнулъ ее въ ногу?

На это замѣчаніе не послѣдовало никакого отвѣта.

— Потрудитесь, господа, выйти изъ экипажа,—замѣтилъ второй таможенный чиновникъ:—мы тогда сдѣлаемъ для больной барыни все, что ей нужно.

Глядя искоса со своего мѣста, я увидалъ, какъ оба мои пассажира вышли молча и съ чрезвычайно угнетеннымъ видомъ изъ экипажа, послѣ чего таможенный досмотрщикъ вытащилъ спящую барыню и съ помощью своего товарища внесъ ее въ зданіе таможни, отнюдь не обнаруживая особеннаго уваженія къ полубольной.

Всѣ пошли за ними, я, конечно, тоже. Послали за таможеннымъ инспекторомъ, который и явился вскорѣ. Это былъ старый маюръ въ отставкѣ, съ сѣдыми усами и веселой наружностью.



— Добрый вечеръ, господинъ Ф., какъ поживаете?—началь онъ.—Я слыхалъ, что вы обзавелись женой совсѣмъ по душѣ, но что она уже испустила духъ, бѣдняжка... Мнѣ надлежитъ теперь произвести вскрытіе тѣла, согласно правиламъ науки и королевской таможни.

Съ этими словами онъ приблизился къ большому столу, на которомъ уже лежала жена торговца, особа весьма внушительныхъ размѣровъ, попрежнему нѣмая и неподвижная.

— Красавицей она не была,—продолжалъ маіоръ,—у ней не было носа, а это скверно; но у ней нѣтъ также и рта и ушей, а это ужъ совершенно необходимо для женатаго человѣка... Впрочемъ, она была не глупа, въ головѣ у нея много... А! что я вижу?.. кружево, настоящее брюссельское кружево, и какая масса... это, можно сказать, остроумная голова, ха-ха \*)... Ну-съ, теперь мы перейдемъ къ груди... посмотрите-ка, нѣтъ, вы поглядите... вся грудь наполнена прелестнѣйшими часами, изъ французскаго золота, само собою разумѣется... благородная грудь, хотя и плохо контролируемая... сердце, такъ сказать, съ боемъ и репетиціей... А вотъ и животъ...

---

\*) Непереводимая игра словъ: spets—кружево и spetsig hufvud—остроумная голова.

Боже! внутренности изъ прекраснѣйшаго шелка, шелковые чулки для десятка тысячъ дѣвицъ, и креповые чепцы, которыхъ хватило бы для всѣхъ монастырей... А ноги, взгляните-ка на ноги... два куска тончайшаго шелковаго бархата, хотя и чернаго цвѣта... черныя ноги, ха-ха!.. красавица была на половину негритянка... но это ничего не значить... даль бы Богъ, чтобы всѣ женщины имѣли такую-же цѣнность, какъ эта, и чтобы всѣ анатомы получали такое-же удовлетвореніе отъ своей науки, какъ я!

Лежавшее на столѣ тѣло во время этого монолога постепенно разложилось на множество большихъ и маленькихъ пакетовъ, заключавшихъ въ себѣ не имѣющіе пломбъ и, слѣдовательно, контрабандные товары.

По прошествіи приблизительно часа, послѣ того, какъ всѣ необходимыя формальности были выполнены, господинъ Ф. и его приказчикъ получили возможность уѣхать.

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ я

— Поѣзжай къ ч—у!—отвѣтилъ торговецъ, нетвердыми шагами направляясь къ экипажу.

— Такъ я отвезу господъ домой,—истолковалъ я его слова и хлеснулъ по лошадямъ.

Я довезъ пассажировъ до самаго ихъ подъѣзда, послѣ чего отправился къ себѣ домой, не

получивъ ни на чай, ни даже „добрый ночи“, что не помѣшало мнѣ, однако, спать эту ночь очень хорошо, такъ какъ я полагаю, что штука, которую я сыгралъ надъ ними, была ими вполне заслужена.

#### **IV. Оконное стекло въ Кожевенномъ переулкѣ.**

— Хеглундъ,—обратился ко мнѣ однажды мой принципаль,—возьмите мѣсячный счетъ мамзель Вигренъ и снесите его ей, мнѣ не хочется посылать батрака къ такой любезной дамѣ... Если-бы она сдѣлала какое-нибудь замѣчаніе по поводу той или другой цифры въ счетѣ, которая могла попасть по недоразумѣнію, то зачеркните ее сейчасъ-же безъ всякихъ возраженій, потому что мамзель Вигренъ моя лучшая клиентка.

Я аккуратно одѣлся, взялъ счетъ и отправился, не безъ смѣшаннаго чувства любопытства и тревоги, потому что я помнилъ маленькую дѣвочку, которая называлась Лотта Вигренъ и жила, когда я былъ ребенкомъ, въ одномъ домѣ съ моими родителями, въ Кожевенномъ переулкѣ. При домѣ былъ очень большой дворъ, мѣсто моихъ дѣтскихъ игръ. Мнѣ было тогда лѣтъ семь или восемь, но я какъ сейчасъ вижу предъ собой длинную пожарную лѣстницу, по ступенькамъ

которой я лазилъ вверхъ и внизъ, и мнѣ и теперь еще не трудно перенестись воображеніемъ въ зимніе дворцы, которые я устраивалъ въ огромныхъ снѣжныхъ сугробахъ, лежавшихъ на дворѣ.

Много оконъ большого дома выходило на этотъ дворъ; но одно изъ нихъ, въ нижнемъ этажѣ, особенно привлекало мое вниманіе, потому что въ немъ часто показывалась дѣвочка, приблизительно на годъ моложе меня, чрезвычайно болѣзненного вида, но съ очень тонкими и правильными чертами лица. Она почти никогда не выходила въ садъ, и такъ-же рѣдко открывалось и низенькое окошко, у котораго она обыкновенно сидѣла. Но, раздѣленные оконной рамой, мы всегда кивали другъ другу головой. Чтобы позабавить ее, я становился на руки и ходилъ копесомъ, потому что тогда она такъ славно смѣялась, а когда она смѣялась, она казалась необыкновенно красивой,—словно ангелъ Божій смотрѣлъ на меня и улыбался мнѣ сквозь стекла окна. Насколько я помню, она была дочь бѣдной прачки, которая большей частью работала внѣ дома и всегда, уходя, запирала ребенка.

Но въ концѣ концовъ одни кивки головой показались намъ слишкомъ однообразными. Я придвинулъ къ ея окну скамеечку, сталъ на нее и приблизилъ свое лицо къ стеклу, то-же самое продѣлала и она по ту сторону окна, и мы долго

стояли такъ, глядя другъ другу въ глаза, пока губы наши не встрѣтились въ поцѣлуѣ, само собою разумѣется, сквозь стекло. Это мы повторяли при всякомъ удобномъ случаѣ, но всякій разъ предварительно оглядывались съ осторожностью и страхомъ, ибо даже у дѣтей уже шевелится смутное предчувствіе, что на пути всякаго земного счастья стоятъ зависть и всевозможныя преграды.

Родители мои скоро переѣхали въ другую часть города, и наши tête-à-tête'ы съ раздѣлявшей насъ оконной рамой, прекратились. Но я не разъ думалъ о томъ, чтобы вырѣзать это стекло изъ оконной рамы и увезти его съ собою, потому что мнѣ казалось, что то мѣсто на стеклѣ, къ которому прикасались наши губы, горитъ всѣми цвѣтами радуги. Можетъ быть, какой-нибудь лучъ солнца, играя въ парахъ дыханія, вырывавшагося изъ нашихъ теплыхъ невинныхъ устъ, въ концѣ концовъ застрялъ въ немъ и слился съ маленькимъ оконнымъ стекломъ.

Годы шли, и я больше не встрѣчался съ Лоттой; но, видя въ конторской книгѣ чуть-ли не ежедневно имя мамзель Вигренъ, я часто думалъ, не та-ли это самая Лотта, потому что я слышалъ о мамзель Вигренъ, что она очень красива и молода, не старше восемнадцати лѣтъ.

Я вошелъ въ одинъ изъ домовъ на Дротнинг-

гатанъ; меня провели въ богато убранную гостиную, и нѣсколько минутъ спустя я очутился лицомъ къ лицу съ той, которую я искалъ.

— Ахъ, это счетъ за экипажъ,—сказала она бросая въ то-же время взглядъ на общую сумму въ концѣ счета; — двѣсти талеровъ... это много за одинъ мѣсяць... что?

Я едва слышалъ, что она говорила, такъ какъ всѣ мои чувства сконцентрировались въ зрѣніи. Она улыбалась съ нескрываемымъ удовлетвореніемъ. Она, быть можетъ, думала, что я восхищаюсь ея красотой и дорогимъ туалетомъ, и она несомнѣнно имѣла всѣ права на такое восхищеніе; я же искалъ лишь черты лица маленькой Лотты, которыя я въ концѣ концовъ и нашелъ.

— Виновать, но не зовуть-ли васъ Лотта?—спросилъ я, совершенно не думая о томъ, что по меньшей мѣрѣ невѣжливо отвѣчать такимъ фамильярнымъ вопросомъ на ея замѣчаніе относительно счета.

— И не жила-ли мамзель двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ Кожевенномъ переулкѣ, во дворѣ?—продолжалъ я въ слѣпомъ увлеченіи;—и не помнитъ-ли мамзель маленькаго мальчика, который становился на руки и ходилъ колесомъ и который тамъ, передъ окномъ, на скамеечкѣ черезъ стекло...

Я вдругъ увидалъ, какъ красавица отступила

на шагъ назадъ, вся красная, какъ піонъ. Отчего она покраснѣла? Причинило-ли ей боль напоми-  
наніе о пережитой бѣдности и нуждѣ? Или же  
это воспоминаніе о шестилѣтней невинной дѣ-  
вочкѣ заставляло краснѣть элегантную восемнад-  
цатилѣтнюю дѣвицу?

— Это весьма возможно,—ствѣтила она, на-  
конецъ,—это... такъ, такъ это вы тотъ... Ну, и  
что-жъ изъ этого?—прибавила она, уже не крас-  
нѣя больше.

— О, такъ пріятно послѣ столькихъ лѣтъ  
снова встрѣтить мамзель, — сталъ я объяс-  
нять; — и мнѣ было бы чрезвычайно пріятно уз-  
нать, счастлива-ли мамзель теперь, хорошо-ли ей  
живется и...

— Какое вамъ до этого дѣло?—прервала она  
меня съ насмѣшливымъ движеніемъ головы;—но  
если ужъ вамъ такъ хочется знать, то могу вамъ  
сказать, что я страшно скучаю, что время тянется  
для меня невыразимо медленно, особенно въ эту  
минуту, могу васъ увѣрить... Теперь вы удовле-  
творены?

— Помилуй меня Богъ, — отвѣтилъ я, задѣ-  
тый тѣмъ, какъ она отнеслась къ одному изъ  
моихъ лучшихъ воспоминаній дѣтства,—какъ мо-  
жетъ время медленно тлнуться для человѣка, ко-  
торый проѣзжаетъ двѣсти талеровъ въ мѣсяцъ?

— А вамъ что за дѣло до того? — спросила



она, и въ глазахъ ея засверкалъ гнѣвъ;—ужъ не вы-ли платите за это?

— Нѣтъ, слава Богу!—отвѣтилъ я.

— Нахаль!—крикнулъ идеаль моего дѣтства, топнувъ ножкой.—Вотъ вамъ деньги по счету, а вотъ дверь!

Я расписался на счетѣ и сталъ спускаться съ лѣстницы. Возможно, что я былъ слишкомъ безцеремоненъ въ своемъ обращеніи, но она была въ десять разъ безцеремоннѣе меня, думалъ я, и съ этихъ поръ я очень рѣдко возвращался мыслью къ оконному стеклу въ Кожевенномъ переулкѣ.

## V. Яковъ Экелундъ \*).

Изъ всѣхъ моихъ учителей самый мой любимый и въ свою очередь относившійся ко мнѣ лучше всѣхъ былъ Яковъ Экелундъ, помощникъ ректора въ школѣ св. Клары. Внѣшность его была далеко не изъ пріятныхъ. Его длинная, сутуловатая и вѣчно качающаяся, какъ тростникъ, фигура, косые глаза, нечесанные волосы, не говоря уже о его лишенномъ всякой растительности подбородкѣ и вѣчно запачканной табакомъ верхней губѣ, — все это невольно вызывало смѣхъ и дѣлало его мишенью для легкомысленныхъ насмѣшекъ со стороны какъ малыхъ, такъ и старыхъ. Но рѣдко въ комъ-либо можно было встрѣтить такое соединеніе дѣтской простоты съ разсудительностью чело́вѣка, умудреннаго опытомъ, какъ у него. Я съ гордостью причисляю себя къ тѣмъ немногимъ изъ его учениковъ, которые, вопреки

---

\*) Яковъ Экелундъ, составитель многихъ прекрасныхъ учебниковъ по исторіи, умеръ въ Стокгольмѣ въ 1841 г.

своему дѣтскому возрасту и легкомысленной, поверхностной внѣшности, умѣли цѣнить это золотое сердце и этотъ умъ, таившій въ себѣ благороднѣйшія жемчужины. Часто по вечерамъ, по окончаніи школьныхъ занятій, сидя у него въ комнатѣ, за его письменнымъ столомъ, я писалъ подъ его диктовку его учебникъ по древней исторіи, выдержавшій столько изданій. Никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы онъ при этомъ перелистывалъ какой-нибудь другой историческій трудъ или рылся въ такъ-называемыхъ источникахъ. Факты и числа стояли въ его памяти точнѣе, чѣмъ въ любой хроникѣ. Диктуя, онъ большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, нюхалъ табакъ, прицелкивалъ пальцами, подчасъ стучался головой объ стѣну или дверной косякъ; но изъ устъ его въ это время лилась исторія, прямо готовая хоть сейчасъ подъ типографскій станокъ. Въ то-же самое время онъ могъ другому мальчику диктовать изъ какого-нибудь романа Вальтера Скотта, который онъ какъ разъ переводилъ, и можно безошибочно сказать, что его Древняя Исторія написана и приключенія лорда Нигеля переведены почти одновременно. Ахъ, чему только я не научился бы у такого учителя, который дѣлалъ все возможное, чтобы поощрить меня къ ученію,—если бы не моя непобѣдимая страсть кататься по улицамъ города.

Позже, даже бросивъ школу, я еще часто встрѣчался съ нимъ. Не разъ, по воскресеньямъ, онъ приходилъ за мной, бралъ меня съ собою въ городъ и, по старой привычкѣ, во время этихъ прогулокъ экзаменовалъ меня по исторіи.

Одну изъ этихъ прогулокъ, совершенную въ одно раннее воскресное утро, я и хочу описать.

— Когда палъ Густавъ Второй Адольфъ? — спросилъ онъ меня между прочимъ во время прогулки.

— Въ 1632 году, — отвѣтилъ я.

— Вѣрно... За что онъ боролся и палъ?

— За свободу совѣсти.

— Или вѣрнѣе говоря, за своихъ германскихъ единовѣрцевъ, которымъ могущественная католическая Австрія грозила полной гибелью, — пояснилъ Экелундъ.

— Но развѣ это не одно и то-же?

— Ну, не совсѣмъ... Скажи-ка мнѣ, милый Фигге, что ты понимаешь подъ свободой совѣсти?

— Свободу выбирать и исповѣдывать религію по своему желанію.

— Совершенно вѣрно... Но неужели ты думаешь, что Густавъ Второй допустилъ бы, чтобы любезные его сердцу шведы безнаказанно переходили въ католичество, магометанство или

іудейство? Нѣтъ, мой мальчикъ... Несомнѣнно, ничто не представляется мнѣ болѣе справедливымъ, какъ если каждый поклоняется своему Богу согласно своей собственной совѣсти и своему собственному разумѣнію, но точно такъ-же я не нахожу ничего болѣе опаснаго для общественнаго спокойствія, какъ предоставленіе неограниченной свободы совѣсти. Вода и огонь чудесныя стихіи, но если бы люди не ограничивали насколько возможно ихъ свободнаго дѣйствія, имъ несомнѣнно грозила бы опасность потонуть въ наводненіи или сгорѣть. Въ обществѣ съ неограниченной свободой совѣсти раньше или позже оказалось бы почти столько же сектъ, сколько семействъ, которыя скоро и стали бы враждовать и истреблять другъ друга, какъ дѣлали въ прежнія времена народы различныхъ религіозныхъ убѣжденій, ибо нѣтъ ничего страшнѣе столь извѣстнаго *odium theologicum*. Это было бы приблизительно то же самое, какъ если бы ввести неограниченную свободу правленія, *hoc est*, чтобы каждый индивидъ могъ безпрепятственно властвовать и управлять. Это было бы равносильно полному уничтоженію общества, и результатомъ этого было бы возвращеніе человѣчества къ грубому первобытному состоянію, къ которому навѣрное никто не хотѣлъ бы вернуться. Это то, что называется механическимъ порядкомъ вещей,

который необходимъ во всемъ для того, чтобы общество могло существовать. Я къ нему чувствую большое уваженіе.

— Но вѣдь эта внѣшняя, механическая сторона лишь второстепенная вещь рядомъ съ внутренней, духовной,—замѣтилъ я, уже тогда полагая, что свобода совѣсти и застывшая ортодоксія господствующей церкви понятія отнюдь не совпадающія.

— Изъ чего состоитъ нитка жемчуга?—спросилъ Экелундъ.

— Изъ жемчужинъ, разумѣется,—отвѣтилъ я.

— И это все?

— Да, правда, должна быть еще застежка.

— И ничего больше?—продолжалъ ректоръ;— ты ничего больше не находишь въ ней?

— Нѣтъ, я не могу больше ничего вспомнить.

— А шнурокъ, на который жемчужины нанизаны и на которомъ онѣ держатся?—спросилъ экзаменаторъ.

— Шнурокъ?—повторилъ я;—но вѣдь это-же мелочь... Кто-же думаетъ о шнуркѣ, когда рѣчь идетъ о ниткѣ жемчуга?

— Но безъ этого самого шнурка не было бы и нитки жемчуга, не было бы, слѣдовательно, и украшенія на женской шеѣ. Вотъ этотъ-то механическій порядокъ вещей и есть нѣкоторымъ об-

разомъ *conditio sine qua non*, мой милый Фигге... Ergo: безъ шнура нѣтъ нитки жемчуга, безъ опредѣленнаго образа правленія нѣтъ общества, и безъ одной, общей для всѣхъ членовъ общества, церкви нѣтъ религіи.

Разговаривая такимъ образомъ, — причемъ, я долженъ замѣтить, слова моего добраго учителя отнюдь не убѣдили меня, — мы дошли до Блопортена, спросили себѣ отдѣльную комнату и позвонили кельнершу, чтобы заказать нашъ скромный завтракъ. Скоро кельнерша явилась. Это была молодая, очень красивая цѣвушка, въ бѣлой рубашечкѣ изъ тончайшаго полотна, черномъ бархатномъ корсажѣ и черномъ атласномъ, вышитомъ блестками чепчикѣ. Я слегка вздрогнулъ при видѣ ея. Мнѣ вспомнился Кожевенный переулокъ, но въ то-же самое время и нарядная квартира въ Дроттнинггатанъ, гдѣ приблизительно годъ тому назадъ мнѣ указали на дверь.

Заказавъ кельнершѣ завтракъ, я довольно зло спросилъ ее:

— Виновать, не носить-ли юнгфру Лотта фамилію мамзель Вигренъ?

Она бросила на меня яростный взглядъ и исчезла. Она, повидимому, была теперь такъ-же оскорблена тѣмъ, что я напомнилъ Лоттѣ о мамзель Вигренъ, какъ когда-то оскорбилась, когда я напомнилъ мамзель Вигренъ о маленькой

Лоттѣ. Я разскалъ Экелунду все, что зналъ объ этой женщинѣ, звѣзда которой, повидимому, склонялась къ закату.

Когда мы позавтракали и расплатились, я сунулъ юнгфру Лоттѣ въ руку двѣнадцатишиллинговую бумажку на чай, довольно помятую и не особенно чистую. Она швырнула ее на полъ и стала топтать ногами, вся блѣдная отъ гнѣва.

— Вы неправы, голубушка,—замѣтилъ Экелундъ;—эта старая бумажка, которую вы такъ презрительно топчете ногами, была когда-то нова, чиста и красива; какъ она ни помята и замарана теперь, она все-же сохранила свою прежнюю цѣнность... даль-бы Богъ, чтобы это всегда можно было сказать о людяхъ!

Красивая кельнерша смѣрила взглядомъ комическую фигуру превосходнаго школьнаго учителя съ головы до самыхъ ногъ и разразилась громкимъ хохотомъ.

— Вы смѣетесь надо мной, и это нехорошо,—проговорилъ ректоръ;—мнѣ-же хочется плакать надъ вами, а это гораздо хуже.

Послѣ этого мы взяли свои шляпы и ушли.

— Это нахальное созданіе,—замѣтилъ мнѣ Экелундъ тихо.

— Но посмотрите-ка,—скалъ я, оглянувшись назадъ,—посмотрите, она все еще стоитъ на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ мы ее оставили,



но она держитъ у глазъ кончикъ передника... она плачетъ...

— О, Боже мой!—воскликнулъ добрякъ-ректоръ и поспѣшилъ къ ней обратно;—я былъ, можетъ быть, слишкомъ строгъ къ вамъ, бѣдное дитя!.. Этакой старый суровый учитель-ворчунъ, какъ я... Ну, такъ, не огорчайтесь больше и не будьте такъ грустны!

— Да, я не буду больше грустна,—отвѣтила она, всхлипывая,—и я благодарю васъ, добрый господинъ... слова, которыя вы мнѣ сказали, запали мнѣ глубоко въ душу... но не вы, а я сама буду плакать надъ собой, всю жизнь, пока не умру!

— Господь съ вами, голубушка,—продолжалъ добрякъ,—только теперь не плачьте больше, будьте снова веселы... Лицо кажется вдвойнѣ красивымъ, когда оно орошено слезами раскаянія.

## VI. Старый полковникъ.

Одну изъ квартиръ въ домъ, расположенномъ напротивъ насъ, занималъ семидесятилѣтній отставной полковникъ, сѣдой, какъ лунь, но подвижной и веселый, какъ молодой тетеревъ. Я всегда находилъ, что старые военные веселѣе и привѣтливѣе другихъ стариковъ. Веселая жизнь въ молодости въ кругу товарищей, приключенія, битвы и опасности, безпрестанно нарушающія теченіе ихъ жизни, развиваютъ въ нихъ какую-то бодрость и подвижность, напоминающія свѣжесть и кипучесть быстрого потока; и даже въ болѣе поздніе годы, когда больше не представляется случаевъ для активной дѣятельности, ее замѣняютъ воспоминанія о быломъ, дѣйствующія почти съ такой-же силой. У стараго вояки, дѣйствительно, бывшаго въ передѣлкѣ, всегда столько найдется, о чемъ поразсказать, и онъ разсказываетъ охотно, потому что знаетъ, что ничто не интересуеть слушателей такъ, какъ приключенія и событія перемѣнчиваго и богатаго неожиданностями военнаго времени. Онъ знаетъ, что въ

любой моментъ найдетъ благодарную аудиторію въ лицѣ молодежи, для которой рассказы его особенно интересны; любознательная и жадная до всего, что выходитъ изъ обычныхъ рамокъ, она окружаетъ его, глотая его слова и вознаграждая его живѣйшими проявленіями своего одобренія, столь лестными и пріятными для сѣдѣющей старости, не говоря уже о томъ, что самому рассказчику подобные моменты доставляютъ такое-же удовольствіе, какъ кучеру щелканье бича.

Такимъ образомъ онъ большей частью избѣгаетъ обычной участи достигшихъ преклоннаго возраста статскихъ чиновниковъ, которые рано засыхаютъ и часто до такой степени, что едва замѣтишь крохотный ручеекъ тамъ, гдѣ раньше бурлилъ широкій потокъ; ибо о чемъ можетъ рассказать такой старый писака? О безконечныхъ кипахъ исписанныхъ бумагъ, о своихъ старыхъ протоколахъ, чернила которыхъ желтѣютъ отъ времени, какъ его собственныя щеки. Но кому охота вдаваться въ такія воспоминанія? Да если бы и была охота, какой можетъ быть на нихъ отвѣтъ? Быть можетъ, только вздохъ при мысли объ минувшей безрадостной жизни.

Полковникъ Г., жившій по близости отъ насъ, часто приходилъ къ намъ на дворъ. Его забавляло разсматривать наши экипажи, заходить въ конюшни и дѣлать смотръ нашимъ лошадямъ.

— Да, не казисты они,—говорилъ онъ, бывало, глядя на нашихъ нѣкогда ретивыхъ коней;— ну, да и немногимъ лучше были и тѣ лошади, которыхъ наша кавалерія имѣла въ послѣдней финской кампаніи. О томъ, чтобы итти впередъ, не могло быть и рѣчи, но и для отступленія нужны ноги, а наши бѣдныя клячи не справлялись и съ этимъ, несмотря на то, что стальные шпоры, провалились они въ тартарары, безпрестанно вонзались имъ въ бока.

Въ концѣ концовъ у полковника сдѣлалось привычкой каждое утро ровно въ девять часовъ заходить ко мнѣ въ контору, чтобы спросить о новостяхъ, а въ таковыхъ недостатка никогда не было. Я долженъ былъ сообщать ему все, что мои кучера узнавали наканунѣ во время своихъ разъѣздовъ по городу; я имѣлъ связи почти со всѣми сидѣльцами и торговками на базарѣ, не говоря уже о гребной конторѣ, лучшей почтовой конторѣ въ городѣ; коротко говоря, въ моихъ рукахъ были всѣ новости, какъ съ моря, такъ и съ суши.

— Съ добрымъ утромъ, мой молодой фельдфебель!—было обычное привѣтствіе полковника, когда онъ просовывалъ въ дверь конторы свою голову съ густой серебристой шапкой волосъ;— что гласить рапортъ за вчерашній день?

Скоро у насъ съ нимъ завязались довольно

близкія отношенія; онъ часто приглашалъ меня къ себѣ для осмотра его весьма значительной коллекціи оружія и нерѣдко различными мелкими подарками доказывалъ свою благожелательность и симпатію къ моей особѣ.

Въ одно зимнее утро я сидѣлъ передъ ярко пылавшимъ въ печкѣ огнемъ въ своей маленькой комнаткѣ, находившейся этажемъ выше конторы. Хотя былъ уже десятый часъ, я еще не спускался въ контору, потому-что вернулся наканунѣ поздно ночью и поздно всталъ въ это утро. Вдругъ дверь распахнулась и въ комнату вошелъ мой сосѣдъ полковникъ со своимъ обычнымъ утреннимъ привѣтствіемъ.

— Контора заперта, — прибавилъ онъ, — а такъ какъ я снизу услыхалъ, что мой молодой фельдфебель у себя въ палаткѣ, то я взялъ на себя смѣлость подняться, чтобы поздороваться съ нимъ.

Я, конечно, сказалъ, что очень радъ ему, уступилъ ему свое мѣсто передъ огнемъ и предложилъ трубку, которую онъ и принялъ со своей обычной привѣтливостью.

— Я вижу, что и у моего молодого друга тоже имѣется коллекція оружія, — замѣтилъ онъ, окидывая взглядомъ пару ружей и нѣсколько пистолетовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ надъ моей постелью.

— Но гдѣ, миллионъ ракетъ, вы достали этотъ старый кавалерійскій пистолеть! — воскликнулъ полковникъ, подымаясь съ мѣста и приближаясь къ кровати.

Но не успѣлъ я еще отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ у полковника вырвался возгласъ ужаса, лицо его поблѣднѣло, и, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ схватился за голову. Пораженный, я схватилъ его за руку, боясь, что онъ сейчасъ упадетъ. Но рѣзкимъ движеніемъ онъ отстранилъ меня и снялъ со стѣны пистолеть.

— Гдѣ вы его достали? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я купилъ его у старьевщика годъ тому назадъ,—пояснилъ я.

— Вы обратили вниманіе на инициалы на ложѣ его?

— Конечно, тамъ двѣ буквы: К. Г.

— Онѣ означаютъ Карль Г.. это мое имя,—скорѣе пробормоталъ, чѣмъ сказалъ старый воинъ; —этотъ пистолеть принадлежалъ мнѣ, и двадцать пять лѣтъ тому назадъ я выбросилъ его въ мусорную яму, и вотъ гдѣ я его снова нахожу!.. Ужасную исторію таить въ себѣ этотъ заржавѣлый стволъ!.. Къ черту его!

Съ этими словами онъ швырнулъ пистолеть въ огонь, который быстро уничтожилъ все, что поддавалось его разрушительному дѣйствию; опу-

стившись снова на прежнее мѣсто и отъ времени до времени испуская вздохъ, онъ смотрѣлъ на трещавшія въ печкѣ дрова.

— Странно!—пробормоталъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Надо же было мнѣ послѣ столькихъ лѣтъ снова увидеть этого ужаснаго свидѣтеля! Или это неисповѣдимая воля Божія, чтобы это страшное дѣяніе не исчезло вмѣстѣ съ тѣми, кто принималъ въ немъ участіе, а продолжало бы существовать грознымъ предостереженіемъ для свѣта!.. Сядьте возлѣ меня, молодой человѣкъ, и выслушайте кое-что, отъ чего кровь хоть на нѣсколько минутъ застынетъ въ вашихъ жилахъ!

Я взялъ стулъ и, сѣвъ возлѣ полковника, сталъ слушать его разсказъ, который онъ передавалъ, какъ мнѣ казалось, въ состояніи лихорадочнаго возбужденія, ибо всѣ мускулы его, уже потерявшаго отъ старости свою подвижность, лица находились въ непрерывномъ судорожномъ движеніи, глаза были закрыты и все лицо горѣло. Казалось, словно какая-то непреодолимая сила заставляла его говорить противъ воли.

— Въ возрастѣ двадцати двухъ лѣтъ я женился,—началъ полковникъ, — и моя жена подарила мнѣ сына, сдѣлавшагося еще въ колыбели корнетомъ, а двадцать лѣтъ спустя лейтенантомъ того полка, въ которомъ я былъ тогда вторымъ маіоромъ. Жена моя умерла, и я вскорѣ послѣ

этого снова женился. Моей второй женѣ было едва двадцать лѣтъ, мнѣ же добрыхъ сорокъ пять, но развѣ это уже такая страшная разница въ лѣтахъ? Развѣ мужчина не остается гораздо дольше мужчиной, чѣмъ женщина женщиной?.. Скоро я, однако, замѣтилъ, что и жена и сынъ мой замышляютъ противъ моего спокойствія и счастья.

Съ минуту полковникъ молчалъ, словно для того, чтобы собраться съ духомъ, затѣмъ онъ продолжалъ:

— Однажды, поздно вечеромъ, я сидѣлъ въ комнатѣ, примыкающей къ моей спальнѣ, за роялемъ и барабанилъ маршъ изъ войны восемьдесятъ восьмого года. Звуки музыки всегда были для меня утѣшеніемъ, какъ и для многихъ другихъ. Какъ разъ противъ меня на стѣнѣ висѣло большое зеркало, и по мѣрѣ того, какъ звуки музыки становились все веселѣе, и отраженіе мое въ зеркалѣ казалось все оживленнѣе и моложе. Продолжая играть, я вижу въ зеркалѣ, какъ дверь позади меня медленно и безшумно открывается, и такъ-же неслышно въ комнату проскальзываетъ мой сынъ и останавливается въ дверяхъ. Далѣе я вижу, какъ онъ подымаетъ пистолетъ и направляетъ его дуло прямо мнѣ въ спину. Я не оборачивался и продолжалъ играть, ибо что означала для меня жизнь, обманутая во всемъ,



что было мнѣ дорого и свято! Раздался выстрѣлъ, но пуля, пролетѣвъ мимо моей щеки, раздробила лишь мое отраженіе въ зеркаль. Сердце мое было раздроблено уже раньше, и пуля, попавъ въ меня, принесла бы мнѣ лишь исцѣленіе, поэтому я позавидовалъ своему отраженію въ зеркаль. „Фрицъ!“ сказалъ я, не измѣняя положенія: „въ слѣдующій разъ, когда ты будешь стрѣлять въ своего отца, рука твоя навѣрное будетъ меньше дрожать, потому что лишь начало трудно; но цѣлись тогда лучше въ грудь, а не въ спину, потому что онъ никогда не обращался спиной, ни къ другу, ни къ недругу!“... Злодѣй выронилъ пистолеть и выскользнулъ изъ комнаты. Тогда я всталъ и поднялъ пистолеть, который всегда былъ моимъ вѣрнымъ товарищемъ во всѣхъ моихъ битвахъ и который я однажды направилъ на казака, но, замѣтивъ, что онъ безоружень, сунулъ его, не спустивъ курка, обратно въ чехоль. Я положилъ пистолеть на роэль и разразился горькими рыданіями. Въ зеркаль я снова увидалъ свое изображеніе, но слезы этого изображенія казались мнѣ красными. Свѣчи догорѣли въ подсвѣчникахъ, и въ комнатѣ стало темно. Но въ зеркаль я все еще видѣлъ свое отраженіе съ кровавыми слезами на лицѣ!

Полковникъ опять замолчалъ и сидѣлъ весь блѣдный и словно подкошенный. Я и самъ чув-

ствоваль, что блѣднѣю и съеживаюсь внутренно. Жизнь всегда хранить какую-нибудь мрачную страницу, которая вдругъ предстанеть передъ тобою въ первый разъ.

— Милліонъ ракетъ! — воскликнулъ вдругъ полковникъ, вставая и принимая свою прежнюю прямую осанку;—вѣдь оба они уже давно умерли, и я пережилъ ихъ только для того, чтобы простить и забыть.

Онъ направился къ двери, но, дойдя до нея, снова повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Завтра вы получите лучшій пистолетъ, а я— рапортъ за два дня.

И онъ ушелъ.

## VII. Маленькая полковница.

Полковникъ сдержалъ слово. На слѣдующій день онъ пришелъ и принесъ мнѣ два очаровательныхъ карманныхъ пистолета взамѣнъ кавалерійскаго пистолета, съ которымъ было связано такое тяжелое воспоминаніе, но о которомъ я съ тѣхъ поръ больше не слыхалъ ни одного слова. Старикъ былъ попрежнему веселъ и привѣтливъ, и я почти готовъ былъ думать, что ужасный рассказъ изъ его прошлаго представлялъ собою скорѣе плодъ случайно возбужденной фантазіи, чѣмъ происшествіе изъ дѣйствительной жизни, хотя я позднѣе имѣлъ случай убѣдиться, что какой бы ни обладать живой и богатой фантазіей, но дѣйствительная жизнь превзойдетъ всякую фантазію.

Лѣто полковникъ всегда проводилъ въ Седерманландѣ, у стараго товарища, служившаго подпрапорщикомъ въ его полку, котораго онъ очень цѣнилъ.

— Если бы существовала на землѣ какая-нибудь справедливость, — сказалъ онъ однажды, — то мой старый Пальмъ былъ бы полковникомъ, а я

подпрапорщикомъ. Но, миллионъ ракетъ! я думаю, что едва-ли годился бы въ подпрапорщики, и поэтому лучше ужъ, что оно такъ, какъ есть, потому что полкъ скорѣе можетъ обойтись безъ полковника и маюра, капитана и лейтенанта, чѣмъ безъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ и капраловъ.

Въ теченіе того времени года, которое полковникъ проводилъ на дачѣ, я служилъ ему своего рода комиссіонеромъ. Каждый мѣсяцъ я посылалъ ему опредѣленный сортъ нюхательнаго и жевательнаго табака, который покупался уже многіе годы въ одномъ и томъ же мѣстѣ. При этихъ оказіяхъ онъ получалъ отъ меня столько новостей, сколько я могъ припомнить; я сообщалъ ихъ ему тѣмъ охотнѣе, что онъ часто, узнавъ о какомъ-нибудь печальномъ происшествіи, присылалъ мнѣ большую или меньшую сумму денегъ для оказанія помощи дѣйствительно нуждающимся въ ней, потому что его жажда новостей имѣла болѣе благородныя цѣли, чѣмъ простое удовлетвореніе любопытства. На мнѣ даже лежала обязанность слѣдить въ его отсутствіе за тѣмъ, чтобы его квартира провѣтривалась, какъ слѣдуетъ, чтобы его коллекція оружія содержалась въ чистотѣ, и тому подобныя заботы, которыя онъ не рѣшался поручать одной своей старой домоправительницѣ.

Однажды, во время пребывания его на дачѣ, я получилъ отъ него письмо, содержавшее наряду съ нѣкоторыми порученіями извѣщеніе о томъ, что онъ совершилъ колоссальную глупость, а именно женился въ третій разъ—на внучкѣ подпрапорщика Пальма.

Я былъ нѣсколько изумленъ этимъ извѣстіемъ. Между тѣмъ дѣло шло къ осени, и приближалось время, когда полковникъ обыкновенно возвращался въ городъ. По дѣламъ принципала моего мнѣ пришлось предпринять путешествіе въ Норрландъ, продолжавшееся двѣ недѣли; вернувшись, я узналъ, что полковникъ уже переѣхалъ въ городъ, но ни о какой полковницѣ ничего не было слышно. На другой день послѣ моего приѣзда полковникъ послѣ полудня явился къ намъ на дворъ, ведя за руку маленькую дѣвочку лѣтъ семи или восьми, необыкновенно милого, очаровательнаго ребенка. Пожавъ мнѣ руку со своей обычной сердечностью, онъ спросилъ себѣ экипажъ для прогулки, которую хочетъ совершить вмѣстѣ со своей полковницей. Экипажъ скоро былъ поданъ.

— Будьте добры, господинъ Хеглуидъ,—попросилъ полковникъ, — усадите сначала полковницу.

— Полковницу!—повторилъ я слегка удивленно,—но гдѣ же госпожа полковница?

— Да вѣдь это я,—отвѣтила маленькая дѣвочка.

— Ну, конечно,—подтвердилъ полковникъ;— вы навѣрное находите, что въ лѣтахъ между нами большая разница, но это ровно ничего не значитъ. Полковница, правда, еще ребенокъ, но и полковникъ тоже снова становится ребенкомъ. Словомъ, все обстоитъ въ наилучшемъ порядкѣ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте, сударыня!—сказалъ я, подымая полковницу, чтобы посадить ее въ экипажъ.

— Меня зовутъ ея милость,—заявила малютка.

— Правильно, моя старушка!—сказалъ полковникъ;—о сохраненіи своего достоинства надо всегда заботиться.

— Но пусть Калле посадить меня въ экипажъ,—сказала полковница.

— Тоже правильно,—согласился полковникъ;— подчиненность женщины существуетъ еще только въ ветхомъ завѣтѣ. Послѣ вѣковой борьбы женщина добилась, по крайней мѣрѣ, того, что идетъ по правую руку мужчины и что мужчина усаживаетъ ее въ экипажъ, когда ей угодно покататься.

Съ этими словами онъ поднялъ полковницу, усадилъ ее въ экипажъ и сѣлъ самъ по лѣвую руку ея.

— Ну, моя маленькая женка, куда ты хочешь поѣхать?—спросилъ онъ.

— Ты обѣщаль мнѣ показать парадъ и красивыхъ офицеровъ,—сказала она.

— Но послѣ обѣда не бываетъ парадовъ.

— Ну, тогда мнѣ хочется посмотреть старыхъ оленей, милый Калле!

— Скажите-ка, — обратился полковникъ ко мнѣ,—она уже бредитъ офицерами и старыми оленями... Никогда не женитесь, господинъ Хеглундъ!. Въ такомъ случаѣ, въ Зоологическій садъ!

Я со смѣхомъ захлопнулъ дверцу экипажа, и молодая чета укатила. Третій бракъ полковника не представлялъ опасности. Старика занимала теперь эта игра въ семейную жизнь, послѣ того, какъ въ дѣйствительности на его долю выпала такая несчастливая роль. Ему досталась, какъ онъ самъ выразился однажды, въ полномъ смыслѣ слова „жена - ребенокъ“, какой онъ всегда желалъ себѣ.

Въ слѣдующій разъ я встрѣтилъ полковника съ „маленькой полковницей“, какъ ихъ скоро стали называть всюду по сосѣдству, у ларца торговли на Рэдбуторгетъ.

— Я хочу сливы, купи мнѣ сливы!—твердила полковница.

— Но, моя маленькая женка, сливы теперь

опасно ѣсть,—убѣждалъ ее полковникъ,—я куплю тебѣ лучше эту хорошенькую грушу.

— Я не хочу груши, я хочу сливы,—продолжала ея милость со слезами въ голосѣ.

— Но я-же сказалъ тебѣ, что сливы ѣсть вредно... Если ты будешь ихъ ѣсть, ты заболѣешь, и тогда твой старый мужъ будетъ очень огорченъ.

— Но вѣдь ты-же сказалъ, что Богъ создалъ все, что растеть на землѣ?

— Конечно, Богъ.

— И ты сказалъ, что Богъ добрый и что все, что онъ создалъ, хорошо.

— Конечно.

— Такъ, значить, и сливы хороши, это только ты нехорошій... Ты гадкій, Калле, и я тебя больше не буду любить.

И маленькая полковница принялась громко рыдать. Дѣло кончилось тѣмъ, что она поставила на своемъ и получила сливы.

— Слезные мѣшечки для женщины то-же, что иглы для ежа,—сказалъ полковникъ;—стоитъ ей только открыть ихъ, и всякой власти надъ нею придетъ конецъ. Азотная кислота разѣдаетъ желѣзо; но чтобы растворить самые твердые принципы и самое непоколебимое мужество достаточно иногда одной маленькой слезы изъ женскаго глаза. Поэтому женщинамъ закономъ должно



было бы быть воспрещено плакать, какъ мужчинамъ—обнажать безъ надобности шпагу или ножъ.

— Ты сегодня не надѣлъ своей звѣзды, старинушка,—замѣтила ея милость.

— Не всегда-же ходятъ въ звѣздахъ,—объяснилъ полковникъ;—но, какъ видишь, я сегодня надѣлъ свою синюю съ желтымъ ленту.

— Но она такая некрасивая, моя гораздо красивѣе.

— Ну, чтожъ, это хорошо, моя старушка!

— Но почему у тебя есть звѣзда, а у всѣхъ другихъ нѣтъ?

— Потому что я былъ на войнѣ.

— А что это такое—война?

— Это... да, видишь-ли, это когда... когда дерутся.

— Дерутся? Фи! Какъ гадко драться... Такъ когда дерутся, какъ эти противные уличные мальчишки, то получаютъ звѣзды?

— Знаете-ли,—обратился ко мнѣ полковникъ;—ни съ кѣмъ не бываетъ такъ трудно разговаривать, какъ съ дѣтьми и очень учеными людьми, потому что самъ чортъ не отвѣтитъ на всѣ ихъ вопросы. Многіе полагаютъ, что лучше въ такихъ случаяхъ сказать глупость, чѣмъ сознаться въ своемъ незнаніи, я-же думаю, что умнѣе всего молчать.

— Калле, дай мнѣ свою звѣзду,—потребовала маленькая полковница.

— Но на что она тебѣ? ты вѣдь не дерешься, напротивъ, ты послушная и благонравная дѣвоча, по крайней мѣрѣ, всегда общаешься быть таковою?

— Я ее дамъ іестѣ на нашемъ дворѣ, который дерется и ходитъ съ такой большой палкой, но безъ звѣзды.

Подобные разговоры между старымъ полковникомъ и маленькой полковницей я слышалъ всякій разъ, когда встрѣчался съ ними. Полковникъ никогда не показывался безъ маленькой дѣвочки, забывая ради нея иногда даже ежедневные рапорты, которыми раньше всегда такъ интересовался. Годъ спустя превосходный старикъ умеръ, оставивъ по завѣщанію маленькой полковницѣ или внучкѣ подпрапорщика Пальма все свое состояніе, составлявшее, какъ я потомъ узналъ, слишкомъ десять тысячъ банковыхъ риксдалеровъ. Въ завѣщаніи было выражено желаніе, чтобы она цѣлый годъ носила по немъ трауръ, какъ по мужѣ.

Я былъ на похоронахъ и при этомъ случаѣ познакомился со старымъ Пальмомъ, который шелъ въ траурной процессіи между генералами Ловисинымъ и Лорихсомъ. По окончаніи церемоніи старый подпрапорщикъ, высокій, статный ста-

рикъ съ бѣлоснѣжными кудрями и усами, еще долго стоялъ у гроба, выпрямившись и руки по швамъ, точно на парадѣ.

— Господи спаси и помилуй полковника!— проговорилъ онъ слабымъ, но яснымъ голосомъ;— куда маршировалъ полковникъ, туда старый Пальмъ всегда слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Передъ лицомъ опасности и смерти мы всегда были въ первыхъ рядахъ... только въ жизни мы остались назади.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ я встрѣтилъ маленькую полковницу въ глубокомъ вдовьемъ траурѣ, на этотъ разъ въ сопровожденіи старой дамы, на попеченіе которой она была отдана.

— Калле умеръ и больше никогда не придетъ,—заговорила она со мной, и крупныя слезы стояли въ ея ясныхъ голубыхъ глазахъ.—Я иногда бывала не хорошая и гадко вела, себя... но если бы Калле вернулся, я всегда была бы послушна и никогда больше не была бы такой злой къ Калле.

Не одна вдова, можетъ быть, говорила то-же самое; но навѣрное ни одна не проливала при этомъ такихъ горькихъ слезъ, какъ „маленькая полковница“.

## **УШ. Заколдованный домъ на Брюггаргрэндѣ.**

Около того времени, когда я покинулъ школу, Стокгольмское общество было чрезвычайно заинтересовано однимъ двухъэтажнымъ каменнымъ домомъ на Брюггаргрэндѣ, о которомъ рассказывались самыя невѣроятныя исторіи. Столы и стулья, которые, будучи предоставлены самимъ себѣ, обыкновенно держатся неподвижно и неслышно, имѣли обыкновеніе въ домѣ, о которомъ идетъ рѣчь, употреблять свои четыре ноги для того, чтобы двигаться по комнатамъ и приводить все въ величайшій беспорядокъ, къ большому недовольству хозяекъ и горничныхъ. Такъ напри- мѣръ, одна молодая танцовщица, снимавшая комнату въ нижнемъ этажѣ, нашла, вернувшись изъ оперы, свой чайный столъ стоящимъ посреди комнаты и накрытымъ, какъ для обѣда, и вокругъ него всѣ четыре стула въ праздничномъ одѣяніи, то есть, безъ чехловъ, хотя утромъ, когда она уходила, ни нихъ были чехлы и столъ стоялъ у

окна, а скатерть лежала въ буфетѣ. И этотъ самый столъ съ этими самыми стульями не одинъ, а много разъ въ ея отсутствіе играли такимъ образомъ въ гости, хотя она запирала самымъ основательнымъ образомъ и комнату, и буфетъ, и въ теченіе дня не было видно во всемъ домѣ ни одного чужого лица.

Въ третьемъ этажѣ жилъ молодой типографскій рабочій, который зимой каждый день рано утромъ разводилъ огонь у себя въ печкѣ и кипятилъ на немъ свою четверть литра молока, выпивая его съ хлѣбомъ передъ уходомъ въ типографію, въ которой онъ работалъ. Но однажды утромъ, собираясь положить въ печь дрова, которыя онъ съ обычной своей предусмотрительностью приготовилъ еще наканунѣ вечеромъ, онъ вдругъ, къ величайшему своему ужасу, замѣчаетъ, что печка поступила по отношенію къ нему такъ-же, какъ онъ много разъ поступалъ по отношенію къ печкѣ, а именно, повернулась къ нему спиной, такъ что онъ, вмѣсто печныхъ отверстій и маленькой ниши надъ ними, увидалъ передъ собою шероховатую стѣну, изъ которой кой-гдѣ торчали отдѣлившіеся отъ известки кирпичи. Съ возгласомъ ужаса онъ бросается изъ комнаты внизъ по лѣстницѣ и рассказываетъ о происшедшемъ сосѣдямъ. Нѣсколько человекъ слѣдуютъ за нимъ наверхъ, чтобы лично убѣдиться

въ непонятномъ поведеніи печки; но, войдя въ комнату, они не находятъ въ ней ничего необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ вначалѣ. Печка тѣмъ временемъ снова успѣла сдѣлать „направо кругомъ“, дрова сами собой полѣзли въ печку и зажглись, послѣ чего кастрюлька съ молокомъ, опять таки сама собою, встала на огонь. Однако, всѣмъ показалось, что языки пламени слишкомъ сини, а когда одной храброй дѣвушкѣ пришло въ голову приблизиться къ огню и поднять крышку кастрюльки, то послѣдняя оказалась совершенно пустой, хотя типографскій рабочій увѣрялъ, что онъ поставилъ ее недавно только передъ печкой съ обычной порціей молока. Что дьяволъ могъ затопить печь, это ни въ комъ не вызывало ни малѣйшаго изумленія; но что онъ оказался такимъ охотникомъ до молочной пищи, это каждому внушило такой ужасъ, что всѣ сломя голову бросились изъ комнаты.

На той-же площадкѣ снимала комнату старая, чахоточная дѣвушка, кашлявшая круглыя сутки. Однажды ночью, ворочаясь по обыкновенію безъ сна на своей постели, она вдругъ видитъ, какъ открывается окно и въ немъ появляется освѣщенная луной, наклоненная человѣческая фигура, держащая въ рукѣ трубу, похожую на тѣ, какія она видѣла на различныхъ гравюрахъ въ рукахъ у ангеловъ.

— Кто это?—спрашиваетъ она дрожащимъ голосомъ.

— Я спустился сюда только ради васъ, бѣдное созданіе!—отвѣчаетъ фигура.

— Такъ вы съ неба?—вырывается у женщины вздохомъ.

— По крайней мѣрѣ, недалеко отсюда... Я Ольсонъ, башенный сторожъ въ церкви св. Клары, и много лѣтъ уже я слышу вашъ кашель, несмотря на стукъ башенныхъ часовъ и городской шумъ... Моя жена, что торгуетъ перечными пряниками, страдала той-же болѣзью, что и вы, но она каждое утро съѣдала тарелку рубленныхъ легкихъ и... Но что это? Часы уже бьютъ двѣнадцать, и мнѣ надо вернуться наверхъ... но не забудьте рубленныхъ легкихъ.

Съ этимъ башенный сторожъ исчезъ, и почти въ то-же мгновеніе съ верхушки башни послышалась его труба. Сдѣлала-ли бѣдная дѣвушка, чтобы получить дальнѣйшія свѣдѣнія, контръ-визитъ башенному сторожу или его женѣ, этого никто не знаетъ, но достовѣрно извѣстно, что она ѣла рубленныя легкія утромъ, въ полдень и вечеромъ, чтобы такимъ путемъ доставить себѣ пару болѣе здоровыхъ легкихъ.

Школьный учитель, жившій въ комнатѣ этажемъ выше, сидѣлъ однажды ночью и поправлялъ безчисленныя сочиненія для школы, въ

которой онъ преподавалъ. Сидя, склонившись надъ тетрадами, онъ вдругъ слышитъ отчаянную возню на книжной полкѣ. Онъ поворачивается и, къ немалому своему изумленію, видитъ, что книги на полкахъ, обыкновенно стоящія, повернувшись къ комнатѣ своими корешками, вдругъ перевернулись, шелестятъ страницами и толкаютъ другъ друга переплетами, въ особенности на той полкѣ, гдѣ стояли грамматики различныхъ языковъ. Онъ испуганно подымается, но въ то-же самое мгновеніе всѣ эти грамматики, латинская, греческая, французская, нѣмецкая, англійская, шведская и всякія другія, стремительно соскакиваютъ съ полки на полъ и вступаютъ въ отчаянную драку, швыряя другъ въ друга свои самыя худшія междометія. Пораженный школьный учитель хочетъ выйти изъ комнаты но его останавливаетъ голосъ, звучащій въ его ушахъ, какъ соборная труба.

— Когда они всѣ благополучно передерутся,— трубить голосъ,—настанетъ день блаженства для школьныхъ учителей и школьниковъ, тогда весь свѣтъ будетъ говорить на одномъ общемъ языкѣ, тогда придетъ конецъ національностямъ, деспотамъ и гнету... Но это произойдетъ лишь черезъ тысячу лѣтъ, такъ что ты до конца дней своихъ можешь попрежнему спокойно пользоваться своими темами для сочиненій и своей камышевой тростью.



Школьный учитель выскакиваетъ изъ комнаты и будить сосѣдей, но возвратившись вмѣстѣ съ ними въ комнату, онъ находитъ все на своемъ мѣстѣ, книги стоятъ на полкахъ, обернувшись корешками къ комнатѣ.

Хозяинъ дома, въ которомъ происходила только что описанная чертовщина и еще много всякой другой, былъ старый ростовщикъ, занимавшій самъ двѣ комнаты въ первомъ этажѣ. Онъ, конечно, не могъ рассказать ни о какихъ необыкновенныхъ видѣнiяхъ, но по ночамъ его постоянно беспокоилъ шумъ на лѣстницѣ и потрескиванiе въ стѣнахъ. Подозрѣвая, что все это происходитъ, можетъ быть, не безъ участiя кого-нибудь изъ его жильцовъ, онъ донесъ объ этомъ полици, которая сейчасъ же и учинила допросъ всѣмъ живущимъ въ домѣ. Всѣ подтвердили въ большей или меньшей степени удивительные слухи, которые долгое время шли изъ устъ въ уста, но никто не могъ найти естественнаго объясненiя всему этому. Домъ былъ обысканъ съ погреба до чердака, были вскрыты полы, потолки, сорваны обои со стѣнъ, но все безъ результата. Хозяинъ пришелъ въ отчаянiе, потому что всѣ его жильцы стали отказываться отъ квартиръ, и полици, озабоченная тѣмъ, что толпы народа ежедневно стали собираться на Брюггаргрендъ поглазѣть на заколдованный домъ, рѣшила

самолично провести ночь въ этомъ домѣ. Одинъ гевальдигеръ \*) и два подчиненныхъ полицейскихъ служителя прокрались туда однажды вечеромъ между девятью и десятью часами и, не замѣченные никѣмъ изъ жильцовъ, расположились главной квартирой въ комнатѣ хозяина. Всѣ трое были испытанные, здоровые парни, готовые всѣми, находящимися въ ихъ распоряженіи средствами, сразиться съ привидѣніями всего свѣта. Хозяинъ выставилъ своимъ гостямъ пару бутылокъ пунша, явленіе совершенно необычное въ домѣ стараго ростовщика, самъ-же онъ отправился въ комнату, смежную съ той, гдѣ находились представители полиціи. Въ этой послѣдней не было никакой другой мебели, кромѣ стола, за которымъ расположились служители полиціи, трехъ стульевъ, на которыхъ они сидѣли, да выкрашеннаго въ зеленую краску желѣзнаго денежнаго шкапа, крѣпко привинченнаго какъ къ стѣнѣ, такъ и къ полу, и кромѣ того запертаго на засовъ и нѣсколько огромныхъ висячихъ замковъ.

Гевальдигеръ и оба его подчиненныхъ попивали пуншъ и чувствовали себя чрезвычайно бодро, но сидѣли они молчаливо и, настороживъ уши, прислушивались къ малѣйшему шуму, убѣ-

---

\*) Полицейская должность.

жденные, что въ концѣ концовъ въ ихъ руки попадется привидѣніе изъ плоти и крови. Между тѣмъ время шло къ полуночи, а они все еще ничего не слышали, кромѣ голоса ростовщика, говорившаго со сна въ сосѣдней комнатѣ о клейменомъ и не клейменомъ золотѣ, о качествахъ серебряныхъ ложекъ и тому подобныхъ вещахъ.

Обѣ бутылки были почти пусты, и гевальдигеръ только что собрался вылить въ свой стаканъ послѣднія капли изъ нихъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что оба его товарища стали потягиваться, зѣвать и, наконецъ, свалились со стульевъ подъ столъ, гдѣ и остались лежать. Разсердившись, онъ принялся щипать ихъ за руки, дергать за носъ и таскать за волосы, какъ привыкъ поступать съ бодрствующими грѣшниками, но все было напрасно.

— Негодяи!—пробормоталъ онъ про себя;—я далъ имъ слишкомъ много пунша.

— Это правда, Вестерлундъ, — подтвердилъ голосъ за его спиной.

Гевальдигеръ вздрогнулъ, повернулся и узналъ перваго городского фискала.

— Пусть ихъ спятъ!—продолжалъ этотъ, — потому что вы одинъ только обладаете достаточнымъ образованіемъ и сердечнымъ тактомъ для того, чтобы уловить и понять то, что происходитъ въ этомъ злополучномъ дѣмѣ.

Гевальдигеръ смотрѣлъ на фискала, вытаращивъ глаза. Въ первый разъ ему приходилось слышать въ устахъ служителя полиціи такую кроткую рѣчь, самъ-же онъ давно забылъ, какъ держать подобныя рѣчи, хотя было время, когда онъ славился и этимъ. Въ своей юности Вестерлундъ получилъ довольно хорошее воспитаніе, былъ даже въ теченіе двухъ лѣтъ студентомъ, но беспорядочная жизнь заставила его поступить по призыву въ шведскую гвардію, откуда онъ черезъ нѣкоторое время перешелъ на службу въ полицію, дослужившись въ ней до чина гевальдигера и обративъ на себя вниманіе своимъ мужествомъ, точностью и быстротою дѣйствій.

— Вы ничего не слышите?—шепнула фискаль.

— Нѣтъ.

— Вы не слышите вздоховъ тамъ, въ углу?

— Я ничего не слышу.

— Подите за мною,—проговорилъ фискаль, приблизившись къ зеленому денежному шкапу и приложивъ къ нему ухо.

Вестерлундъ тоже приложился ухомъ къ шкапу, и, дѣйствительно, ему послышалось, что изнутри его раздаются вздохи.

— Это странно,—замѣтилъ онъ.

— Ничего страннаго нѣтъ,—отвѣтилъ фискаль,—погодите, вы еще и увидите кое-что.

Съ этими словами фискаль досталъ ключъ, отворилъ большой висячій замокъ и открылъ тяжелыя дверцы шкапа. Вестерлундъ сдѣлалъ шагъ назадъ, у него было ощущение, словно холодный, сырой туманъ окутываетъ его всего.

— Да, да,—проговорилъ фискаль,—тутъ не мало вздоховъ, не мало и слезъ, передъ нами цѣлое озеро ихъ, но на днѣ его и не мало золота. Взгляните только, сколько здѣсь колецъ, серегъ, серебряныхъ ложекъ, и, Богъ знаетъ, чего только здѣсь нѣтъ!.. Большинство изъ этихъ вещей были единственными украшеніями бѣдняковъ и въ теченіе многихъ дней доставляли имъ радости для того, чтобы затѣмъ исчезнуть навсегда. Это вотъ тяжелое вѣнчальное кольцо, на примѣръ, много лѣтъ тому назадъ носила юная невѣста бѣднаго ремесленника въ день своей свадьбы, но нѣсколько дней спустя оно было заложено. При появленіи на свѣтъ въ этой семьѣ каждаго новаго ребенка оно выкупалось, чтобы украсить руку матери въ день крестинъ, но на слѣдующій день снова закладывалось. Когда старшая дочь конфирмовалась, его опять выкупили и дали ей, но недѣлю спустя оно вернулось сюда. Въ день похоронъ мужа оно украшало руку вдовы, но очень скоро пошло опять прежнимъ путемъ и никогда уже не будетъ выкуплено. Благодаря всѣмъ этимъ многочислен-

нымъ операціямъ, оно обошлось въ десять разъ больше своей первоначальной стоимости. Ничто не обходится такъ дорого и не доставляетъ столько боли, какъ имѣть что-либо, чѣмъ не владѣешь.

Гевальдигеръ приходилъ все въ большее и большее изумленіе, не столько отъ того, что онъ видѣлъ, сколько отъ того, что слышалъ.

— Неужели уже и полиція становится сентиментальной?—проговорилъ онъ про себя,—что-же будетъ съ полицейскимъ уставомъ и съ денежными штрафами?

— А эти золотые часы, украшенные брилліантами,—продолжалъ фискаль,—ихъ русскій царь пожаловалъ одному шведскому дипломату, подарившему ихъ по возвращеніи домой танцовщицѣ, которая заложила ихъ въ ломбардъ. На аукціонѣ ихъ купилъ часовыхъ дѣлъ мастеръ и продалъ богатой купчихѣ, которая дала ихъ своему сыну передъ его отъѣздомъ въ академію. Тамъ сынъ ея проигралъ ихъ въ карты; выигравшій сбылъ ихъ ювелиру, который вмѣстѣ съ другими драгоценностями продалъ ихъ во дворецъ. Позднѣе король пожаловалъ ихъ одному изъ своихъ совѣтниковъ въ видѣ удовлетворенія за высочайшій пинокъ, которымъ онъ за день до того наградилъ этого самаго совѣтника. Послѣдній въ свою очередь подарилъ ихъ сотруднику газеты, составлявшей сильнѣй-

шую оппозицію правительству, для того, чтобы онъ пощадилъ, по крайней мѣрѣ, его. Газетный сотрудникъ далъ ихъ актрисѣ, оставившей ихъ въ магазинѣ шелковыхъ товаровъ въ видѣ залога за взятые и не уплаченные товары. Владѣлецъ магазина носилъ ихъ ежедневно и показывалъ всему свѣту, послѣдствіемъ чего было то, что въ одинъ темный вечеръ часы были сорваны съ него и самъ онъ убитъ. Такъ они шли или скользили изъ рукъ въ руки, стоили много слезъ и крови, но жизненный путь ихъ еще не конченъ.

— Да, да, — прибавилъ фискаль, — карлики, живущіе и властвующіе въ царствѣ металловъ, постоянно стараются вернуть себѣ сокровища, которыя у нихъ похищаютъ, и они увлекаютъ къ себѣ внизъ не только сокровища, но и тѣхъ, которые возлагаютъ на нихъ эти послѣднія свои надежды и все свое утѣшеніе.

Кончивъ говорить, фискаль заперъ снова дверцы шкапа и направился къ дверямъ, чтобы уйти.

— Вестерлундъ, вы знаете Гете? — спросилъ онъ, оборачиваясь еще разъ.

— Дистиллятора на Лундмакаргатанъ? — спросилъ Вестерлундъ.

— О, нѣтъ, Гете, великаго поэта... Прочтите страданія Вертера, это принесетъ вамъ

большую пользу!—посоветовалъ ему фискаль и вышелъ изъ комнаты.

— Съ городскимъ фискаломъ дѣло не ладно,— замѣтилъ не безъ основанія гевальдигеръ.

Въ эту минуту часы на башнѣ церкви св. Клары пробили двѣнадцать. Гевальдигеръ сосчиталъ удары не безъ нѣкоторой тревоги въ сердцѣ; видимо, ему въ одиночествѣ становилось все болѣе жутко, и онъ снова попытался вдохнуть жизнь въ своихъ товарищей.

— Пусть ихъ спятъ!—послышался снова голосъ за его спиной.

Гевальдигеръ обернулся къ двери и былъ не мало пораженъ, очутившись лицомъ къ лицу ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ самимъ полиціймейстеромъ въ полной формѣ.

— Есть какія-нибудь новости?—спросилъ полиціймейстеръ.

— Никакихъ, — пролепеталъ гевальдигеръ. Ему показалось, что лицо полиціймейстера мрачно и гнѣвно.

— Хорошо! Я сейчасъ изъ другого заколдованнаго дома, гдѣ дѣло не такъ просто,—пояснилъ шефъ полиціи;—меня сегодня подняли со сна, изъ самаго крѣпкаго и сладкаго сна, и велѣли явиться во дворецъ. Вѣдь тамъ не видятъ ничего, кромѣ привидѣній, въ каждомъ углу имъ мерещатся заговоры; ни о чемъ другомъ не го-



ворять во дворцѣ, ни о чемъ другомъ не думаютъ... Ладно-же, будетъ имъ заговоръ, какого во всемъ свѣтѣ не видано. Я самъ устрою заговоръ, я объявлю себя королемъ, и тогда я, клянусь душой, поостерегусь будить сонныхъ полиціймейстеровъ и львовъ. И когда я буду королемъ, Вестерлундъ, я сдѣлаю тебя оберштатгальтеромъ, а такъ какъ ты служилъ въ шведской гвардіи, то я не вижу препятствій, чтобы ты въ то-же самое время былъ и шефомъ ея. Двѣ недурныхъ должности, не правда-ли? Что ты скажешь на это, Вестерлундъ?

Вестерлундъ почувствовалъ, какъ лицо его блѣднѣетъ. Неужели всѣ потеряли разумъ въ эту проклятую ночь?

— А потомъ, — продолжалъ полиціймейстеръ, — мы постараемся женить тебя на графинѣ. Тебѣ нравятся графини, Вестерлундъ.

Въ молодости Вестерлундъ мечталъ и о графиняхъ, и о княжнахъ; но онъ пересталъ мечтать съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ по призыву въ шведскую гвардію и не выплылъ больше наверхъ, хотя и дослужился до чина полицейскаго гевальдигера. Онъ молчалъ и только тарацилъ глаза на своего начальника.

— *Aux armes, citoyens!* — воскликнулъ полиціймейстеръ, обнаживъ шпагу, и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты.

Вестерлундъ нѣсколько минутъ стоялъ, точно пригвожденный. Съ улицы донеслось громкое хорвое пѣніе, и онъ поспѣшилъ къ окну и открылъ его. Онъ увидалъ полиціймейстера во главѣ всего штата полиціи; тутъ были нотаріусы, регистраторы, фискалы, пристава и вся городская стража, частью съ тесаками, частью съ жезлами въ рукахъ. Все это шествіе съ горящими факелами и подъ звуки марсельезы, вызывавшей эхо на углахъ, направлялось къ Дротнинггатанъ.

Наэлектризованный противъ воли, гевальдигеръ устремился къ двери, чтобы какъ можно скорѣе вступить во владѣніе резиденціей оберштатгальтера, но вниманіе его вдругъ привлекла небольшая круглая дыра въ полу, которая все увеличивалась и своей окружностью подошла къ самымъ его ногамъ. Онъ заглянулъ вглубь, и взорамъ его открылось насквозь нѣсколько этажей, въ которыхъ спали люди всѣхъ возрастовъ и состояній. Онъ видѣлъ дѣтей, улыбающихся во снѣ, дѣвушекъ, посылавшихъ во снѣ воздушные поцѣлуи, пожилыхъ людей, безпокойно ворочавшихся и гримасничавшихъ на своихъ изголовьяхъ, видѣлъ любовниковъ подъ шелковыми покрывалами и преступниковъ въ желѣзныхъ цѣпяхъ; и надо всѣми носился богъ съ маковымъ вѣнкомъ въ рукахъ, сѣя здѣсь розы, тамъ шипы, но даря каждому хоть нѣсколько часовъ забвенія Гевальди-

геръ всматривался все глубже и глубже и, въ концѣ концовъ, увидалъ подвальный этажъ необыкновенно большихъ размѣровъ, гдѣ кровати тѣсно примыкали одна къ другой; но лица всѣхъ спящихъ въ нихъ были страшно блѣдны, никто не улыбался, но никто и не ворочался на своемъ изголовьи, все тамъ было молчаливо и неподвижно. Но каждое поблекшее чело было обвито вѣнкомъ изъ свѣжихъ иммортелей.

Вестерлундъ почувствовалъ при видѣ этого, какъ сердце у него останавливается въ груди, онъ потерялъ сознание и упалъ.

Когда сознание къ нему вернулось, и онъ открылъ глаза, онъ увидалъ себя на полу, рядомъ со своими двумя товарищами; солнце свѣтило ему прямо въ глаза. Молча, въ глубокой задумчивости, онъ покинулъ заколдованный домъ и пошелъ отдать свой рапортъ. Рапортъ его, послужившій матеріаломъ для этого разсказа, конечно, удивилъ всѣхъ и не менѣе другихъ городскаго фискаля и полиціймейстера, проспавшихъ ту ночь самымъ спокойнымъ образомъ въ своихъ постеляхъ, первый такъ-же мало мечтавъ во снѣ о страданіяхъ Вертера, какъ второй о разрушеніи трона. Вестерлундъ чуть-было не заплатилъ своимъ мѣстомъ, но отдѣлался серьезнымъ выговоромъ, причемъ ему было строжайшимъ образомъ внушено впредь видѣть сны менѣ

сентиментальные и болѣе закономѣрные. Что касается самого заколдованнаго дома, то ясно, что его худая слава стала распространяться больше прежняго. Всѣ жильцы выѣхали изъ него, съ ростовщикомъ отъ огорченія сдѣлался ударъ, и домъ долгое время стоялъ необитаемый, съ запертыми воротами и заколоченными ставнями.

Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ нужно было отыскать сѣдельника, жившаго въ одномъ изъ домовъ на Брюггаргрендѣ. Я скоро нашелъ этотъ домъ, и сразу узналъ въ немъ тотъ самый заколдованный домъ, передъ которымъ я, будучи школьникомъ, не разъ простаивалъ часами въ обществѣ массы другихъ любопытныхъ, но о которомъ теперь никто больше не говорилъ. Я вошелъ къ сѣдельнику, жившему въ нижнемъ этажѣ, и, поговоривъ съ нимъ о дѣлѣ, спросилъ, кто теперь владѣлецъ этого дома.

— Это типографъ, который живетъ этажемъ выше,—объяснилъ мнѣ сѣдельникъ;—онъ купилъ домъ почти даромъ прошлой осенью у прежняго владѣльца. Тотъ былъ радъ получить хоть что нибудь за домъ, въ которомъ никто не хотѣлъ жить, даже за плату, но за который онъ все-таки долженъ былъ платить налоги и городу, и государству... Да, кто хочетъ купить домъ за безцѣнокъ, пусть вступитъ въ сношенія съ привидѣнiями, а то и самъ сдѣлается привидѣнiемъ..... Я

кое-что смекаю относительно этого дѣла, ужъ что знаю, то знаю.

— Что-же вы знаете?

— А то, что типографъ, который живетъ теперь во второмъ этажѣ, при прежнемъ владѣльцѣ, еще простымъ типографскимъ рабочимъ, жилъ этажемъ выше и видѣлъ тамъ вещи, которыхъ никто другой не видалъ, но которымъ тѣмъ не менѣе всѣ вѣрили.

— Ага, вы думаете, что теперешній хозяинъ былъ однимъ изъ привидѣній, которыя тамъ хозяйничали. Но вѣдь онъ-же не располагалъ всѣми комнатами въ домѣ... Я очень хорошо помню, что какъ разъ въ этой комнатѣ, гдѣ помещается ваша мастерская, дѣло обстояло не лучше, чѣмъ въ остальныхъ.


— Совершенно вѣрно. Но когда привидѣнiе переѣзжаетъ во второй этажъ, то ему нечего больше дѣлать въ первомъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Дѣло въ томъ, что дама изъ оперы, которая жила здѣсь и тоже рассказывала цѣлую кучу всякой чертовщины, которой всѣ вѣрили, теперь замужемъ за этимъ типографомъ. Теперь они живутъ подъ одной кровлей послѣ того, какъ навѣрное долгое время варили въ одномъ горшкѣ. Будь я на мѣстѣ прежняго владѣльца, я думаю, я-бы повѣсилъ съ досады, хотя я вырѣ-

зывают ремни только изъ лошадиной кожи, а не изъ человѣчьей, какъ онъ.

Въ мастерскую вошли посторонніе и прервали нашъ разговоръ; я ушелъ. Весьма вѣроятно, что предположенія сѣдельника имѣли основанія и что молодая пара, дѣйствительно, сумѣла самымъ удивительнымъ образомъ приобрести за безцѣнокъ трехъэтажный каменный домъ. Искусство книгопечатанія и театральное искусство натворили, каждое само по себѣ, столько бѣдъ въ этомъ мѣрѣ, что трудно, пожалуй, сомнѣваться въ ихъ чудодѣйственной силѣ, особенно, когда они соединятся. Ничто не заражается такъ легко, какъ воображеніе, и достаточно только одному начать увѣрять, что онъ видѣлъ что-либо сверхъестественное, чтобы сейчасъ-же нашлось еще нѣсколько человѣкъ, которымъ будетъ казаться, что они видѣли то-же самое или нѣчто подобное. Гевальдигеръ Вестерлундъ, съ которымъ я не разъ говорилъ объ этомъ, продолжаетъ твердо вѣрить, что онъ въ ту ночь не спалъ и былъ совершенно трезвъ, хотя въ возможность стать оберштатгалътеромъ онъ больше не вѣритъ.



ГУСТАВЪ АФЪ ГЕИЕРСТАМЪ.

I. Любовь.

II. Тайна лѣса.

III. Маргитъ.

Пер. А. Острогорской.





## Густавъ афъ Гейерстамъ.

(1858 г.—1909 г.).

Густавъ афъ Гейерстамъ дебютировалъ какъ писатель въ 1882 г. сборникомъ новелль *Grakalt*. Первое десятилѣтiе его литературной дѣятельности по разнообразiю и богатству можетъ считаться чрезвычайно плодотворнымъ. За этотъ періодъ времени онъ выпускаетъ въ свѣтъ цѣлый рядъ новелль (сборники *Grakalt* и *Strömoln*), рассказы (сборники *Fattigt folk* и *Kronofogdens berättelser*), романы (*Erik Grane*, *Pastor Hallin*), литературные очерки и эскизы, стихи. Въ то-же время онъ выступаетъ и какъ журналистъ, посвящая свои статьи по преимуществу литературнымъ и социальнымъ вопросамъ, и печатаетъ нѣсколько брошюръ по рабочему вопросу—результаты его изученiя условiй жизни рабочаго класса.

Время, когда Гейерстамъ началъ свою писательскую карьеру, было временемъ всеобщаго недовольства; всѣ стороны жизни требуютъ обновленiя, всюду происходитъ борьба между старымъ и новымъ, со всѣхъ сторонъ раздается протестъ противъ обволакивающей всю жизнь лжи, противъ фальши и нетерпимости въ человѣческихъ отношенiяхъ, противъ условности, подавляющей человѣческую личность и индивидуальную свободу. Все надо перестроить, найти новые источники жизни. Это чувствуется всѣми, но

рядомъ съ глубокимъ пессимизмомъ по отношенію къ настоящему пробивается наружу въ молодомъ поколѣніи и жажда борьбы и оптимизмъ по отношенію къ будущему. Обновленія жизни, новаго свѣтлаго будущаго ищутъ прежде всего въ возвращеніи къ природѣ. Такимъ пессимизмомъ въ оцѣнкѣ настоящаго и оптимизмомъ по отношенію къ будущему проникнуты и всѣ первыя произведенія Гейерстама, въ которыхъ онъ воспроизводитъ крестьянскій бытъ. Въ темныхъ, неизвѣданныхъ глубинахъ народной души онъ ищетъ тѣхъ живыхъ источниковъ, которые могутъ обновить жизнь и направить ее по новому руслу. Въ крестьянскомъ быту онъ видитъ непочатый уголь нетронутыхъ, еще не отравленныхъ культурой силъ, могучихъ въ проявленіяхъ какъ добра, такъ и зла.

Съ 1895 г., съ появленіемъ романа *Medusa hufvid*, мы видимъ передъ собою новаго Гейерстама. Реалистъ, которому жизнь раньше рисовалась какъ безконечная цѣпь явленій, связанныхъ между собою законами причинности, теперь превращается въ мистика; существованіе представляется ему полнымъ таинственностію и неразрѣшимыхъ загадокъ; человѣкъ—безвольный мячъ въ рукахъ невѣдомыхъ, несознанныхъ силъ, таящихся въ глубинѣ его существа и прорывающихся наружу самымъ неожиданнымъ образомъ; всюду взаимное непониманіе и незнаніе чужой души; люди, живущіе рядомъ, связанные самыми тѣсными узами, не понимаютъ и не знаютъ другъ друга, ихъ вѣчно раздѣляетъ глухая стѣна; человѣкъ осужденъ на полное внутреннее одиночество. Что-же это за таинственныя силы, которыя ведутъ насъ невѣдомо куда, заводя въ такіе тупики, откуда нѣтъ выхода? Почему между близкими друзьями, между любящими, всегда относившимися другъ къ другу съ неослабѣвающимъ интересомъ, внезапно открывается глубокая, непроходимая про-

часть, раздѣляющая ихъ на всю жизнь? Какимъ образомъ мы въ одинъ прекрасный день неожиданно открываемъ въ себѣ совершенно новый, невѣдомый намъ до тѣхъ поръ мiръ чувствъ и ощущенiй, дѣлающій насъ богаче или бѣднѣе, чѣмъ мы были до того? Гейерстамъ ставить вопросы, но отвѣта на нихъ не даетъ, онъ только все больше и больше развѣртываетъ передъ нами ту трагическую нить, которая неизбѣжно, вопреки всему, ведетъ человѣка къ одиночеству и гибели, подчасъ къ преступленiю. Больше всего его занимаетъ эта вѣчная загадка въ самыхъ близкихъ и интимныхъ человѣческихъ отношенiяхъ, и семьѣ и браку посвященъ цѣлый рядъ его романовъ (*Kamrep om kärlek, Äktenskapets komedi, Kvin-pom akt, Den ewiga gatan* и др.). Мистицизмъ все больше и больше проникаетъ его произведенiя (*Boken om lillebror*) и вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе встаетъ передъ нимъ выводъ, къ которому приводитъ его жизненный опытъ: трагизмъ жизни одиночества, на которое осужденъ человѣкъ.

Въ позднѣйшихъ своихъ произведенiяхъ онъ обращается опять къ социальнымъ проблемамъ, главнымъ образомъ къ рабочему вопросу, но такъ сильно занимавшая его душевная драма въ семейныхъ отношенiяхъ часто отодвигаетъ въ его романахъ социальную сторону на заднiй планъ.

Многiя изъ его произведенiй послѣднихъ лѣтъ посвящены опять той области, въ которой онъ создалъ лучшiя изъ своихъ вещей—крестьянскому и отчасти рабочему быту. Таковы *Vilse i lifvet, Nils Tufvesson och hans moder, Skogen och sjön*—откуда взяты два изъ приведенныхъ въ настоящемъ сборникѣ рассказовъ: *Любовь и Тайна лѣса*—и др.



## І. Л ю б о в ь.

Это была мало плодородная сторона. Главнымъ образомъ здѣсь росъ лѣсъ, да и лѣсъ-то былъ не изъ лучшихъ; для этого почва была слишкомъ камениста. Тѣмъ, кто владѣлъ землей въ Фурумонѣ, тяжело приходилось работать, чтобы пропитать семью, да еще сохранить сѣмена для новаго посѣва.

Черезъ Фурумонъ протекала бурная, быстрая рѣченка. Въ нижнемъ теченіи она образовала настоящую рѣку, изобиловавшую лососью. Хуторяне, селившіеся тамъ по берегамъ ея, имѣли порядочные доходы, какъ отъ хозяйства, такъ и отъ рыбной ловли. Рѣка была тамъ шире, мѣстность кругомъ богаче лугами и буковымъ лѣсомъ, почва была свободна отъ камней и давала богатую жатву. Но выше, въ Фурумонѣ, рѣчка была узка и мелка, сквозь бурливую, темную поверхность воды просвѣчивало каменистое дно, поля кругомъ были усѣяны камнями, хлѣба росли рѣдко и давали скудную жатву. Гдѣ кончались

поля, густымъ кустарникомъ начинался лѣсъ и тянулся вправо и влѣво отъ рѣчки на много миль вдаль, покрывая склоны и вершины холмовъ и горъ.

Тамъ, гдѣ лѣсъ смыкался тѣснѣе вокругъ полей, лежали два старыхъ крестьянскихъ двора, на разстояніи всего лишь нѣсколькихъ минутъ ходьбы одинъ отъ другого. Они были расположены по обѣ стороны рѣчки, тамъ, гдѣ она суживалась, и на самомъ узкомъ мѣстѣ черезъ нее былъ переброшенъ мостикъ, который содержали оба хозяина сообща. Фурумонъ лежалъ совершенно въ сторонѣ, какъ отъ всего прихода Сундбо, такъ и отъ селенія, сгруппившагося вокругъ церкви; и если темной зимней ночью выйти полями на ведущую къ нему дорогу, то на фонѣ бѣлаго снѣга выдѣлится рѣчка, словно темная лента, а по обѣ стороны ея сверкнутъ привѣтливые огоньки дворовъ-близнецовъ, позади которыхъ, подъ холодно - мерцающимъ звѣзднымъ небомъ, темной тѣнью обрисовывается линія лѣса.

Существовало преданіе, что оба эти двора были построены двумя братьями, первыми поселенцами въ Фурумонъ; потомки этихъ братьевъ и владѣли до сихъ поръ еще землею и дворами съ ихъ службами, цѣлымъ рядомъ овиновъ и хлѣвовъ. Тѣ, которые умѣли улавливать сходство, утверждали, что до сихъ поръ еще на всѣхъ, кто

рождается на этой землѣ, видать, что они происходятъ отъ одного рода. Но много столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ жили оба брата, о которыхъ рассказываетъ преданіе, а записи, наполнявшія первыя страницы старыхъ фамильныхъ библій, давали лишь скудныя и неполныя свѣдѣнія.

Поэтому никто точно не зналъ, до какой степени объ семьѣ, дѣйствительно, находились въ родствѣ, а въ теченіе послѣдняго столѣтія мужчины всегда брали себѣ женъ изъ отдаленныхъ дворовъ по ту сторону лѣса или съ юга.

Преданіе рассказываетъ дальше, что оба родоначальника первоначально жили чрезвычайно дружно, такъ дружно, что никто не могъ вспомнить, чтобы видѣлъ когда-либо двухъ братьевъ, любившихъ другъ друга сильнѣе. Одинъ изъ этихъ братьевъ былъ женатъ, другой холостъ. Когда женатый братъ отправился на сѣверъ, чтобы на новой землѣ основаться хозяйствомъ, холостой послѣдовалъ за нимъ, потому что не могъ жить безъ брата, и покуда онъ былъ холостъ, ничто не нарушало дружбы между братьями. Потому что жена брата была добрая и кроткая женщина, которая не могла жить иначе, какъ въ мирѣ. Но холостому, въ концѣ концовъ, надоѣло жить одному, и онъ тоже женился, и тутъ-то дружбѣ братьевъ, до сихъ поръ неразлучныхъ, пришелъ

конецъ. Молодая хозяйка съяла раздоры и неприязнь вокругъ себя, и между братьями возникла такая вражда, которую ни жизнь, ни смерть не могли побѣдить. Вражда эта перешла во второе и третье поколѣніе, и когда она, наконецъ, кончилась, никто больше не зналъ, съ чего она началась.

Судьба людей, жившихъ въ старыхъ Фурумонскихъ дворахъ, подъ горой у рѣки, была не совсѣмъ обыкновенная. Объ этомъ долго ходило преданіе въ той сторонѣ. Согласно этому преданію всякому, живущему здѣсь, суждено быть очень несчастнымъ въ любви или же очень счастливымъ. Впрочемъ, самое преданіе это теперь было почти забыто. Ибо счастье и несчастье чередуются въ жизни, и никто, въ сущности, не знаетъ хорошенько про другого, чего въ его жизни больше.

Тотъ, кто въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія жилъ въ нижнемъ дворѣ на лѣвомъ берегу рѣки, тоже объ этомъ не думалъ, а когда въ дѣтствѣ ему приходилось слышать объ этомъ преданіи, оно было уже такъ старо, что никто по настоящему въ него и не вѣрилъ. Крестьянинъ, жившій въ Фурумонѣ къ югу отъ рѣчки, или въ южномъ Фурумонѣ, какъ дворъ назывался по всей окрестности, былъ въ то время, когда начинается этотъ рассказъ, еще молодъ, едва тридцати лѣтъ; и все же въ одно воскресное утро, въ страдную



пору, онъ сидѣлъ печальный и размышлялъ о томъ, какъ тихо стало теперь въ его домѣ. Въ прошлое воскресенье онъ похоронилъ свою молодую жену, и въ открытую дверь избы до него доносились въ эту минуту голоса женщинъ, старавшихся успокоить плачущаго младенца. Жена его умерла отъ родовъ, и Андерсъ Юганъ, молодой и одинокій, сидѣлъ теперь и думалъ о томъ, какъ ему устроить свой домъ.

„Мужику нужна жена“, — говорилъ Андерсъ Юганъ, когда искалъ себѣ жену. „Иначе домъ его пропадетъ, а самъ онъ будетъ бѣгать за бабами“. То-же самое онъ повторилъ, когда нашелъ себѣ жену и получилъ ея согласіе. Она поселилась въ его домѣ и родила ему двухъ дѣтей. Но затѣмъ она ушла, оставивъ его еще болѣе одинокимъ, чѣмъ онъ былъ раньше.

Андерсъ Юганъ долго сидѣлъ на порогѣ сѣней, прислушиваясь къ крику ребенка и глядя вдаль, въ засѣянное клеверомъ поле, испускавшее подъ лучами солнца сильный ароматъ. Работа по случаю праздника стояла; мягкій, лѣтній вѣтерокъ подувалъ надъ полями. Ребенокъ въ избѣ, наконецъ, заснулъ, и Андерсу Югану ничего больше не было слышно, кромѣ журчанья рѣчки подъ горой за лугами.

Долго онъ сидѣлъ, погруженный въ размышленія; поднявшись, наконецъ, съ порога, онъ ве-

лѣлъ батрачкѣ достать ему праздничное платье. Дѣвушка исполнила приказаніе съ той, полной молчаливаго участія, готовностью, съ какой слуги прислуживаютъ своему потерявшему кого-либо изъ близкихъ хозяину.

Андерсъ Іоганъ былъ небольшого роста, но это, въ сущности, никому не приходило въ голову, глядя на него. Молодой крестьянинъ былъ крѣпкаго сложенія и имѣлъ правильныя черты лица. У него были русые волосы и нѣсколько болѣе свѣтлая борода. Когда онъ улыбался, въ глазахъ его появлялся какой-то теплый блескъ, и женщина, разъ замѣтившая его, испытывала желаніе, встрѣчаясь со взглядомъ его голубыхъ глазъ, видѣть этотъ блескъ чаще. Она чувствовала какъ бы потребность вызывать его. Но теперь, шагая по дорогѣ въ своемъ праздничномъ платьѣ, Андерсъ Іоганъ былъ грустенъ; онъ думалъ о томъ, какъ тяжело остаться одинокимъ съ дѣтьми и быть вынужденнымъ заботиться о нихъ.

Андерсъ Іоганъ направился въ сѣверный Фуруммонъ, къ сосѣду, жившему по другую сторону рѣчки; но, переходя черезъ мостикъ, онъ остановился и долго стоялъ, перегнувшись черезъ перила и глядя внизъ, въ воду.

„Никогда больше я не женюсь“, думалъ онъ. „Бурна и черна вода въ этой рѣчкѣ и такъ-же

бурна и черна вся жизнь. Какъ эта вода, она сплошь протекаетъ камнями, и дно всюду такъ близко, что его можно видѣть глазами“.

Онъ вспомнилъ о своей женѣ, и у него появилось желаніе пойти на ея могилу, гдѣ онъ не былъ съ самыхъ похоронъ и куда, онъ зналъ, ему не попасть раньше слѣдующаго воскресенья. При этой мысли воспоминаніе о ребенкѣ словно ножомъ пронизало его сердце, и молодой чело-вѣкъ вздохнулъ. На лбу его выступилъ потъ, и онъ снялъ шапку. Онъ, повидимому, забылъ, съ какой цѣлью вышелъ изъ дому. Ему представлялось несчастьемъ, что какъ разъ съ наступающей недѣлей начиналась жатва. Ему хотѣлось бы имѣть возможность бродить, не работая, думать о смерти и о Богѣ и, уйдя въ свое горе, забыть о внѣшнемъ мірѣ.

Стоя на мосту, наклонившись надъ водой, онъ вдругъ услышалъ, какъ кто-то поздоровался съ нимъ. Онъ отвѣтилъ на привѣтствіе и, поднявъ голову, увидаль передъ собой гибкую фигурку дѣвушки, одѣтой въ домотканное платье изъ бумажной матеріи и съ платкомъ на головѣ. Дѣвушка, казалось, едва вышла изъ дѣтскаго возраста, и тѣло у нея было хрупкое и тонкое. Стоя передъ Андерсомъ Іоганомъ и глядя вверхъ, въ его лицо, она слегка приподымалась на цыпочкахъ. Ей былъ знакомъ теплый блескъ

въ его глазахъ, и ей было больно видѣть его теперь такимъ холоднымъ, грустнымъ и замкнувшимся въ себѣ. Устремленный на лицо Андерса Йогана взглядъ исходилъ изъ пары темныхъ синихъ глазъ, и маленькій, пытавшійся улыбнуться ротъ дѣвушки сложился въ такую серьезную улыбку, придававшую не по лѣтамъ разсудительное выраженіе ея тонкому, блѣдному лицу, съ то приливавшей, то отливавшей отъ него кровью, что Андерсъ Йоганъ не могъ не обратить на него вниманія.

„Какъ она красива!“ подумалъ невольно Андерсъ Йоганъ, и лицо его просвѣтлѣло. Онъ не могъ отвести глазъ отъ лица дѣвушки. Въ первый разъ онъ замѣтилъ, какъ красиво ея мягкіе волнистые волосы ложились вокругъ чистаго лба.

— Магнусъ дома?—спросилъ Андерсъ Йоганъ только для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Отецъ и мать пошли въ церковь,—отвѣтила дѣвушка.—Ты хотѣлъ итти къ намъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ. — Я хотѣлъ съ ними посоветоваться кой о чемъ.

Дѣвушка повернула, и Андерсъ Йоганъ молча послѣдовалъ за нею. Странное спокойствіе снизошло на него; словно онъ вышелъ, чтобы искать помощи, и помощь вдругъ сама явилась къ нему, не дожидаясь его зова. Ему смутно вспомнилось, что онъ читалъ однажды въ библіи о

человѣкъ, который отправился на поиски чего-то самаго обыкновеннаго, а нашель королевство. Андерсъ Іоганъ старался вспомнить эту притчу и въ то-же время размышляль о томъ, почему она какъ разъ теперъ пришла ему на память. Въ концѣ концовъ всѣ мысли исчезли сами собой, уступивъ мѣсто странной увѣренности, что все теперъ снова пойдетъ хорошо. Онъ даже не удивлялся этому ощущенію, удивлялся только тому, что онъ теперъ увидалъ дѣвушку передъ собою словно въ первый разъ.

„Это, должно быть, потому, что я не видалъ ея съ тѣхъ поръ, какъ она была ребенкомъ“, подумалъ онъ. „Я не зналъ, что она такъ выросла“.

Вслухъ же онъ проговориль:

— Куда ты шла, когда я встрѣтилъ тебя?

Дѣвушка отвѣтила:

— Я хотѣла только пойти взглянуть на ребенка, который остался одинъ.

Даже это показалось Андерсу Іогану настолько естественнымъ, что онъ не спрашивалъ дальше. Они вышли ко двору стараго Магнуса, и Андерсъ Іоганъ продолжалъ итти за дѣвушкой, покорно слѣдуя за ней навстрѣчу чему-то, приближеніе чего онъ ясно чувствовалъ въ душѣ и что заключало въ себѣ что-то хорошее. Но, вступивъ во дворъ сосѣда, онъ вспомнилъ, что

уже раньше зналъ объ этомъ кое-что. Слуги рассказывали ему, что Эльза всю эту недѣлю приходила къ нему въ домъ каждый день, играла съ мальчикомъ, которому было три года, и слѣдила за тѣмъ, чтобы новорожденный младенецъ—это была дѣвочка—получалъ во время ѣсть.

Андерсъ Иоганъ и дѣвушка сѣли въ избѣ, и Эльза сказала:

— Отецъ и мать скоро вернутся. Они не долго будутъ въ церкви.

Андерсъ Иоганъ сидѣлъ и думалъ о томъ, что ему слѣдовало бы поблагодарить Эльзу за то, что она была такъ внимательна къ его дѣтямъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ жена умерла, онъ почти не говорилъ. Онъ былъ поглощенъ своей работой и своимъ горемъ, и люди, встрѣчавшіе его, не хотѣли ему мѣшать. Но потребность поговорить съ кѣмъ-нибудь о себѣ самомъ и обо всемъ томъ важномъ, что съ нимъ произошло, взяла верхъ, и онъ сказалъ:

— Тяжело остаться вдругъ одинокимъ, когда никогда раньше объ этомъ не думалъ.

На одно мгновеніе онъ поднялъ голову и встрѣтилъ взглядъ большихъ, изумленныхъ глазъ; ему показалось, будто въ нихъ блеснули слезы, но онъ не рѣшился посмотрѣть еще разъ и отвернулъ взглядъ.

И Андерсъ Иоганъ рассказалъ все, какъ это

случилось, что жена умерла, что она говорила и какъ она до послѣдней минуты думала о немъ и дѣтяхъ. Но удивительнѣе всего было все таки то, что онъ не чувствовалъ тогда горя. Смерть пришла и на глазахъ у него унесла жену, и это представлялось ему чѣмъ-то такимъ удивительнымъ и великимъ, что заставляло забывать боль и только наполняло его душу благоговѣніемъ. Онъ рассказывалъ обо всемъ этомъ и все больше удивлялся тому, что вначалѣ не чувствовалъ печали по женѣ и только думалъ о величїи смерти.

— Когда она кончилась,—сказалъ онъ,—стало такъ тихо, что я подумалъ, не остановилась ли рѣка. Андерсъ Эрикъ спалъ, и никого, кромѣ меня, не было въ горницѣ. Тогда я накрылъ ей лицо и сталъ молиться Богу.

Андерсъ Іоганъ задрожалъ при этомъ воспоминанїи; оно было еще такъ свѣжо, что онъ почувствовалъ боль. Но ему доставляло облегченіе, что онъ можетъ говорить, и ни на одну минуту ему не приходило въ голову, что его слушательница была дитя.

— Потомъ пришла печаль,—продолжалъ онъ,—и мнѣ кажется, что она состарила меня прежде времени. Я, конечно, никогда больше не женюсь. Но мнѣ нуженъ кто-нибудь, кто бы помогалъ мнѣ. Дворъ перейдетъ послѣ меня къ мальчику, но безъ помощи я не могу его содержать такъ,

чтобы потомъ передать его съ честью въ другія руки.

Дѣвушка, слушавшая слова Андерса Югана, не улыбнулась, когда онъ назвалъ себя старымъ. Для этого она сама была слишкомъ молода. Точно такъ-же ей и въ голову не приходило, чтобы Андерсъ Юганъ когда-нибудь могъ думать иначе, чѣмъ теперь. Всю жизнь онъ будетъ работать для своихъ дѣтей, а когда придетъ старость, онъ умретъ, никогда не имѣвъ иныхъ мыслей, чѣмъ теперь. Именно потому, что она такъ думала, она, сама того не зная, доставляла Андерсу Югану облегченіе. Онъ могъ говорить, сколько ему хотѣлось, а горе подчасъ именно въ этомъ и нуждается. Эльза не прерывала и не мѣшала ему. Въ первый разъ передъ нею открылось настоящее горе, и она была полна благодарности и изумленія, словно передъ какимъ-то большимъ и неожиданнымъ даромъ. Все время она сидѣла и думала, что именно такую она рисовала себѣ жизнь въ своихъ мечтахъ, и такова она и есть.

Такъ они сидѣли, пока не вернулся домой изъ церкви Магнусъ, а съ нимъ и жена его Брита. Оба они были стары; они жили въ большой дружбѣ съ родителями Андерса Югана, которые лежали давно на кладбищѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ теперь была похоронена его жена. Они ра-



душно приняли гостя, и Андерсъ Іоганъ просидѣлъ у нихъ до вечера.

Послѣ обѣда онъ остался одинъ со стариками, Эльза ушла, чтобы провѣдать ребенка и домъ, хозяйка котораго умерла. Когда же Андерсъ Іоганъ вечеромъ возвращался домой, на душѣ у него было свѣтло. Ибо старики дали свое согласіе на то, чтобы Эльза переѣхала къ нему и стала бы ему помогать. Сама Эльза пожелала этого.

— Береги ее, — сказалъ Магнусъ на прощаніе, — она мое любимое дитя.

И Андерсъ Іоганъ общалъ.

## II.

Новое время настало для Андерса Іогана, и онъ часто удивлялся, какъ спокойно и безшумно текла его жизнь. Она шла неслышно, но куда бы онъ ни оглянулся, онъ видѣлъ, какъ всюду работа кипѣла и какъ все процвѣтало. Мечтамъ онъ больше не предавался, и горе свое онъ несъ тихо и спокойно.

Все это, думалъ Андерсъ Іоганъ, оттого, что Эльза здѣсь, и ему достаточно было только взглянуть на нее для того, чтобы на душѣ у него стало легко и радостно. Всякій разъ, что она проходила мимо него, онъ провожалъ ее глазами и любо-

вался ея легкой походкой, самъ того не замѣчая. Онъ видѣлъ, какъ она двигалась по кухнѣ, готовя для него обѣдъ, и ему было пріятно наблюдать, какъ работа спорилась у нея въ рукахъ. Съ обнаженной головой и разгорѣвшимися щеками она переходила изъ погреба въ кухню и изъ кухни въ хлѣвъ. Все, что ни попадалось ей на глаза, она чистила и приводила въ порядокъ, обо всемъ заботилась и слѣдила, чтобы все было на своемъ мѣстѣ. Она вставала съ солнцемъ и ложилась спать послѣ его захода, и ея хозяйскій глазъ чувствовался на всемъ какъ въ домѣ, такъ и на скотномъ дворѣ. Дѣти были словно воскъ въ ея рукахъ, а слуги дѣлали свое дѣло безъ ропота и неудовольствія. Скотъ росъ и размножался, въ саду плодовые деревья давали плоды въ изобиліи, а въ избѣ все имѣло чистый и нарядный видъ, словно въ господскомъ домѣ.

Андерсъ Іоганъ самъ всю жизнь свою работалъ, и ему было пріятно видѣть, что и Эльза дѣлаетъ то-же самое; онъ привязался къ ней и сталъ ее цѣнить, потому что чувствовалъ, что въ ней имѣетъ помощь. Теперь, когда онъ думалъ о своей умершей женѣ, ему казалось, что все устроилось такъ, какъ она бы этого желала.

Андерсъ Іоганъ не привыкъ много говорить. Ибо въ лѣсу, гдѣ онъ жилъ, это не было принято. Насколько онъ могъ уйти памятью назадъ,

онъ никогда не слыжалъ, чтобы отецъ его и мать говорили о чемъ-либо, кромѣ того, что было нужно сказать и что имѣло отношеніе къ повседневной жизни. Вначалѣ онъ и по отношенію къ Эльзѣ не измѣнялъ этой привычкѣ. Но онъ вспомнилъ, что однажды сдѣлалъ это, это было вскорѣ послѣ смерти жены; и въ глубинѣ души онъ чувствовалъ, что если-бы его что-либо угнетало, онъ всегда могъ бы поговорить съ Эльзой, какъ могъ это сдѣлать тогда. Это сознаніе никогда его не покидало и давало ему спокойствіе; понемногу оно разогнало его печаль и заставило забыть о ней.

Такъ прошло нѣкоторое время, и Андерсу Югану не приходило въ голову, что что-либо можетъ измѣниться въ его жизни. Зима давнымъ давно настала, прошло и Рождество. Снѣгъ толстымъ слоемъ покрывалъ поля и канавы, въ лѣсу всѣ дороги замело, съ крышъ свисали ледяныя сосульки, а во дворѣ дорожки между главной избой и службами имѣли видъ вытоптаныхъ желобовъ. Въ избѣ трещалъ челнокъ въ кроснахъ, а въ сараѣ были въ полномъ ходу столярныя работы. Орудія, телѣги, - все, что портилось и приходило въ разрушеніе въ теченіе лѣта, теперь чинилось и приводилось въ порядокъ.

Андерсъ Юганъ медленно перешелъ черезъ дворъ. Онъ вошелъ въ избу, гдѣ Эльза сидѣла за ткацкимъ станкомъ, отыскалъ топоръ, который

ему былъ нуженъ, и снова вернулся къ своей работѣ. Въ первый разъ ему пришло въ голову, какъ ему, въ сущности, хорошо теперь живется, и тревога, которой онъ не могъ себѣ объяснить, закралась вдругъ въ его душу. Почему онъ раньше никогда объ этомъ не думалъ? Почему эта мысль пришла ему въ голову какъ разъ теперь, хотя вѣдь ровно ничего не произошло? Словно иглой пронизало его сознание, что такъ не можетъ оставаться всегда. Рано или поздно Эльза выйдетъ замужъ, она какъ всѣ другія. Она молода и красива, и хотя у ней много братьевъ и сестеръ, среди молодыхъ людей, навѣрное, найдется не мало охотниковъ стать зятемъ Магнуса изъ сѣвернаго Фурумона.

Такія мысли, которыя никогда раньше не приходили Андерсу Югану на умъ, кружились у него въ головѣ въ то время, какъ онъ продолжалъ свою работу. Онъ обтесывалъ новое дышло для телѣги и работалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, но не могъ избавиться отъ одной назойливой мысли. „Вѣдь когда-нибудь должна же будетъ Эльза выйти замужъ, и тогда я снова останусь одинъ“. „Ну, поживемъ—увидимъ“, подумалъ онъ затѣмъ. „Нашелъ я помощь разъ, когда туго пришлось, найду и другой разъ“. Но вслѣдъ за тѣмъ сомнѣніе опять поднялось въ душѣ его, и ка-

кой-то голосъ шепталъ: „Такія чудеса не повторяются два раза“.

Стало смеркаться, и Андерсъ Юганъ засвѣтилъ висѣвшій подъ крышей сарая фонарь. Лучи свѣта побѣжали во всѣ стороны и разсѣяли мракъ, казавшійся еще гуще рядомъ съ широкой снѣжной пеленой за стѣнами сарая. Андерсъ Юганъ попрежнему энергично работаль, стараясь прогнать мысли. Но онѣ не оставляли его въ покоѣ, и работа не доставляла ему, противъ обыкновенія, удовольствія. Изъ темныхъ угловъ длиннаго сарая ему слышались голоса, которые шептали: Она не останется! она не останется!

Андерсъ Юганъ хорошо зналъ, что у каждаго человѣка бываютъ минуты, когда имъ овладѣваетъ странное настроеніе. Но онъ зналъ также, что въ такія минуты не слѣдуетъ падать духомъ, а надо искать помощи и облегченія въ томъ, въ чемъ можно ихъ найти. Поэтому онъ работаль въ этотъ вечеръ дольше обыкновеннаго, чувствуя, что самое напряженіе дѣйствуетъ на него хорошо, и къ ужину пришелъ съ усталостью во всѣхъ членахъ. Онъ долго сидѣлъ за столомъ, продолжалъ сидѣть и тогда, когда батракъ и обѣ дѣвушки вышли, чтобы покончить съ послѣдними вечерними работами. Дѣти спали въ сосѣдней комнатѣ. Онъ былъ одинъ съ Эльзой. Тутъ Андерсъ Юганъ вспомнилъ, что онъ

ни разу еще не поблагодарилъ ее за все, что она для него дѣлала; съ минутоу онъ сидѣлъ, ища словъ, которыми могъ бы выразить свою благодарность. Но онъ не находилъ словъ, которыя казались бы ему подходящими. Поэтому онъ только замѣтилъ:

— Тебѣ, пожалуй, станетъ слишкомъ скучно и одиноко здѣсь въ концѣ концовъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Эльза, устремивъ на него свой ясный взглядъ.—Я никогда не чувствую себя одинокой. Я довольна.

Въ первую минуту Андерсу Югану показалось, что ему нечего спрашивать дальше. Такъ легко у него стало на душѣ. Но, чтобы окончательно успокоиться, онъ рѣшилъ сдѣлать еще попытку.

— Скоро, можетъ быть, явится кто-нибудь, кто захочетъ на тебѣ жениться, — проговорилъ онъ, пытаясь улыбнуться.

Эльза взглянула на него, и серьезное, испытующее выраженіе появилось на лицѣ ея.

— Тебѣ кто-нибудь говорилъ объ этомъ? — спросила она.

— Мнѣ? Нѣтъ. Кто бы мнѣ могъ сказать?

Эльза отвернулась отъ него и продолжала убирать посуду. Затѣмъ она проговорила тихимъ голосомъ:

— Отецъ былъ здѣсь сегодня и сказалъ, что

изъ сосѣдняго села приходилъ одинъ свататься ко мнѣ.

Сидѣвшій у стола крестьянинъ вскочилъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, а произнесенныя Эльзой слова отдавались у него въ ушахъ, словно погребальный звонъ. „Такъ вотъ почему мнѣ какъ разъ сегодня пришло это въ голову“, подумалъ онъ. И, не думая о томъ, что онъ говорить, онъ рѣзко спросилъ:

— Кто это?

Въ голосѣ его слышалась угроза.

— Не все-ли тебѣ равно, разъ я не пойду за него,—отвѣтила Эльза, глядя на него съ удивленіемъ.

Андерсъ Іоганъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Возможность сохранить Эльзу казалась ему невѣроятнымъ счастьемъ.

— Развѣ ты не хочешь выходить замужъ?—спросилъ онъ. Онъ снова попробовалъ улыбнуться, но ему это не удалось.

Андерсу Іогану пришлось долго ждать отвѣта. Поднявъ глаза на Эльзу, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что лицо ея сильно поблѣднѣло. У нея былъ испуганный видъ, и Андерсъ Іоганъ подумалъ, какъ подумалъ бы всякій при видѣ ея, что за этой блѣдностью скрывается любовь къ кому-нибудь, чьей женой она не можетъ стать.

Но Эльза скоро овладѣла собой и улыбнулась ему, какъ всегда.

— Для родителей это забота,—сказала она,— что я не хочу выходить замужъ. Но я никогда не чувствовала охоты къ этому. И если ты согласенъ оставить меня у себя, то я останусь здѣсь. Потому что здѣсь я нужна, и здѣсь мнѣ хорошо.

Андерсу Югану некогда было долго раздумывать надъ этимъ разговоромъ. Что Эльза думаетъ въ глубинѣ души, этого онъ не зналъ и видѣлъ только, что спрашивать объ этомъ бесполезно. Да его это и не заботило. Послѣ нѣсколькихъ часовъ тревоги и безпокойства имъ теперь овладѣла спокойная увѣренность, что все будетъ, какъ было, и что ему нечего опасаться, что онъ останется одинокимъ. Сказавъ Эльзѣ спокойной ночи, онъ ушелъ къ себѣ.

Эльза же долго лежала безъ сна, прислушиваясь къ ровному дыханію спящихъ дѣтей. Съ ними она всегда чувствовала себя счастливой и довольной, и съ удивленіемъ она спрашивала себя, почему люди не оставляютъ ее въ покоѣ и не могутъ удержаться, чтобы не пытаться нарушить ея счастье.

### III.

Такъ пришла къ концу первая зима. Солнце растопило снѣгъ, земля оттаяла, по всѣмъ рвамъ



и канавамъ неслись потоки воды, и рѣчка шумѣла въ весеннемъ разливѣ.

Сильный и бодрый, какъ всегда, Андерсъ Юганъ шелъ за плугомъ, прокладывая борозду за бороздой въ землѣ своихъ отцовъ. Никогда онъ не чувствовалъ такой радости, какъ съ наступленіемъ весны, когда начиналась работа въ полѣ. Тогда онъ думалъ о всѣхъ тѣхъ, которые шли здѣсь за плугомъ до него, создавая и накапливая своимъ трудомъ все то добро, что теперь принадлежало ему. Тогда онъ съ наслажденіемъ напрягалъ свои крѣпкіе, сильные мускулы и съ энергіей вступалъ въ борьбу съ каменистой почвой; цѣлые возы камней онъ вываливалъ на края канавъ, откуда они потомъ увозились и складывались въ холмики, торчавшіе всюду на поляхъ и становившіеся все выше и выше. И чѣмъ выше становились эти груды камней, тѣмъ выше, казалось Андерсу Югану, росло его собственное положеніе. И съ радостью онъ думалъ о томъ, что здѣсь, въ Фурумонѣ, онъ проведетъ свою жизнь и здѣсь-же умереть.

Настало время посѣва, и скоть былъ выпущенъ въ поле. Одиноко шелъ Андерсъ Юганъ съ сѣменемъ въ фартукѣ, бросая его пригоршнями въ борозды. Надъ головой его жаворонки весело рѣзвились въ синевѣ неба; изъ земли подымался сырой запахъ, словно говорившій объ избыткѣ

накопленной за зиму силы. Изъ лѣсу доносился по временамъ звонъ колокольчиковъ, да довольное мычанье коровъ, наслаждавшихся свѣжимъ кормомъ и воздухомъ.

„Все это мое“, думалъ Андерсъ Юганъ. „И онъ, который еще теперь малъ, когда-нибудь будетъ ходить здѣсь, какъ жосу я“.

Прошло и лѣто, настала жатва. Коса гуляла по полямъ и лугамъ. Неутомимые волю двигали тяжело нагруженные возы къ гумну. А когда съ полей все было убрано, и они стояли обнаженные подъ лучами августовскаго солнца, въ нижнемъ Фурумонѣ были отпразднованы поминки. Звуки скрипки раздавались цѣлый день, и танцующія пары кружились до упаду на гумнѣ.

Снова пришла осень, а за нею и зима. Андерсъ Юганъ чувствовалъ, какъ силы его растутъ съ каждымъ днемъ. Въ самой глубинѣ его души, гдѣ таились всѣ его чувства, жило и чувство благодарности за то, что все у него шло такъ хорошо. Сильнѣе всего онъ ощущалъ его, сидя въ церкви и слушая органъ, или-же гуляя, когда время ему позволяло, со своимъ мальчикомъ и держа его за руку. Тогда ему казалось, словно всѣ тѣ, которые жили на этой землѣ до него, обращаются съ рѣчью непосредственно къ нему, а черезъ него и къ его мальчику. И ни-

когда ему и въ голову не приходило, что что-либо можетъ стать иначе, чѣмъ оно есть.

Такъ шель годъ за годомъ, и Андерсъ Иоганъ уже не считаль ихъ. Годы приходили одинъ за другимъ и такъ же незамѣтно уходили. Онъ не замѣчалъ, что теряетъ что либо и что старость подходитъ все ближе. Для этого онъ былъ еще слишкомъ молодъ, моложе, чѣмъ когда либо.

Другіе, напротивъ, удивлялись, что столько времени все идетъ такъ, какъ оно шло. Когда Эльза поселилась у Андерса Иогана, вскорѣ послѣ смерти его жены, то всѣ ожидали, что послѣ первой годовщины они повѣнчаются. Это было бы самое естественное и самое правильное. Когда-же этого не случилось, ни черезъ годъ, ни черезъ два, люди стали думать, что Андерсъ Иоганъ слишкомъ долго оплакиваетъ свою жену. Но когда прошелъ и третій годъ, не принеся съ собой никакихъ перемѣнъ, то никто уже не могъ понять, что такое стало съ этими двумя молодыми людьми, которые живутъ такъ дружно и, несмотря на это, повидимому, и не думаютъ о томъ, чтобы повѣнчаться. И на селѣ, и въ окрестныхъ дворахъ объ этомъ много говорили.

Единственные, не слыхавшіе и не знавшіе ничего, что говорили люди, были сами Андерсъ Иоганъ и Эльза. Съ каждымъ годомъ дружба ихъ крѣпла, и ничего въ отношеніяхъ ихъ не мѣня-

лось. Во всемъ, что бы они ни предпринимали, они оказывали другъ другу поддержку и помощь, какъ если бы были братомъ и сестрой.

Но однажды случилось, что Андерсъ Юганъ вошелъ въ кухню и засталъ дѣтей однихъ. Андерсъ Эрикъ сдѣлалъ себѣ сани изъ лоханки и, сидя въ нихъ, погонялъ маленькую сестренку, которая держала въ зубахъ веревку и изображала лошадь. Дѣти играли такъ тихо, словно боялись помѣшать кому-нибудь, и, оглянувшись кругомъ, Андерсъ Юганъ замѣтилъ, что огонь подъ плитой потухъ, хотя время шло къ обѣду.

— Гдѣ Эльза?—спросилъ онъ дѣтей.

— Она тамъ, въ горницѣ,—сказалъ мальчикъ, указывая на запертую дверь.—Она сказала, чтобы мы не шумѣли.

Странное чувство овладѣло Андерсомъ Юганомъ, ему казалось, словно онъ вдругъ сталъ слышать тишину кругомъ. И эта тишина словно была полна угрозы, а запертая дверь возбуждала въ немъ тревогу. Но, не желая мѣшать Эльзѣ, онъ сначала сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть на дворъ. Стояла осень, и весь дворъ былъ устланъ кленовыми и березовыми листьями.

— Эльза больна?—обратился онъ, наконецъ, къ дѣтямъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ снова мальчикъ,—но она скучна.

Тутъ Андерсъ Юганъ больше не могъ выдержать; ему казалось непростительнымъ оставлять Эльзу одну въ случаѣ, если ее мучаетъ что-нибудь, въ чемъ онъ можетъ ей помочь. Онъ потихоньку отворилъ дверь и сейчасъ-же заперъ ее за собой, такъ какъ дѣти хотѣли послѣдовать за нимъ.

Въ горницѣ на диванѣ сидѣла Эльза, закрывъ лицо руками. Она тихо покачивалась изъ стороны въ сторону, но ни одного звука не было слышать. Андерсъ Юганъ понялъ, однако, что она плачетъ. Онъ смутился и оробѣлъ, у него не было привычки утѣшать женщинъ, и онъ охотнѣе всего ушелъ бы. Но нѣкое отчаяніе, выражавшееся въ этой хрупкой дѣвичьей фигуркѣ, приковывало его къ мѣсту; не зная, что сказать, онъ подошелъ къ ней и тихо опустилъ руку на плечо дѣвушки.

Эльза не шевелилась и не отнимала рукъ отъ лица.

— Съ тобой что-нибудь случилось?—сказалъ онъ, наконецъ.

Эльза медленно подняла на него глаза. Тихо и просто, какъ онъ когда-то заговорилъ съ ней о своей умершей женѣ, такъ она теперь заговорила съ нимъ, не отводя взгляда въ сторону и не удерживая слезъ, которыя все катились по ея лицу.

— Отецъ былъ здѣсь,— сказала она.—И онъ сказалъ мнѣ, что больше такъ продолжаться не можетъ. Сестра моя выходитъ замужъ, и мнѣ надо вернуться домой. Но я не могу покинуть тебя и все, что здѣсь. Я не могу вернуться домой, гдѣ мать все дѣлаетъ и всѣмъ распоряжается сама, и на мнѣ нѣтъ никакой отвѣтственности. Мнѣ было такъ хорошо всѣ эти годы. И я не могу уйти отъ дѣтей, у которыхъ нѣтъ другой матери, кромѣ меня. А тутъ отецъ снова хочетъ меня выдать замужъ. Но я не хочу выходить замужъ. И нѣтъ мнѣ покоя ни отъ него, ни отъ другихъ.

Андерсъ Югансъ сѣлъ и началъ утѣшать Эльзу. Въ мозгу его промелькнули слова, которыя онъ самъ когда-то сказалъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что теперь ему казалось, будто онъ слышалъ ихъ отъ кого-то другого. Слова эти гласили: „Мужику нужна жена“. Соотвѣтственно этимъ словамъ онъ тогда и поступилъ, и ему не пришлось жалѣть объ этомъ, пока была жива его жена. Раньше, чѣмъ онъ успѣлъ подумать, съ языка его сорвались слова:

—Хочешь пойти за меня? Тогда тебѣ не надо будетъ уходить отсюда, да и я сохраню тебя навсегда.

Но едва онъ успѣлъ выговорить эти слова,

какъ увидалъ, что заплаканное лицо сидѣвшей передъ нимъ дѣвушки внезапно окаменѣло и поблѣло; такимъ онъ уже разъ видѣлъ его.

— Ты этого желаешь? — спросила Эльза, тяжело дыша.

Андерсъ Юганъ отвѣтилъ: да и сталъ спокойно и дружески говорить о томъ, какъ они подходятъ другъ къ другу и что тогда никто не будетъ имѣть права разлучить ихъ. Больше онъ ничего не прибавилъ. Потому что вѣдь онъ не любилъ ея, никогда и не думалъ ни о чемъ подобномъ.

Но Эльза не дала ему договорить. Она встала съ дивана и остановилась передъ нимъ. Никогда Андерсъ Юганъ не представлялъ себѣ, что она можетъ такъ выглядѣть, такой увѣренной въ себѣ и недоступной и сильной.

— Не говори больше объ этомъ, Андерсъ Юганъ,—сказала она.— Потому что, если ты согласишься меня на это, то это будетъ твоимъ и моимъ несчастьемъ. Я еще была ребенкомъ, когда мужчины уже ходили за мной, больше, чѣмъ ты знаешь. Они говорили съ отцомъ и говорили со мной. Они просили и молили, и мнѣ такъ тяжело было слушать это. Потому что я никого никогда не любила, и я не знаю, что это такое. Но твоимъ дѣтямъ я хочу быть матерью и буду держаться заповѣди Божьей. А тамъ пусть будетъ

что будетъ... Ты обѣщаешь мнѣ никогда больше не говорить со мной объ этомъ, Андерсъ Юганъ?— прибавила она и протянула ему руку.—Я все равно никогда этого не сдѣлаю.

Андерсъ Юганъ взялъ протянутую руку и самъ подивился тому, что съ нимъ сдѣлалось въ это мгновеніе. Его вдругъ бросило въ жаръ и въ холодъ, словно онъ обжигался и зябъ въ одно и то же время. Въ первый разъ онъ слышалъ бѣніе собственнаго пульса, а въ глубинѣ души его звучалъ какой-то зловѣщій голосъ, предостерегавшій его отъ этого обѣщанія. Но онъ все таки далъ его. Потому что онъ никогда не думалъ о томъ, что въ жизни его можетъ настать перемѣна. На этомъ они разстались, и Эльза отправилась домой, чтобы поговорить со своими родителями.

— Ужъ я ихъ уговорю, если захочу,— сказала она, уходя.

Эльзѣ это, дѣйствительно, и удалось, но родители ея все же смотрѣли косо на то, что она столько времени оставалась въ домѣ челоуѣка, который не былъ ея мужемъ. И съ этого времени сѣмя недовольства заронилось между двумя семьями, жившими по обѣ стороны рѣки въ верхнемъ Фурумонѣ.



#### IV.

Поздно въ сердцахъ нѣкоторыхъ людей просыпается огонь любви, который все опустошаетъ. Онъ можетъ прорваться неожиданно, какъ иногда неожиданно подземное пламя прорывается сквозь земную кору, уничтожая все на пути своемъ. Кто знаетъ, что таится въ его собственной душѣ? Кто можетъ сказать раньше, чѣмъ наступитъ часъ смерти: я такой, а не другой?

Андерсу Іогану и въ голову не приходило, когда онъ давалъ свое обѣщаніе, что онъ не сможетъ его сдержатъ. Никогда онъ не читалъ и не слышалъ, что бываетъ такая любовь, которой люди не могутъ поборотъ. Это ему пришлось узнать на самомъ себѣ, и никого у него не было, съ кѣмъ бы онъ могъ поговорить о томъ, какъ онъ страдалъ и какъ сталъ бояться своего новаго я. Не друга онъ искалъ уже, не помощи и поддержки, которую хотѣлъ бы сохранить на всегда. Онъ не думалъ больше ни о своемъ домѣ, ни о дѣтяхъ. Земля отцовъ больше не занимала его, и онъ забылъ о тѣхъ работахъ и улучшеніяхъ, которыя хотѣлъ произвести на ней, забылъ, словно никогда и не думалъ о нихъ. Все это поглотилось чѣмъ-то непривычнымъ и жгучимъ, что вдругъ прорвалось въ душѣ его и обратило въ пепель весь прежній міръ его.

Всю эту осень и послѣдовавшую за ней зиму Андерсъ Иоганъ бродилъ удрученный. Онъ думалъ и думалъ все объ одномъ и томъ-же и не находилъ себѣ покоя. Онъ думалъ объ обѣщаніи, которое далъ Эльзѣ, и страннымъ казалось ему, что онъ ничего не понималъ, когда давалъ это обѣщаніе. Ночью, лежа въ постели, окруженный мракомъ, онъ иногда представлялъ себѣ, что все идетъ хорошо и что Эльза только ждетъ, чтобы онъ заговорилъ, для того, чтобы дать свое согласіе и стать его женой. Тепло, свѣтло и спокойно становилось тогда у него на душѣ. Эльза сама поможетъ ему, мечталъ онъ. Ибо она видитъ, какъ онъ страдаетъ, и она поможетъ ему такъ, что онъ не будетъ вынужденъ нарушить свое обѣщаніе. Она сама вернетъ ему его слово, сама придетъ въ его объятія и поклянется ему въ любви. Въ другой разъ онъ воображалъ, что онъ нарушилъ свое обѣщаніе и что Эльза простила его. Онъ видѣлъ и воспринималъ все это, словно это была дѣйствительность, и смутное ощущеніе огромнаго счастья наполняло его душу и приносило ему покой. Все это являлось ему изъ мрака, непроницаемой стѣнной стоявшаго вокругъ его постели. Такъ онъ ночь за ночью, бодрствуя, предавался снамъ.

Грустный вставалъ онъ съ постели, когда сѣрый разсвѣтъ будилъ его отъ сна, грустный

шелъ на работу, и любовь его стала для него страданіемъ, терзавшимъ все его тѣло. Хуже всего было, когда онъ видѣлъ Эльзу. Хуже всего было проходить мимо нея и молчать, видѣть ее за работой и не имѣть возможности взять работу у нея изъ рукъ, сидѣть рядомъ съ ней и не быть въ состояніи ничего сказать. Нѣтъ, хуже всего было знать, что она спитъ, вся бѣлая и хрупкая, завернутая въ одѣяло, совсѣмъ близко, отдѣленная отъ него только дверью. И знать, что эта дверь никогда не откроется для него.

Андерсъ Іоганъ шелъ по лѣсу съ топоромъ за плечами. Батраку онъ задалъ работу дома для того, чтобы имѣть возможность остаться наединѣ съ самимъ собою. Онъ всегда теперь искалъ одиночества, и казалось, будто онъ возненавидѣлъ людей. Они доставляли ему страданіе однимъ своимъ присутствіемъ. Они еще усиливали его муки. А когда онъ слышалъ чей-нибудь голосъ вблизи себя, или кто-нибудь останавливался возлѣ него, у него захватывало духъ, гнѣвъ просыпался въ немъ и рвался наружу.

Андерсъ Іоганъ шелъ съ топоромъ въ рукѣ, чтобы выбрать мѣсто, гдѣ начать рубить. Дологъ былъ его путь, и онъ зашелъ глубоко въ лѣсъ. Деревья тѣсно обступали его, и самъ онъ исчезалъ за ихъ стволами. Въ верхушкахъ ихъ,

надъ головой его, шумѣлъ осенній вѣтеръ. Огромныя деревья качались, и вѣтви ихъ ударялись другъ объ друга. Словно волны морскія одна за другою катились надъ головой его—такъ пѣли верхушки деревьевъ, и въ дикой пѣснѣ этой слышалась любовь и тоска, несчастье и смерть. Андерсъ Юганъ шелъ все дальше, и ноги его то вязли въ глубокомъ, пропитанномъ сыростью, зеленомъ мху, то, гдѣ путь велъ въ гору, мяли сухой, сѣрый ягель, хрустѣвшій подъ его ногами. Онъ перешелъ черезъ песчаный гребень и незамѣтно забрелъ далеко, къ самому болоту, гдѣ на кочкахъ алѣла клюква; ему пришлось сдѣлать крюкъ, чтобы обогнуть трясину. Никогда до сихъ поръ онъ не зналъ, что лѣсъ можетъ такъ пѣть, или что человѣкъ можетъ испытывать такое страданіе и такую тоску, какъ онъ. Одна только женщина существовала для него во всемъ мірѣ, одна единственная. Съ нею все бы ему казалось легко. Безъ нея не было ничего, кромѣ мрака и печали. Какъ странно, какъ странно! Откуда мы являемся? Куда мы идемъ? Почему насъ иногда ничто не печалитъ, а иногда все?

Вдругъ захрустѣли кусты, и огромный лось выскакиваетъ изъ-за нихъ; на мгновеніе онъ останавливается, обнюхивая воздухъ; его громадные рога, подъ тяжестью которыхъ голова его словно клонится къ землѣ, выдѣляются надъ

кустами и низкорослыми сосенками, покрывающими топь, которая вся дрожитъ подъ его стопами. Онъ испускаетъ звукъ, прорѣзывающій воздухъ сквозь шумъ лѣса и завываніе вѣтра. Слышится снова трескъ и хрустѣнье. Это топчутся кусты и ломаются вѣтви. Затѣмъ огромное животное дѣлаетъ прыжокъ и исчезаетъ за стволами, и только новый трескъ и хрустѣнье доносятся издали.

Андерсъ Іоганъ идетъ и смотритъ на все кругомъ и удивляется, что все, что онъ видитъ, представляется ему новымъ, словно онъ видитъ это въ первый разъ. Онъ выходитъ къ мѣсту, гдѣ рѣка дѣлаетъ поворотъ. Сквозь камни и пески она пробиваетъ себѣ путь глубоко подъ корнями деревьевъ, которые висятъ обнаженные въ водѣ. Тамъ, гдѣ берега раздаются шире подъ напоромъ воды, просвѣчиваетъ солнце, и Андерсу Іогану приходитъ въ голову, что здѣсь бы онъ хотѣлъ жить съ Эльзой, далеко отъ всѣхъ, чтобы никто не видѣлъ, какъ онъ несчастенъ. Онъ и не хочетъ вовсе быть счастливымъ. Онъ хочетъ только имѣть ее для себя, знать, что она тутъ для него, хотя бы онъ и не могъ никогда назвать ее своей. И снова онъ видитъ, какъ вѣтеръ налетаетъ на верхушки деревьевъ, качая ихъ, словно море въ бурю. Такъ хорошо все видѣть и все чувствовать, и онъ идетъ дальше, не помня, зачѣмъ

онъ пришелъ сюда. Деревьевъ, которыя надо срубить, онъ не находитъ, и онъ не знаетъ, зачѣмъ онъ взялъ топоръ, уходя изъ дому. Онъ идетъ по лѣсу, и мечтаетъ, и забываетъ самого себя.

Андерсъ Юганъ проводитъ дни свои въ мечтахъ и пробуждается лишь тогда, когда Рождество стоитъ у порога, и начинаются предпраздничныя хлопоты.

Въ одинъ изъ такихъ дней онъ запрегъ большую бричку и отправился въ городъ получать деньги, которыя ему слѣдовало за проданную рожь. Внимательнымъ, вновь пробудившимся взглядомъ онъ смотрѣлъ вокругъ себя, и ему стало стыдно за себя. Многое было запущено, много работы ждало, которая давно должна была бы быть сдѣлана. Но путешествіе и новыя лица, которыя онъ встрѣчалъ по пути, словно вновь пробуждали его къ жизни; онъ уже не думалъ о томъ, сколько упущено, а, отпустивъ вожжи, сидѣлъ съ надвинутой на лобъ шапкой и поджатыми губами и размышлялъ о томъ, гдѣ найти лекарство. Лекарство существовало, насколько ему было извѣстно, но этого лекарства онъ не хотѣлъ искать, пока еще не хотѣлъ. Цѣлыхъ три часа Андерсъ Юганъ несся по дорогѣ, давъ волю лошадямъ, и, лишь когда проѣзжая дорога смѣнилась каменной мостовой, онъ поѣхалъ медленнѣе. Тутъ онъ

впервые почувствовалъ, словно тяжесть спала съ души его. Онъ направился въ контору хлѣбо торговца и получилъ слѣдующія ему деньги. Настроеніе его еще болѣе прояснилось. Рожь поднялась въ цѣнѣ, и онъ получилъ денегъ больше, чѣмъ ожидалъ. Андерсъ Іоганъ отправился въ городъ съ чувствомъ челоуѣка, сознающаго, что сила его растетъ.

Купивъ все, что нужно было изъ зимнихъ вещей для дома и хозяйства, Андерсъ Іоганъ сталъ бродить по лавкамъ и высматривать праздничные подарки. У него былъ чрезвычайно довольный видъ, и чѣмъ больше денегъ онъ тратилъ, тѣмъ спокойнѣе онъ чувствовалъ себя. Когда онъ, наконецъ, покончилъ съ покупками, стало такъ поздно, что ему пришлось искать ночлега въ городѣ, и лишь на слѣдующее утро онъ отправился домой со всѣми своими покупками, тщательно уложенными въ задкѣ брички.

Наканунѣ сочельника онъ отправился въ лѣсъ и срубилъ елку, а въ сочельникъ помогаль дѣтямъ убирать ее. На вѣткахъ онъ укрѣпилъ желтыя восковыя свѣчи, а на верхушкѣ дерева сіяла звѣзда изъ желтой бумаги. На рождественскомъ столѣ стояли двойныя виллообразныя свѣчи, которыя Эльза сама отлила, а кругомъ лежали всѣ пакеты, тщательно завернутые и перевязанные, какъ они прибыли изъ города.

— Съ Рождествомъ Христовымъ! — сказала Эльза, когда зажгли свѣчи.

— Съ Рождествомъ Христовымъ!— отвѣтилъ Андерсъ Юганъ, и голосъ его дрожалъ. Но на этотъ разъ это было отъ радости. Ибо безумная надежда загорѣлась въ немъ. Все, изъ-за чего онъ страдалъ, что его мучило, о чемъ онъ тосковалъ,—все это исчезло. Онъ ее завоеуетъ такъ, какъ хотѣлъ завоевать, онъ побѣдитъ ея сопротивленіе. Иначе быть не можетъ, не можетъ быть, чтобы человѣкъ любилъ такой сильной, неукротимой любовью только для того, чтобы найти въ отвѣтъ одну холодность и пренебреженіе. Съ открытыми глазами, въ бодрствующемъ состояніи крестьянинъ бродилъ по дому, и всѣ мечты его тоскливыхъ ночей представлялись ему свѣтлой лучезарной дѣйствительностью. Увѣренными, счастливыми шагами Андерсъ Юганъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, и когда дѣти и слуги собрались, хозяинъ дома громкимъ, яснымъ голосомъ прочиталъ рождественскій псаломъ.

Вмѣстѣ со всѣми Андерсъ Юганъ сидѣлъ за рождественскимъ столомъ, шутилъ со слугами и игралъ съ дѣтьми. Вмѣстѣ со всѣми онъ всталъ изъ-за стола, и когда зажгли елку, батракъ заигралъ на скрипкѣ, а дѣти и женщины пустились въ плясъ. Всюду горѣлъ свѣтъ, а чисто вымытый полъ былъ усыпанъ хвойными иглами.



Подъ конецъ каждому было разрѣшено подойти къ столу и взять предназначенный для него пакетъ. Тутъ были игрушки для дѣтей, наряды для дѣвушекъ, шерстяная куртка и сермяга для батрака. Для Эльзы было три пакета, одинъ изъ нихъ былъ очень малъ. Въ немъ былъ маленькій золотой медальонъ съ крышкой по срединѣ, которая открывалась.

Андерсъ Юганъ принималъ участіе во всемъ этомъ и въ то же время какъ будто отсутствовалъ. Даже когда Эльза подошла къ нему, чтобы поблагодарить его, и тогда онъ былъ гдѣ-то далеко отъ земли. Все время онъ видѣлъ предъ собою Эльзу и вмѣстѣ съ тѣмъ не видалъ ея. Никогда, казалось ему, онъ не переживалъ такого вечера, и все таки онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобы все кончилось. Потому что тогда, онъ зналъ, дѣти пойдутъ спать, а онъ одинъ съ Эльзой отправится къ старикамъ. Такъ бывало каждое Рождество, и такъ должно было быть и въ этотъ сочельникъ, который уже близился къ концу.

На темномъ небѣ мерцали звѣзды, ясныя и холодныя. Выпалъ снѣгъ, и итти было тяжело. Узкая дорожка еще болѣе сузилась, и имъ приходилось итти гуськомъ. Такимъ образомъ Андерсъ Юганъ ничего не могъ сказать Эльзѣ по дорогѣ въ сѣверный Фурумонъ, но ему

не пришлось говорить съ ней и тамъ, у родителей. Потому что у нихъ собралась вся родня, съ дочерьми и зятьями, сыновьями и слугами. Сидѣли до полуночи, но Андерсу Югану время не казалось долгимъ. Онъ вѣрилъ въ свое счастье и былъ убѣжденъ, что оно придетъ. Онъ только сидѣлъ и дивился тому, что происходитъ въ немъ самомъ: что-то внутри его росло и тянулось и словно стремилось выйти наружу.

Въ этотъ вечеръ Андерсъ Юганъ не рѣшался попробовать что-либо изъ спиртныхъ напитковъ, и не мало насмѣшекъ ему пришлось выслушать по этому поводу. Но онъ и безъ того уже чувствовалъ себя словно опьянѣвшимъ. Все, что происходило вокругъ него, онъ видѣлъ, какъ въ туманѣ, пока не очутился снова подъ звѣзднымъ небомъ, окруженный мракомъ зимней ночи, чувствуя позади себя тоненькую фигурку Эльзы, которая слѣдовала за нимъ по узенькой дорожкѣ къ дому.

Но вдругъ весь хмель счастья, переполнявшаго его въ теченіе цѣлаго вечера, смѣнился мрачнымъ отчаяніемъ; огромная волна мрака нахлынула на него и захлестнула весь свѣтъ. Его вѣра въ счастье исчезла такъ-же безпричинно, какъ безпричинно явилась. Мужество его было сломлено, онъ ни на что больше не надѣялся, ни на что не рѣшался, ни во что не вѣрилъ, ничего

не понималъ ни въ своихъ дѣйствіяхъ, ни въ своей собственной жизни, онъ зналъ только, что стремится къ тому, чего онъ никогда не достигнетъ, стремится къ этому вопреки всему, слѣпо, неудержимо и непрерывно. Словно во снѣ онъ прошелъ впереди Эльзы въ кухню, гдѣ еще горѣлъ свѣтъ. Тамъ онъ сѣлъ и, не въ состояніи выговорить ни одного слова, въ первый разъ обратилъ къ ней свое лицо, обнаруживая передъ ней всю муку, которую онъ испытывалъ.

Во взглядѣ его, устремленномъ на молодую дѣвушку, было что-то, напоминавшее въ одно и то-же время ярость раненаго звѣря и мольбу ребенка. Эльза испугалась, встрѣтивъ этотъ взглядъ, такъ испугалась, что отступила назадъ и не рѣшалась войти въ кухню.

— Тебѣ нечего бояться меня, — сказала Андерсъ Юганъ. — Я тебѣ ничего не сдѣлаю.

Тогда Эльза вошла и сѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него. Въ концѣ концовъ она подняла на него глаза и опять встрѣтилась съ его взглядомъ. Два раза до того она встрѣчала такой взглядъ у мужчинъ, и ничто ее не пугало такъ, какъ этотъ взглядъ, ибо она знала, что онъ означаетъ.

Тутъ мракъ окуталъ и ея душу, и въ тоскѣ она безпомощно заломила руки.

— И надо-же было этому случиться, — сказа-

ла она только,—надо-же было этому случиться.

Андерсъ Иоганъ слышалъ ея слова, но не понималъ ея печали. Для этого въ немъ слишкомъ громко говорило его собственное горе. Но онъ почувствовалъ, какъ пусто стало кругомъ и что отъ него къ ней нѣтъ пути.

— Почему ты не можешь меня любить?— проговорилъ онъ, наконецъ.

Но онъ понималъ, что то, что онъ сказалъ, былъ пустой звукъ, слова безъ смысла.

— Развѣ я знаю?—отвѣтила дѣвушка.—Развѣ я знаю? Но почему ты сталъ такимъ ко мнѣ? Въдъ все было такъ хорошо.

Нѣкоторое время они оба молчали. Словно захваченные безконечной, нѣмой скорбью они сидѣли; не въ силахъ уйти другъ отъ друга. Наконецъ, Эльза сказала:

— Когда это пришло?

Андерсъ Иоганъ смотрѣлъ неподвижно впередъ, словно ища отвѣта на собственные вопросы, и ждалъ, что эта дѣвушка, которая сидѣла передъ нимъ, такая нѣжная и такая сильная, такая энергичная и въ то же время такая робкая, что она поможетъ ему. Но когда она продолжала молчать и только ждала его отвѣта, онъ заговорилъ, какъ могъ и умѣлъ.

— Когда? — сказалъ онъ.—Когда? Это на-

вѣрное было всегда, хотя я не зналъ объ этомъ. Я былъ разъ женатъ, и я думалъ, что навсегда покончилъ съ такими вещами. Но это совсѣмъ другое. Словно каждый день умираешь и снова оживаешь, чтобы дальше страдать. Я никогда не думалъ, что существуетъ на свѣтѣ такая мука.

И не въ состояніи больше сдерживать себя, какъ онъ привыкъ, онъ поднялся и, стискивая руки, почти крикнулъ:

— Неужели ты не можешь? Неужели ты не можешь? Скажи, что ты можешь! Я ничего не хочу отъ тебя, только чтобы ты взяла всего меня и сдѣлала бы со мной, что хочешь.

Эльза снова взглянула на него и проговорила въ тоскѣ:

— Неужели Богъ можетъ допустить, чтобы ты меня такъ мучилъ!

— Богъ? — повторилъ Андерсъ Юганъ беззвучно.—Богъ?

Этого слова онъ больше не понималъ, онъ зналъ только, что это что-то, передъ чѣмъ онъ долженъ былъ бы склониться, что должно было бы избавить его отъ злого духа, овладѣвшаго его душой.

— Богъ?—повторилъ онъ еще разъ. — Боже, помоги мнѣ!

Ужасное страданіе, которое испытывалъ этотъ сильный человѣкъ, потрясло все его тѣло. Но,

встрѣтивъ еще разъ полный отчаянія, безпомощный взглядъ дѣвушки, въ которомъ, какъ въ его собственномъ, читалась нѣмая мольба, онъ тяжело повернулся и вышелъ. Какъ больное животное, онъ машинально направился къ мѣсту, гдѣ онъ спалъ. Повалившись на кровать, онъ крѣпко заснулъ, какъ послѣ долгаго, непосильнаго напряженія.

Печаль и забота наложили свою печать на обоихъ съ того дня, и нигдѣ они не находили себѣ покоя. Эльза боялась своего хозяина, и все-же не могла покинуть ни его, ни его домъ. Потому что его домъ сталъ ея домомъ, и его дѣти давали ей то счастье, какое чувствуетъ женщина, когда можетъ отдавать всѣ сокровища своей души. Андерсъ Юганъ съ своей стороны стремился къ Эльзѣ и въ то-же время боялся ея. Ибо сердце его сохло по женѣ, и кровь его была въ волненіи. А между тѣмъ онъ не могъ приблизиться къ Эльзѣ, чтобы на лицѣ ея не отразился сейчасъ-же испугъ. Она въ свою очередь не могла заговорить съ нимъ, чтобы не замѣтить, какъ въ глазахъ его загорается что-то, о чемъ она не хотѣла знать. И между этими двумя людьми, у которыхъ раньше такъ много было, о чемъ говорить, воцарилось молчаніе. И изъ молчанія этого выросла у него — неприязнь къ этой женщинѣ, которую онъ любилъ и кото-

рая съ каждымъ днемъ все больше мучила его, у нея-же—глубокая и тихая грусть, потому что она не понимала себя, и потому что молитвы и слова больше не давали ей утѣшенія.

Да поможетъ Господь тѣмъ, которые одиноки въ своей печали и не находятъ выхода изъ нея. Да поможетъ Господь тѣмъ, которыхъ судьба сводить на двойное несчастье.

Зима протекла, какъ дурной сонъ, и работа стояла нетронутая. День шелъ за днемъ, недѣля за недѣлей и мѣсяць за мѣсяцемъ, а во дворѣ ничто не двигалось съ мѣста. Воля хозяина болѣе не царила надо всѣмъ, она спала въ заколдованномъ снѣ, и для нея не существовало ничего, кромѣ одного, чего она не могла побѣдить и чего ему не суждено было достигнуть.

Андерсъ Юганъ и не думалъ больше о томъ, чтобы сдержать обѣщаніе, которое онъ далъ когда-то Эльзѣ. Все, что раньше составляло сдерживающее начало въ его жизни, вѣрніа совѣсти, привычка къ труду, уваженіе къ мнѣнію другихъ людей—между всѣмъ этимъ и имъ самимъ порвалась связь, и со дня на день онъ все съ большимъ ужасомъ чувствовалъ, точно всѣ злыя силы его души сорвались съ цѣпей для того, чтобы погубить его. Однажды вечеромъ, когда мальчикъ подошелъ къ нему, чтобы поиграть съ отцомъ, какъ въ прежнія времена, онъ рѣзко

оттолкнулъ его отъ себя, изъ груди его вырвалось подавленное рыданіе, и онъ вышелъ.

Эльза замѣчала все это и не знала, что ей дѣлать. Все снова и снова онъ просилъ Эльзу стать его женой, потому что безъ нея онъ не найдетъ себѣ покоя. Все снова и снова, оставаясь одна, Эльза спрашивала себя: „Почему ты не можешь? Почему?“ И не находила никакого отвѣта, находила только непоколебимую увѣренность въ душѣ своей, что, если она уступить, они оба станутъ еще несчастнѣе, чѣмъ теперь. Эльза разъ попробовала объяснить это ему. Она сказала ему это тихо и спокойно такъ, какъ она сама чувствовала.

— Я сама не понимаю,—сказала она, — почему я не могу.

Но едва она выговорила это, какъ Андерсъ Юганъ задрожалъ отъ радости и направился къ ней, чтобы заключить ее въ свои объятія. Ему показалось, что въ словахъ ея заключается признаніе, что она любитъ его, сама того не зная. Тогда Эльза повернулась и вышла. Андерсъ Юганъ стоялъ, какъ пришибленный, глядя ей вслѣдъ. Въ первый разъ онъ вышелъ изъ дому въ гнѣвъ и, чтобы заглушить бушевавшія въ немъ чувства, поѣхалъ въ село. Вернулся онъ домой поздно ночью, и въ первый разъ въ жизни былъ пьяный.



Съ этихъ поръ Андерсъ Юганъ пошелъ своими путями. Съ этихъ поръ онъ больше не глядѣлъ на Эльзу. Съ этихъ поръ онъ отвернулся отъ всего, что могло быть ему поддержкой. Все чаще становились его поѣздки въ село, и шли слухи, что въ домѣ, гдѣ появлялся Андерсъ Юганъ, часто стояла бутылка на столѣ и доставались изъ ящика карты.

Тамъ, на селѣ, жилъ богатый крестьянинъ, Матвѣй. Это былъ вліятельный и высококомѣрный человѣкъ, пользовавшійся худой славой среди своихъ односельчанъ и внушавшій имъ страхъ. Сила его заключалась въ томъ, что онъ умѣлъ закабалить людей, давая имъ деньги займы. Многие, благодаря этимъ займамъ, лишались всего своего имущества. Но всѣхъ своихъ дѣтей Матвѣй сдумѣлъ хорошо пристроить, и всеобщая молва шла, что онъ теперь завлекалъ Андерса Югана въ свой домъ для того, чтобы женить его на своей дочери Идѣ, единственной изъ братьевъ и сестеръ, которая еще не была пристроена. Ибо во всемъ приходѣ смотрѣли съ уваженіемъ на старые крестьянскіе дворы, лежавшіе бокъ-о-бокъ у опушки Фурумонскаго лѣса, и всюду считалось почетомъ выйти замужъ туда.

Андерсъ Юганъ, однако, ничего этого не видѣлъ. Въ томъ состояніи духа, въ какомъ онъ находился, люди плохо соображаютъ, что про-

исходитьъ вокругъ нихъ. Напротивъ, онъ видѣлъ только, что Ида, ставившая на отцовскій столъ ѣду и напитки, была молода, высока и здорова и что взгляды ея охотно встрѣчался съ его взглядомъ. Онъ видѣлъ, что у нея была круглая шея и бѣлые зубы, которые она охотно показывала, смѣясь, и глаза ея въ такія минуты метали искры, заживавшія въ молодомъ крестьянинѣ кровь. Нравъ у нея былъ сварливый, и она часто слишкомъ громко смѣялась. За словомъ она въ карманъ не лѣзла, отвѣтъ у нея всегда былъ наготовѣ, и она часто устраивала такъ, чтобы оставаться съ Андерсомъ Юганомъ наединѣ.

Однажды случилось такъ, что Андерсъ Юганъ вошелъ въ ворота Матвѣевского двора въ то самое время, какъ Ида развѣшивала на дворѣ бѣлье для просушки. Андерсъ Юганъ подошелъ къ ней, и раньше, чѣмъ онъ успѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ, онъ держалъ молодую дѣвушку въ своихъ объятіяхъ и чувствовалъ, что она отвѣчаетъ на его поцѣлуи. Но въ то-же мгновеніе ему показалось, словно внутри его что-то громко закричало, призывая о помощи. Онъ вспомнилъ Эльзу и, стиснувъ зубы, словно въ гнѣвъ, онъ спросилъ другую, хочетъ-ли она быть его женой.

— Я думала, у тебя есть жена— дома,— про-

говорила Ида быстро. Последнее слово она растянула, такъ что оно прозвучало насмѣшкой.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Андерсъ Юганъ жестко.— Тогда я бы тебя не сталъ спрашивать.

— Лучше всего поговори съ отцомъ,—сказала Ида, высвобождаясь изъ его объятій.— Я съ своей стороны ничего не имѣю противъ того, чтобы переѣхать къ тебѣ.

Еще въ тотъ-же день Андерсъ Юганъ поговорилъ съ отцомъ. Старый Матвѣй клялся всѣми святыми, что никогда подобная возможность ему и въ голову не приходила. Никогда онъ не думалъ, что его послѣдняя дочь такъ скоро покинетъ его и устроится такъ хорошо. Онъ кликнулъ мать, и жена Юганна вошла въ комнату.

— Сегодня у насъ быть пирушкѣ,—крикнулъ Матвѣй.— Андерсъ Юганъ хочетъ нашу дочку, и если мы съ нимъ сговоримся, такъ съ Богомъ, пусть беретъ ее.

Сговориться съ Андерсомъ Юганомъ было легче, чѣмъ Матвѣй могъ ожидать. Причина этого заключалась въ томъ, что Андерсъ Юганъ, въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, не думалъ ни о чемъ другомъ, кромѣ того, что для него все теперь пойдетъ по новому, и если только въ домѣ будетъ жена, то онъ сумѣетъ забыть старое. Тогда жизнь потечетъ опять, какъ прежде, и онъ самъ обрѣтетъ покой.

Объ этомъ будущій зять думаль въ то время, какъ тесть его пространно объясняль ему, что онъ хотѣль бы дать за дочерью порядочное приданое и никому онъ не далъ бы его охотнѣе, чѣмъ ему, но что больше, чѣмъ у него есть, онъ не можетъ дать, а столько, сколько молва ему приписываетъ, у него нѣтъ. Андерсъ Юганъ соглашался со всѣмъ, что Матвѣй ни говорилъ. Такимъ образомъ за ужиномъ онъ сидѣль рядомъ съ Идой, какъ женихъ, и держаль подѣ столомъ ея руку въ своей. Это была крѣпкая и теплая рука, а старый Матвѣй говорилъ рѣчи, отъ которыхъ кровь приливала дѣвушкамъ къ щекамъ. Всеобщая радость увлекла и Андерса Югана, и ему стало казаться, что онъ теперь достигъ того, къ чему стремился и для чего работалъ.

Однако, онъ рано простился и отправился домой. Съ апрѣльскаго неба полная луна лила свой свѣтъ на обнаженныя поля, сверкала, пробиваясь сквозь тяжелыя верхушки лѣса, и отражалась въ прозрачныхъ водахъ рѣчки, когда Андерсъ Юганъ шель черезъ мостъ. Онъ остановился на мосту и задумался; онъ и самъ не замѣтилъ, что остановился какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтилъ Эльзу въ первый разъ, когда отправился искать помощи и совѣта послѣ смерти своей первой жены.

Его вдругъ охватила страшная тоска, словно

онъ причинилъ самому себѣ худшее зло; какое человѣкъ только самъ можетъ причинить себѣ. Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ внизъ, въ воду, которая, казалось, отбрасывала отъ сверкающихъ камней кверху дрожащія лучи луннаго свѣта; весенній вѣтеръ обдувалъ его лицо, еще горѣвшее отъ поцѣлуевъ и крѣпкихъ напитковъ, надъ головой его неслись облака, застилали луну, проносились мимо и исчезали за лѣсомъ. Изъ лѣсу доносился тяжелый гулъ, какой слышится только ночью, когда дневные голоса умолкаютъ и людей какъ будто вовсе не существуетъ.

Андерсъ Юганъ сошелъ съ моста и вступилъ на свою собственную землю. Какъ странно все было! Тотъ-же гулъ слышался и здѣсь, подъ старыми кленами и березами. Ему пришло на умъ, что скоро здѣсь будетъ раздаваться чужой голосъ и смѣшиваться съ его собственнымъ; онъ вспомнилъ смѣхъ Иды, и ему вдругъ показалось, что сюда онъ не подходитъ.

Но Андерсу Югану не было времени долго думать объ этомъ. Поднявъ голову, онъ замѣтилъ на ступенькахъ крыльца склоненную женскую фигуру.

— Это ты, Эльза?—сказалъ онъ.

Онъ самъ удивился, не узнавъ своего собственного голоса.

— Я сижу и смотрю вдаль, — отвѣтила Эльза. — Я такъ дѣлаю иногда, когда думаю о чемъ нибудь.

Андерсъ Иоганъ ничего не отвѣтилъ и только молча сѣлъ рядомъ съ ней. У него были свои мысли, и онъ боялся того, что сейчасъ должно было наступить.

— Я начала бояться, не случилось-ли чего съ тобой, — проговорила, наконецъ, Эльза.

Андерсъ Иоганъ продолжалъ молчать, думая надъ тѣмъ, что Эльза сказала. Ея слова прозвучали такъ, словно она хотѣла помочь ему заговорить.

— Такъ оно и есть, — сказалъ онъ, наконецъ. — Я собираюсь жениться.

— Когда?

Вопросъ прозвучалъ торопливо, прерывистымъ голосомъ.

— Этой весной.

Облако, закрывавшее луну, скользнуло мимо, и каждый изъ нихъ ясно увидалъ лицо другого.

— Тогда мнѣ придется уйти? — сказала Эльза.

— Это, пожалуй, будетъ самое лучшее, — слышался нерѣшительный отвѣтъ.

Ничего больше Андерсъ Иоганъ не сказалъ. Все было такъ странно — и такъ тяжело.

Тогда Эльза взяла его руку, чего никогда раньше не дѣлала, и тихо погладила ее. Сидѣв-

шей рядомъ съ нею человекъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, но не двигался съ мѣста. Онъ сидѣлъ неподвижно, удивляясь, какъ онъ можетъ сидѣть такъ какъ разъ теперь, когда ничего больше уже нельзя измѣнить. И ему показалось, что когда-то давно, давно тому назадъ онъ сидѣлъ здѣсь, какъ сейчасъ, и такъ-же, какъ сейчасъ, тогда играли на землѣ передъ крыльцомъ лучи луннаго свѣта. Наконецъ, Эльза заговорила.

— Я такъ и думала, что это случится,—сказала она.—Тебѣ нуженъ былъ кто-нибудь, кто могъ бы тебѣ дать то, чего я не могла тебѣ дать, и тебѣ представляется, должно быть, что я странная дѣвушка, что теперь сижу съ тобой такъ, когда раньше никогда этого не хотѣла. Но я хочу тебѣ только сказать, что за всѣ эти годы я всегда буду тебѣ благодарна. Это были лучшіе годы моей жизни. Теперь я вернусь опять домой къ отцу и матери, и что со мной будетъ дальше, я не знаю. Какое-нибудь мѣсто найдется для меня, гдѣ мнѣ можно будетъ остаться, если ужъ здѣсь нельзя оставаться. Одно еще я хотѣла бы тебѣ сказать, Андерсъ Юганъ, для того, чтобы ты это зналъ. Я хочу тебѣ сказать, что я не больше тебя понимаю все то, что было эти послѣдніе годы. Это правда, какъ передъ Богомъ, и ты можешь этому вѣрить. Я никогда не желала тебѣ и твоимъ ничего, кромѣ добра. Но я никогда не могла дать

тебѣ того, о чемъ ты меня просилъ, потому что не чувствовала такъ. Я мало знаю. Потому что я неученая, какъ и ты. Но я знаю, что это не хорошо. Отдаваться безъ любви—этого не слѣдуетъ дѣлать.

Эльза сидѣла, устремивъ глаза впередъ, точно говоря сама съ собой и забывъ, что она не одна, и слова медленно и тихо срывались съ ея губъ. Все время она держала Андерса Югана за руку, не выпуская ее изъ своей.

— Одно хотѣла бы я знать, — продолжала она, — ты доволенъ теперь?

Онъ долго искалъ отвѣта. То, что случилось—случилось, и измѣнить этого уже нельзя было. Надъ головой его шумѣли верхушки деревьевъ, и рядомъ съ дѣвушкой, сидѣвшей бокъ-о-бокъ съ нимъ, онъ чувствовалъ себя словно наединѣ со своими мыслями, словно никого, кромѣ него, здѣсь не было, и онъ одинъ сидѣлъ, слушая, какъ шумятъ деревья. И все-же онъ не могъ отвѣтить, какъ хотѣлъ. Вмѣсто этого съ языка его сорвались слова, которыя, казалось ему, онъ слышалъ когда-то давно, хотя онъ не могъ бы сказать, когда и гдѣ онъ ихъ слышалъ.

— Мужу нужна жена, — сказалъ онъ.

Но едва онъ выговорилъ эти слова, какъ Эльза отняла свою руку, и Андерсу Югану пока-



залось, словно что-то порвалось между ними обоими и, отрываясь, причинило ему боль.

Чтобы схватить вновь это что-то неуловимое и удержать его, онъ попробовалъ сказать еще что-нибудь. Но ему ничего не пришло въ голову, кромѣ слѣдующаго:

— Я никогда не забуду тебя, Эльза, что бы ни случилось.

Сказавъ это, Андерсъ Юганъ нѣкоторое время молчалъ. Онъ не могъ понять, почему ему кажется, что Эльза хочетъ, чтобы онъ ушелъ. Но ему такъ казалось, и онъ ушелъ.

Эльза-же долго сидѣла на мѣстѣ, устремивъ глаза въ освѣщенную луною ночь.

## V.

Новая жизнь началась для Андерса Югана съ тѣхъ поръ, какъ онъ во второй разъ женился, и въ хозяйствѣ, какъ домашнемъ, такъ и полевомъ, снова появилось движеніе. Ибо Ида была не изъ тѣхъ, у которыхъ работа стоитъ въ рукахъ, и въ ея энергіи и подвижности было что-то заразительное, будившее силы даже въ мужѣ ея. Слишкомъ долго эти силы спали.

И все-же Андерсъ Юганъ не находилъ въ себѣ больше тѣхъ мыслей, которыя прежде всегда сопровождали его въ работѣ и рисовали ему всю

жизнь въ свѣтлыхъ краскахъ. Онъ не находилъ и радости въ работѣ. Чуждые силы толкали его впередъ, чуждые силы ввели его въ эту новую колею жизни, въ которой онъ никогда не чувствовалъ себя дома. Хозяйство развивалось и росло, и что-бы онъ ни предпринималъ, все удавалось ему. Но его собственность больше не принадлежала ему. Былъ теперь другой человекъ, который владелъ ею, какъ имъ самимъ.

Это Ида сдѣлала то, что онъ чувствовалъ себя чужимъ въ собственномъ домѣ. Ибо что бы она ни дѣлала, она всюду вносила шумъ. Стояла ли она у плиты, она гремѣла горшками и кастрюлями. Говорила ли она о чемъ-нибудь, голосъ ея раздавался по всему дому. Заходила ли она въ хлѣвъ, она трещала безъ умолку, будя жизнь въ хлѣвѣ, такъ что даже коровы принимались мычать, словно имъ передавалось ея безпокойство. Звала ли она кого-нибудь на дворъ, голосъ ея слышался далеко на поляхъ, а, браня кого-нибудь изъ слугъ или дѣтей, она раздражалась рѣзкимъ крикомъ, словно въ домѣ былъ пожаръ. Жизни въ ней было много, и работа у нея спорилась. Но за что бы она ни бралась, она все дѣлала съ шумомъ и съ трескомъ.

Вначалѣ это нравилось Андерсу Югану.

— Въ этой женщинѣ есть жизнь,—говорилъ онъ съ улыбкой, которой давно никто не видалъ

на лицѣ его.—Здѣсь было слишкомъ тихо въ домѣ до нея.

Но не много времени прошло, какъ онъ сталъ тоже замѣчать, что у молодой жены его нравъ, съ которымъ шутить не приходится. Когда она была раздражена, въ ней появлялось что-то, напоминавшее дикаго звѣря, и бѣлые зубы ея сверкали, точно собирались укусить.

Раза два Андерсъ Іоганъ пробовалъ спорить со своей женой, возражать ей, чтобы поддержать свой авторитетъ мужа и хозяина дома. Но за этимъ всякій разъ слѣдовали такія сцены, что онъ впредь предпочиталъ уступать ей, хотя бы она была неправа, только чтобы не видѣть повторенія этихъ сценъ. Онъ принаравливался къ женѣ во всемъ, въ чемъ только могъ, и понемногу дошелъ до того, что радовался, когда по лицу жены могъ заключить, что на этотъ день нечего опасаться какихъ-либо сценъ.

Такимъ образомъ Андерсъ Іоганъ снова ушелъ въ себя и сталъ молчаливъ, и никогда раньше онъ не чувствовалъ себя до такой степени одинокимъ, какъ дома, такъ и въ полѣ, за работой. Само собой напрашивалось сравненіе между тѣмъ, что было раньше, и униженіемъ его настоящей жизни. Дошло до того, что Андерсъ Іоганъ чувствовалъ стыдъ передъ собственными дѣтьми при

мысли о томъ, что женщина, которая стала его женой, должна замѣнить имъ мать.

Что же случилось, что онъ такъ запутался? Какъ онъ дошелъ до всего того, въ чемъ чувствовалъ себя такимъ чуждымъ и не могъ найти свое собственное я?—Онъ нашель исцѣленіе отъ своихъ мукъ. Но это исцѣленіе внушало ему отвращеніе. Онъ нашель любовь. Но эта любовь, все снова и снова порабощавшая его, больше всего остального вызывала въ немъ отвращеніе, оставляя послѣ себя лишь чувство пресыщенія. Дошло до того, что этотъ замкнутый, вѣчно клонившійся подъ тяжестью своихъ мыслей человекъ, работая въ полѣ или на лугу, ловилъ себя на томъ, что стремится снова къ своимъ прежнимъ мукамъ, которыя онъ откинулъ отъ себя для того, чтобы ринуться въ собственную гибель.

Вотъ до чего дошелъ Андерсъ Іоганъ, и тщетно онъ пытался успокоить себя, повторяя свои-же старыя слова: „Мужику нужна жена“. Это было напрасно. Ибо онъ самъ зналъ, что это неправда. Это было вѣрно, пока онъ былъ такимъ, какимъ былъ раньше. Но то, что было когда-то, прошло. Все стало иначе. И случилось это тогда, когда онъ научился любить другую не за то, что она ему давала, а за то, какою она была. Немного времени понадобилось для того,

чтобы Андерсъ Йоганъ почувствовалъ и понялъ, сколько правды было въ словахъ, которыя онъ сказалъ Эльзѣ на прощаніе: „Я никогда тебя не забуду“.

Теперь все это прошло, но не было забыто. Теперь въ душѣ его была полная пустота. Теперь онъ даже не видѣлъ больше Эльзы, ибо дороги, ведущей мимо двора ея отца, онъ избѣгалъ совершенно, а если и встрѣчалъ иногда молодую дѣвушку, то ему нечего было сказать ей.

Разъ онъ, однако, остановился, встрѣтивъ ее, причемъ осторожно оглянулся по сторонамъ, не видить ли ихъ кто.

— Какъ тебѣ живется теперь?—спросилъ онъ.

— Спасибо,—отвѣтила Эльза, протягивая ему руку.—А тебѣ?

Андерсъ Йоганъ не смотрѣлъ на протянутую руку. Тяжело прислонясь къ забору, у котораго онъ стоялъ, онъ продолжалъ:

— Какъ это можетъ быть, чтобы человѣкъ дожилъ до такого возраста, до какого дожилъ я, когда въ первый разъ увидалъ тебя, и никогда бы не испыталъ, что значить любить. Когда я въ первый разъ былъ женатъ, я ничего объ этомъ не зналъ, и у меня не было ни одной тяжелой минуты. Ты меня научила этому, и съ этихъ поръ я никогда больше не могъ быть веселъ. Какъ это возможно?

Эльза посмотрѣла на него открытымъ взглядомъ.

— Ты долженъ молиться Богу,—сказала она.

— Я пробоваль,—сказаль крестьянинъ коротко.—Но онъ меня не слышитъ.

Эльза съ минуту молчала, она не рѣшалась спросить то, о чемъ ей хотѣлось спросить.

— Развѣ ты не любишь своей жены?—выговорила она, наконецъ.

— Да, люблю, — послышался отвѣтъ. — Она держитъ меня въ своей власти. И за это я ее ненавижу. Но этого ты не понимаешь.

Эльза при этихъ словахъ испуганно вскинула на него глаза, и теперь только она въ первый разъ замѣтила, какъ сильно Андерсъ Юганъ измѣнился за годъ съ небольшимъ. Онъ похудѣлъ, и на лицѣ его появились рѣзкія линіи. Мускулы обнажились тамъ, гдѣ раньше все было ровно и округло, и казалось, словно они двигались даже тогда, когда онъ молчалъ. Андерсъ Юганъ говорилъ сдержанно и спокойно, и Эльзѣ пришлось долго раздумывать надъ его словами, пока она поняла ихъ. Когда смыслъ ихъ сталъ ей ясенъ, она поблѣднѣла, молча повернулась и ушла.

Оба пошли каждый своей дорогой, и ни одинъ не могъ протянуть другому руку и подать ему помощь, которая принесла бы успокоеніе. Дома-же, на дворѣ, стояла Ида, не замѣченная ими; она

видѣла, что мужъ ея говорилъ съ женщиной, и узнала эту женщину. Когда Андерсъ Іоганъ пришелъ домой, работа стояла нетронутая, а Ида лежала на кровати и громко рыдала. Она ревновала. Когда мужъ хотѣлъ прикоснуться къ ней, она оттолкнула его.

— Я очень хорошо видѣла, съ кѣмъ ты говорилъ,—воскликнула разгнѣванная женщина.— Это была она, та, что была тутъ до меня и которую я не допущу сюда, пока жива.

Вдругъ она вскочила съ кровати и яростно посмотрѣла Андерсу Іогану въ глаза.

— Посмѣй только еще разъ сдѣлать это,— сказала она,—и я что-нибудь сдѣлаю надъ ней или надъ самой собой.

Андерсъ Іоганъ попробовалъ успокоить ее.

— Эльза ничего дурного тебѣ не сдѣлала,— началъ онъ.

Но жена прервала его:

— Мнѣ все равно, сдѣлала или не сдѣлала. Но впредь я не допущу ничего больше. Не даромъ я женщина.

Андерсъ Іоганъ молчалъ, потому что видѣлъ, что говорить бесполезно. Но и молчанье ему не много помогло. Съ этого дня жена начала его спрашивать объ Эльзѣ и обо всемъ, что и какъ между ними было. Она спрашивала обо всемъ, начиная съ ничтожнѣйшихъ мелочей и до круп-

ныхъ вещей, и ни одна подробность не казалась ей слишкомъ незначительной. Постоянно и упорно она возвращалась все къ [одному и тому-же. Постоянно и упорно она терзала и мучила мужа. Ею какъ будто овладѣла страстная потребность мучить только для того, чтобы доставлять мученія, и она не обращала вниманія на то, какъ ея слова падали и куда попадали. Она была тсчно исполненный злобы звѣрь, высасывающій кровь изъ другого, наслаждающійся видомъ его предсмертной борьбы, но остерегающійся нанести послѣдній смертельный ударъ. Ида понимала, что мужу доставляетъ страданіе слышать одно только имя Эльзы въ ея устахъ, и въ какой-то дикой жадѣ мучить его она постоянно возвращалась къ тому-же. Все его прошлое она вновь вызвала къ жизни и, выпытавъ у него все, что могла, объ Эльзѣ, ухватилась затѣмъ за его первую жену, никогда не уставая ставить все новые и новые вопросы. Любилъ ты ее? Какъ ты ее любилъ? Ты любилъ ее больше, чѣмъ меня?

Андерсъ Іоганъ ходилъ, словно окруженный безуміемъ и призраками, и долго ему казалось, что онъ внесъ адъ въ свой домъ. Даже дѣтей онъ не могъ защитить. Ида никогда ихъ не била, но у нея была особенная способность запугивать



ихъ, такъ что они всегда предпочитали не быть въ одной съ нею комнатѣ. Легче всего стало тогда, когда они выросли на столько, что оба могли ходить въ школу, и большую часть времени проводили внѣ дома.

Теперь Андерсъ Юганъ никогда больше не отдавался своимъ мыслямъ, потому что жена его не давала ему покоя. Если и выпадало два-три спокойныхъ дня, онъ все-таки былъ въ вѣчномъ страхѣ, что вотъ-вотъ безуміе опять прорвется у жены его. Тогда она валялась передъ нимъ на колѣняхъ, вызывала къ жизни его прошлое, смѣшивала съ грязью все, что онъ пережилъ до встрѣчи съ нею, молила и просила, чтобы онъ изъ любви къ ней отрекся отъ всего, что раньше было ему свято и дорого. Во время такихъ сценъ Ида даже не давала ему отвѣчать на ея вопросы. Она сама подсказывала ему, что ему сказать. Ни одной женщины онъ не любилъ до встрѣчи съ нею, ни жены своей, ни той другой, никого на свѣтѣ. Въ этомъ онъ долженъ поклясться ей всѣмъ, что только есть для него святого. И Андерсъ Юганъ клялся во всемъ, и презиралъ самого себя. Онъ клялся во всемъ, чего эта женщина, дикости которой онъ боялся, требовала отъ него. Онъ дѣлалъ это для того, чтобы обрѣсти хоть нѣсколько мгновений покоя, и онъ видѣлъ,

что все, что окружало его, было безуміе и грязь.

Въ концѣ концовъ вся жизнь стала, какъ тяжелый, дурной сонъ, и человекъ, судорожно метавшійся въ этомъ снѣ, раньше времени состарился и усталъ душой. Были дни, когда онъ ходилъ въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сонъ исчезнетъ, и самъ онъ проснется къ дѣйствительности. Но горевать онъ больше не могъ, еще меньше надѣяться, онъ могъ только желать, чтобы смерть дала ему избавленіе.

Въ прежнія времена Андерсъ Иоганъ рѣдко посѣщаль церковь. Въ душѣ онъ былъ христіанинъ, а любовь къ Эльзѣ научила его видѣть жизнь въ сіяніи вѣчныхъ истинъ. Но въ пастырскомъ словѣ онъ никогда не чувствовалъ серьезной потребности и рѣдко ходилъ въ церковь. Ибо въ Фурумонѣ это не было въ обычаѣ. Теперь же онъ тѣмъ чаще сталъ посѣщать церковь. Тамъ было тихо и спокойно, и порою, когда пасторъ держаль проповѣдь, слуха этого больного человека касалось какое-нибудь слово, которое, казалось ему, было обращено специально къ нему. Но охотнѣе всего онъ слушалъ игру на органѣ и пѣніе. Тогда тревога въ душѣ его утихала, и онъ устремляль взглядъ на Эльзу, которая, какъ всегда, сидѣла на своемъ постоянномъ мѣстѣ. Иной разъ въ такія минуты въ немъ вставала

мысль, что такъ несчастливо, какъ сложилась его жизнь, она не можетъ кончиться, и онъ шелъ домой съ намѣреніемъ все поправить и начать съ начала.

Послѣ двухъ лѣтъ брачной жизни у Иды родился первый ребенокъ; это былъ мальчикъ. Андерсъ Іоганъ стоялъ надъ люлькой и смотрѣлъ на ребенка. До такой степени чуждымъ казалось ему все, что онъ не могъ постичь, что этотъ ребенокъ—его ребенокъ. Но онъ надѣялся на выздоровленіе, которое должно было наступить теперь у жены. Онъ слыхалъ, что женщины, страдающія чрезмѣрной раздражительностью, успокаиваются послѣ рожденія ребенка. Тому, что первые дни послѣ родовъ жена его говорила странныя рѣчи, Андерсъ Іоганъ не придавалъ значенія. Это, думалъ онъ, отъ болѣзни.

Дни и недѣли Андерсъ Іоганъ все ждалъ, что состояніе больной поправится. Докторъ, за которымъ послали, предложилъ, чтобы больную увезли изъ дому. Но такого позора Андерсъ Іоганъ не хотѣлъ навлечь на свой домъ. Онъ терпѣливо ждалъ, но съ каждымъ днемъ убѣждался все больше, что худшее, что жизнь можетъ дать, еще ждетъ его впереди. Потому что разумокъ не возвращался къ Идѣ. Она становилась все болѣе и болѣе странной, и тревога Андерса Іогана все возрастала. Подъ конецъ онъ уже не рѣшался

уходить изъ дому, потому что боялся оставлять помѣшанную одну съ дѣтьми. Эльза пришла бы, если бы онъ послалъ за ней, это Андерсъ Іоганъ зналъ. Но могъ-ли онъ рѣшиться на это? Видь ея только ухудшилъ бы состояніе больной.

На дворѣ стояла зима, полевыхъ работъ не было, была пора отдыха. Андерсъ Іоганъ одинъ ходилъ за больной и думалъ о томъ, послать-ли снова за врачомъ, или не дѣлать этого. Онъ раздѣлялъ вѣру крестьянъ, что когда дѣйствительно круто придется, то и врачъ ничего не можетъ подѣлать, и хуже всего было бы, на его взглядъ, если бы ему, въ концѣ концовъ, пришлось отправить жену изъ дому.

Никогда прежде у него не бывало такихъ странныхъ мыслей, какъ теперь, и хуже всего было ночью, когда всѣ въ домѣ спали, кромѣ него. Тогда Андерсъ Іоганъ видѣлъ и слышалъ вещи, о которыхъ онъ долго не рѣшался рассказывать кому бы то ни было. Никогда онъ не думалъ, что человѣческое страданіе можетъ быть такъ безгранично. Онъ удалилъ отъ себя и больной жены всѣхъ и говорилъ себѣ, что то, что теперь наступило, это была кара Божія. Кара Божія была надъ нимъ, это онъ чувствовалъ и зналъ. Но почему Господь караетъ его такъ тяжело, этого онъ никогда не могъ себѣ объяснить.

Въ одну ночь Андерсъ Іоганъ сидѣлъ по обык-

новенію одинъ у постели жены. Онъ погасилъ лампу для того, чтобы больная могла успокоиться, и отъ времени до времени подбрасывалъ лишь полѣно въ печь, чтобы поддержать огонь. Все время онъ слышалъ голосъ жены, которая безостановочно говорила, жалуясь, что отдала свою любовь человѣку, который былъ ей невѣренъ. Отвратительныя слова срывались съ ея губъ, наполняя мракъ комнаты. Ему, сидѣвшему и слушавшему то, что онъ слышалъ уже столько разъ раньше, все казалось черно и мрачно, какъ внѣ, такъ и внутри его. Такъ давно уже и такъ часто онъ слышалъ все это, что слова больше не трогали его. Они производили впечатлѣніе какого-то безпорядочнаго шума среди этого мрака, въ которомъ мерцало лишь нѣсколько раскаленныхъ угольевъ. На дворѣ была снѣжная вьюга, и сквозь завыванія вѣтра доносился крикъ совы, жившей неподалеку въ дуплѣ клена.

Много ночей уже Андерсъ Іоганъ не спалъ для того, чтобы никто, кромѣ него, не видѣлъ всего этого ужаса. Но въ концѣ концовъ сонъ его одолѣлъ, и онъ тяжело заснулъ на диванѣ, на которомъ сидѣлъ, прислонивъ голову къ твердой спинкѣ его.

Сколько времени онъ спалъ, онъ не зналъ. Но онъ проснулся отъ отчаяннаго крика, раздававшегося, повидимому, извнѣ. Онъ вскочилъ. Огонь

въ печкѣ потухъ. Онъ не могъ сообразить, гдѣ онъ находится, зналъ только, что онъ двигается въ темнотѣ ощупью, и ему чудился крикъ лисы; въ комнатѣ было холодно, такъ что дрожь пробирала его, и онъ слышалъ, какъ снѣжныя хлопья ударялись объ стекла оконъ. Но почему такъ холодно въ комнатѣ? Почему онъ такъ дрожитъ? И почему лиса воетъ? Андерсъ Іоганъ чиркнулъ спичкой и дрожащими руками зажегъ лампу

Кровать жены была пуста и дверь въ сѣни открыта. Онъ вспомнилъ крикъ, который онъ услышалъ, и вдругъ замѣтилъ, какъ тихо все вокругъ. Онъ сталъ прислушиваться, но тишина еще усиливала его ужасъ. Никогда онъ не испытывалъ такого одиночества и такого страха. Ему показалось, что онъ понялъ, понялъ все въ мгновеніе ока, и, схватившись за голову, онъ пробормоталъ: „Отецъ Небесный, если бы это былъ конецъ!“ Андерсъ Іоганъ не отдавалъ себѣ отчета, что въ этотъ мигъ онъ молилъ о смерти другого человѣка, онъ ничего не зналъ, все въ головѣ его перемѣшалось.

Тихо и спокойно, чтобы не разбудить никого, онъ вышелъ прямо навстрѣчу вьюгѣ, которая залѣпила ему лицо снѣгомъ, и сталъ всматриваться въ темноту, стараясь разглядѣть что-нибудь. Ощупью онъ сталъ пробираться впередъ, пока нога его не споткнулась обо что-то мягкое.

„Господи Іисусе“, воскликнулъ онъ, „Господи Іисусе, это она здѣсь лежитъ“! Жена его лежала на снѣгу, лицомъ къ землѣ, и не двигалась. «Она мертва», подумалъ Андерсъ Іоганъ, и сердце остановилось у него въ груди. Но когда онъ прикоснулся къ ней, чтобы поднять ее, она пришла въ себя и стала сопротивляться. „Дай мнѣ здѣсь умереть, бормотала она. Я хочу умереть“. Андерсу Іогану пришлось пустить въ ходъ всю свою силу, онъ никогда не думалъ, чтобы женщина могла быть такъ сильна. На жизнь и смерть онъ боролся съ ней, чтобы не имѣть потомъ угрызений совѣсти, что онъ какъ бы помогъ женѣ покончить съ собой; уложивъ ее, наконецъ, въ постель, онъ сѣлъ около нея и крѣпко держалъ ее до тѣхъ поръ, пока члены ея не ослабли и вѣки не закрылись.

Тяжело дыша отъ невѣроятнаго напряженія, Андерсъ Іоганъ стоялъ и смотрѣлъ на эту женщину, которая была его женой, и ему захотѣлось еще разъ обратиться съ молитвой къ Богу. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, Ида снова открыла глаза и проговорила хриплымъ голосомъ:

— Ты развѣ не видишь, что я умираю?

Она хотѣла сказать еще что-то, но начала задыхаться. Голова ея съ полужакрытыми глазами

откинулась назадъ, и изъ груди вырвалось хрипѣніе.

Тогда Андерсъ Іоганъ понялъ, что это пришла смерть. Но онъ не смѣлъ вѣрить этому. Не въ силахъ сидѣть спокойно, онъ снялъ съ себя сапоги и сталъ неслышно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобы никто въ домѣ не проснулся и не нарушилъ его одиночества въ эту ужасную ночь. Долго онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, прислушиваясь къ однообразнымъ звукамъ, вырывавшимся изъ груди умирающей, и страдая отъ того, что ничего не могъ сдѣлать. Въ теченіе этихъ часовъ передъ его внутреннимъ взоромъ прошло все, что онъ выстрадалъ и пережилъ за всю свою жизнь, и ему вдругъ, — онъ самъ не зналъ почему, — показалось, что во всемъ этомъ есть какой-то смыслъ.

Эта мысль успокоила его, и когда тяжелое дыханіе умирающей замолкло, онъ закрылъ женѣ глаза. Послѣ этого онъ разразился слезами, которыя принесли ему облегченіе.

Неподвижно сидѣлъ онъ въ комнатѣ, словно пробудившись отъ долгаго горя; часы шли. Но когда занялось утро и свѣтъ лампы потускнѣлъ передъ дневнымъ свѣтомъ, онъ вышелъ на кухню, гдѣ работница спала съ дѣтьми, разбудилъ ее и сказалъ:



— Случилось; самое худшее. Ида умерла ночью.

Затѣмъ онъ велѣлъ ей приготовить ему постель въ комнатѣ, въ которой онъ жилъ въ то время, когда былъ вдовцомъ и когда въ домѣ его хозяйничала Эльза, въ той комнатѣ, которая съ тѣхъ поръ оставалась нежилой, потому что Ида этого хотѣла. Онъ легъ и, совершенно разбитый, сейчасъ-же заснулъ.

Уже смеркалось, когда онъ проснулся; близилась ночь. Еще ошеломленный тѣмъ, что случилось, Андерсъ Іоганъ одѣлся и вышелъ. На кухнѣ онъ увидалъ Эльзу, которая спокойно и неслышно, какъ въ прежнія времена, двигалась и распоряжалась по хозяйству. Мертвая была уже обряжена. Полъ въ ея комнатѣ былъ устланъ хвойными вѣтками, а окно завѣшано чистыми простынями.

Тутъ Андерсъ Іоганъ больше не могъ владѣть собой и повернулся, чтобы уйти. То, что теперь произошло, было ему не по силамъ нести.

Но Эльза пошла за нимъ и удержала его.

— Мнѣ было такъ тяжело, что я не могла придти раньше,—сказала она.—Я такъ хотѣла. Но она этого не потерпѣла бы.

Андерсъ Іоганъ долго стоялъ и смотрѣлъ на Эльзу, но ему нечего было отвѣтить ей. Онъ

только ясно чувствовалъ, что все, что раньше разлучало ихъ обоихъ, теперь исчезло.

## VI.

Долгое время послѣ смерти своей второй жены Андерсъ Юганъ ходилъ, какъ ошеломленный, и не могъ придти въ себя. Онъ какъ будто боялся другихъ людей и большей частью сидѣлъ дома. Ему казалось, что всѣ будутъ читать по лицу его, что онъ выстрадалъ, и словно начнутъ подводить итогъ всему, что онъ перенесъ съ покойницей. А этого онъ боялся, потому что въ глубинѣ души зналъ, что онъ дѣйствовалъ такъ не изъ любви къ ней, и потому что совѣсть мучила его, когда онъ вспоминалъ свои мысли у смертнаго одра жены. Много времени прошло, пока онъ очнулся отъ дурного сна, продолжавшагося два долгихъ года, съ того самаго дня, когда онъ ввелъ Иду, какъ жену, въ свой домъ. Медленно пробуждался онъ отъ этого сна, но когда это свершилось, у Андерса Югана было на душѣ, какъ у человѣка, пережившаго такъ много, что ничто болѣе ему не страшно. „Ничто болѣе“, думалъ онъ, „не можетъ мнѣ причинить горя или сразить меня. Хуже того, что тянулось такъ долго, уже не можетъ быть“. И все-же насталъ день, когда ему снова суждено было почувствовать, что онъ болѣе не старъ.

Въ этотъ день Андерсъ Іоганъ снова рѣшил-ся пойти къ Эльзѣ, и когда онъ пришелъ къ ней, она не могла больше противостоятъ этому человѣку, который все еще любилъ ее. Ей казалось, что Господь самъ понуждаетъ ее къ этому и что иначе быть не можетъ. Поэтому она дала Андерсу Іогану свое согласіе, и она почувствовала одновременно удивленіе и счастье, увидавъ, какъ засіяли при этомъ глаза этого всегда грустнаго человѣка.

— Я согласна стать твоей женой,—сказала она,—потому что я не могу еще разъ оставить тебя одинокимъ. Но ты не долженъ ставить мнѣ въ вину, если я буду не такая, какой ты хотѣлъ бы меня видѣть.

Долго они сидѣли на ступенькахъ крыльца подъ кленами, обсуждая, какъ все устроить. Это произошло въ одинъ августовскій вечеръ, когда хлѣбъ весь былъ свезенъ съ поля, а осенью у родителей Эльзы была отпразднована свадьба.

Причина, заставившая Эльзу въ концѣ концовъ согласиться стать женой Андерса Іогана, заключалась отчасти также и въ опасеніи, чтобы онъ еще разъ не сдѣлалъ изъ-за нея какого-нибудь необдуманнаго шага. Когда обнаружилась неудача его предыдущаго брака, она безпрестанно мучилась мыслью, что причиной этого несчастья она, и что, если бы она не отказала

Андерсу Іогану въ своей любви, онъ никогда не попалъ бы въ такое положеніе. Богъ самъ требовалъ отъ нея этой жертвы, и, вступая въ бракъ, Эльза не питала никакихъ надеждъ на счастье для себя.

Счастья Эльза дѣйствительно не нашла въ бракѣ, но больше всего мучило ее то, что и мужу своему она не была въ состояніи дать того счастья, котораго она, послѣ всего, что онъ перенесъ, горячо желала ему. Хуже всего было то, что она совершенно не понимала своего мужа. Онъ, бывшій всегда такимъ мягкимъ и уживчивымъ, послѣ женитьбы сдѣлался подозрительнымъ, раздражительнымъ и суровымъ. И при всемъ томъ Эльза знала, что сердце его бьется безграничной любовью къ ней.

Отъ любви своего мужа Эльза больше всего и страдала. Андерсъ Іоганъ столько времени страдалъ и боролся за то единственное, чего онъ желалъ себѣ въ жизни, что, достигнувъ этого, наконецъ, онъ какъ будто не могъ перенести, чтобы кто-либо другой, кромѣ него, смотрѣлъ на его жену или находился въ ея близости. Эльза чувствовала робость передъ мужемъ, и часто, приближаясь къ ней, онъ замѣчалъ, какъ тревога охватываетъ ее. Тогда онъ приходилъ въ угнетенное состояніе и, какъ въ дни своего несчастья, искалъ уединенія. Эльза мучилась, видя

это, но не могла преодолѣть себя, и сколько она ни слѣдила за собой, она не находила ничего, что бы она была въ состоянїи измѣнить. Достаточно было ея отцу, матери, или кому-нибудь изъ братьевъ и сестеръ придти къ ней въ гости, чтобы Андерсомъ Іоганомъ овладѣло безпокойство. Молча сидѣлъ онъ въ сторонѣ и слѣдилъ за другими, словно самъ не принадлежалъ къ ихъ обществу. Эльза-же замѣчала, что сама она въ ихъ присутствїи держалась непринужденнѣе, чѣмъ когда оставалась наединѣ съ мужемъ. И она догадывалась, что онъ сидитъ и размышляетъ о томъ, почему она болѣе рада имъ, чѣмъ ему. То-же самое бывало, когда Эльза сидѣла съ его собственными дѣтьми. Если ему случалось въ это время войти въ комнату, онъ останавливался въ дверяхъ въ нерѣшимости, словно боясь помѣшать. Что Эльза, никогда не отличавшаяся особенно крѣпкимъ здоровьемъ, работала съ утра до вечера, больше, чѣмъ ей, въ сущности, позволяли ея силы,—этого онъ, повидимому, никогда не замѣчалъ. Было только одно, что всецѣло занимало его мысли, какъ только онъ оставался одинъ. И эти мысли не покидали его ни за работой, ни во время отдыха. „Всякому“, думалъ онъ, „кто бы ни приблизился къ ней, она даетъ больше, чѣмъ мнѣ“. Дошло даже до того, что онъ иногда отворачивался съ досадой, видя, какъ

она ласкаетъ ягненка или гладить по мордѣ корову.

Андерсъ Іоганъ видѣлъ, что Эльза сдѣлалась его женой, не будучи, въ сущности, въ состояніи стать ею вполнѣ. И послѣ женитьбы онъ не сталъ ей ближе, чѣмъ былъ раньше. Въ Эльзѣ всегда было что-то, что дѣйствовало охлаждающе на него самого, даже въ минуты страсти, а когда онъ говорилъ ей о своей большой любви, она ничего не могла ему отвѣчать. Хотѣлъ ли онъ приласкать жену, она всегда уклонялась отъ этого, иногда съ выраженіемъ страха во взглядѣ, который мучилъ его больше, чѣмъ могли бы это сдѣлать всякія слова.

— Я совершенно не способна на такое чувство,—сказала ему однажды Эльза, повторяя то, что сказала ему разъ давно, задолго до того, какъ стала его женой.— Я никогда не знала этой большой, жгучей, страстной любви, о которой всѣ говорятъ, хотя многіе чувствовали такую любовь ко мнѣ. Мнѣ всегда бывало такъ тяжело въ такихъ случаяхъ и я такъ страдала отъ этого. Отчего это, я не знаю. Пожалуй, это оттого, что я всегда искала свою радость больше всего въ Богѣ.

Андерсъ Іоганъ внимательно слушалъ ее и потомъ долго раздумывалъ надъ ея словами.

— Это я не такой, какъ другіе? — сказалъ онъ, наконецъ.—Или это ты?

— Должно быть, это я, — отвѣчала она медленно.

— А можетъ быть, и ты, хотя не въ такой степени,—прибавила она черезъ нѣкоторое время.

Съ этого времени въ душѣ Андерса Югана зародилась новая мысль, настолько новая, что вначалѣ у него голова кружилась, до такой степени неслыханнымъ представлялось ему то, что въ ней заключалось. Развѣ онъ обязанъ вѣчно оставаться въ Фурумонѣ? Развѣ не найдется на свѣтѣ уголка, гдѣ бы и онъ могъ быть счастливъ? Здѣсь онъ пережилъ такъ много невыразимо тяжелаго, что самыя дороги по временамъ, казалось, начинали говорить, чтобы напомнить ему, какъ близокъ онъ былъ къ той ночи, отъ которой никто не просыпается. Голосъ надежды началъ нашептывать этому человѣку, давно уже перешедшему грань молодости, нашептывать ему, что если только онъ уѣдетъ съ Эльзой изъ этихъ мѣстъ, для нихъ обоихъ начнется новая жизнь. Можетъ быть, онъ приобрететъ тогда надъ ней ту власть, о которой онъ мечталъ, и которая никому не была дана. Тяжело казалось ему покинуть старый дворъ, гдѣ онъ родился, и мѣстность, въ которой онъ всѣхъ зналъ и гдѣ никто не желалъ ему ничего, кромѣ добра. Но еще тяжелѣе было

держатъ въ своихъ рукахъ единственное счастье, какое существовало для него, и не имѣть возможности наслаждаться имъ. Онъ твердо вѣрилъ, что если Эльзѣ не къ кому будетъ пойти, кромѣ него, то въ сердцѣ ея пробудится любовь, которая теперь спитъ, а рядомъ съ этимъ все остальное казалось ему незначительнымъ.

Въ молодости Андерсъ Иоганъ никогда не принялъ бы такого рѣшенія, какое онъ принялъ теперь. Тогда столько нитей связывало его со всѣмъ тѣмъ, что жило вокругъ него. Тогда онъ былъ еще силенъ и бодръ, жизнь не успѣла еще сломить его, и не было еще у него прошлаго, голосъ котораго могъ достигъ его. Но съ тѣхъ поръ жизнь наложила на него свою твердую руку и измѣнила его, сдѣлавъ его не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ когда-то, да и самъ онъ боролся съ жизнью и силой вырвалъ у нея то, что добровольно не давалось ему въ руки. Теперь онъ ждалъ отъ жизни только одного, и ничто другое его не привязывало къ ней. Чѣмъ больше онъ носился съ этой мыслью, тѣмъ больше росла въ немъ увѣренность, что онъ продастъ свой дворъ, и гдѣ-нибудь да найдетъ и для него уголокъ, гдѣ онъ сможетъ жить. Когда онъ высказалъ свое желаніе Эльзѣ, онъ замѣтилъ, что она поняла его и испугалась этого непреклоннаго рѣшенія бороться какой бы то ни было цѣной только для того, что-



бы завоевать ее для себя одного. Но ее испугъ обрадовалъ его, и когда она, послѣ долгихъ обсужденій, подчинилась его желанію, онъ подумалъ, что она это сдѣлала потому, что и сама лелѣяла такую же надежду, какъ и онъ.

Не легко ему было устроить все и не скоро все это сдѣлалось. Не мало нашлось людей, которые пытались отговорить его отъ его намѣренія, а въ домѣ стараго Магнуса царила большая печаль по поводу предстоящей разлуки съ Эльзой. Вся родня находила, что ее мужъ приноситъ ей только несчастье. Но Андерсъ Юганъ поставилъ на своемъ, потому что его волей руководило нѣчто, что выше человѣческаго разума и чему никто не въ силахъ противостоять. Но когда онъ заперъ за собою дверь отцовскаго дома, который больше не былъ его домомъ, и въ послѣдній разъ взглянулъ на старые клены и березы, съ ихъ листвою, сверкавшею пурпуромъ и золотомъ въ лучахъ осенняго солнца, тяжесть и грусть легли ему на душу, въ немъ вдругъ словно заговорили голоса всѣхъ тѣхъ, кто жилъ здѣсь до него и чья кровь текла въ его жилахъ. Но онъ ничѣмъ не обнаружилъ того, что чувствовалъ въ эту минуту; какъ ни въ чемъ не бывало, онъ сѣлъ въ повозку, въ которой уже сидѣла Эльза, поджидая его, и даже не оглянулся ни разу, вы-

ѣхавъ изъ Фурумона. Онъ твердо рѣшилъ никогда больше не возвращаться туда.

До самой смерти своей Андерсъ Юганъ и Эльза оставались жить въ томъ мѣстѣ, на которое они перемѣнили свой старый дворъ. Домъ лежалъ у большой дороги дальше къ югу, въ той части мѣстности, гдѣ рѣчка превращалась въ широкую рѣку, гдѣ луга были зеленѣе и поля не усѣяны камнями. Около ихъ владѣній росли орѣшникъ и дубы, окружая ихъ словно вѣнкомъ; рѣка, орошавшая поля, была глубока и богата рыбой, а въ лѣтнія ночи въ кустахъ боярышника передъ крыльцомъ ихъ дома заливались соловьи. Въ домѣ все было отдѣлано заново, и Андерсъ Юганъ не зналъ, что еще придумать, чтобы угодить Эльзѣ. Онъ развелъ садъ и засадилъ его фруктовыми деревьями, кустами ягодъ и цвѣтами. Гдѣ можно было, онъ сажалъ новыя деревья и устроилъ вокругъ всего сада сиреневую изгородь. Во всемъ онъ старался принаравливаться къ желаніямъ жены, а когда она уставала отъ работы, онъ помогалъ ей и, въ сознаніи своей силы, съ радостью бралъ на себя ея бремя.

Годы шли, и много времени прошло раньше, чѣмъ Андерсъ Юганъ рѣшился сознаться самому себѣ, что онъ не достигъ того, на что онъ такъ надѣялся. Долго онъ не хотѣлъ видѣть, что между нимъ и Эльзой ничего не измѣнилось, и что,

женатый, онъ и теперь тщетно добивался ея любви, какъ и прежде, до того, какъ она стала его женой.

Но съ этихъ поръ сердце Андерса Югана ожесточилось и къ Эльзѣ, и ко всему, что составляло его жизнь. Онъ столько боролся и страдалъ безъ всякой пользы для кого бы то ни было, жизнь его прошла, казалось ему, не давъ никому ни малѣйшей радости. Дѣти выросли, одинъ за другимъ; они предъявляли свои собственныя требованія, добивались требуемаго, женились и уѣзжали. Всѣ принимали отъ Андерса Югана, но никто ничего ему не давалъ. Пустой и бѣдной представлялась ему его жизнь, полной ошибокъ и полной надеждъ, которыя никогда не сбывались.

Такъ озлобленъ онъ былъ противъ Эльзы, что если что-либо занимало его мысли или онъ нуждался въ совѣтѣ, онъ часто обращался къ дочери отъ перваго брака, Мартѣ, которая еще жила дома и помогала Эльзѣ въ хозяйствѣ. Но онъ дѣлалъ это не потому, чтобы это доставляло ему удовольствіе, а для того, чтобы показать Эльзѣ, что онъ можетъ обойтись безъ нея. Сознаніе своей несправедливости дѣлало его еще несчастнѣе, и не разъ онъ желалъ, чтобы Эльза причинила ему какое-нибудь зло, для того чтобы онъ имѣлъ случай ее простить. Но такого случая не представлялось. Тихо и кротко, какъ всегда,

двигалась Эльза по дому. Единственное, что еще поддерживало въ Андерсѣ Іоганъ бодрость, это то, что онъ никогда не жалѣлъ, что продалъ свой дворъ и переселился сюда. Никогда его не тянуло назадъ, на ту землю, которую онъ когда-то съ такой радостью воздѣлывалъ, мечтая передать ее въ возможно лучшемъ видѣ своему старшему сыну. Напротивъ, онъ былъ радъ, что никто изъ тѣхъ, которые знали его раньше, не видѣли его теперь и не имѣли возможности проводить сравненія. Въ этомъ сознаниі Андерсѣ Іоганъ находилъ громадное успокоеніе.

Когда Андерсѣ Іоганъ и Эльза въ послѣдній разъ говорили обо всемъ томъ, что было между ними, они оба были уже стары и разладъ, въ которомъ они провели свою жизнь, начиналъ сглаживаться.

— Я никогда не могла быть такою, какою ты хотѣлъ меня видѣть,—сказала Эльза. — И этимъ я причинила тебѣ много зла. Господь Богъ не всѣхъ людей создаетъ одинаковыми, и я думаю иногда, что именно потому и была счастлива, что никогда ничего не знала о такой пылкой любви, какъ ты. Но бывали времена, когда я жалѣла, что не могу удовлетворить тебя. Мнѣ кажется также, что я рада, что у насъ не было дѣтей. Потому что я не годилась быть матерью.

— Теперь все это дѣло прошлое,—отвѣтили мужъ,—и мы оба уже стары.

Странными путями ведетъ насъ жизнь,—различными для каждаго человѣка. Далеко стоимъ мы другъ отъ друга, и то, что одинъ человѣкъ всю свою жизнь хочетъ сказать другому, часто такъ и не сходитъ съ его языка. Немного мы знаемъ другъ о другѣ, и то, что мы думаемъ, что знаемъ, часто невѣрно. Но, несмотря на это, люди могутъ идти рядомъ въ жизни. Такъ было и съ Андерсомъ Іоганомъ и Эльзой, какъ различно они ни чувствовали, но дальше, какъ къ дружбѣ, это различіе въ чувствахъ не могло ихъ привести. Андерсъ Іоганъ умеръ первый. Это случилось въ одинъ весенній вечеръ, какъ разъ, когда прилетѣли первые жаворонки. Но въ послѣдній часъ его, когда, говорятъ, все, что человѣкъ пережилъ въ жизни, проходитъ передъ его мысленнымъ взоромъ, въ этотъ часъ съ Андерсомъ Іоганомъ произошло нѣчто чудесное: казалось, будто въ этотъ часъ онъ помнилъ не то, что онъ пережилъ, а только то, о чемъ онъ мечталъ. Вся жизнь представилась его внутреннему взору словно подмѣненной, такой, какой она никогда не была. Ни о комъ другомъ онъ не говорилъ, какъ только объ Эльзѣ, и ни о комъ другомъ не вспоминалъ. Вся горечь, всѣ разочарованія, вся скорбь и печаль его жизни—все это

го какъ будто не бывало. Онъ, который въ жизни всегда былъ мраченъ и недоволенъ, теперь, передъ лицомъ смерти, сталъ терпѣливъ къ страданіямъ и кротокъ, какъ дитя, и никто не могъ понять, гдѣ онъ бралъ тѣ слова, въ которыя онъ облакалъ мечту объ Эльзѣ и себѣ самомъ.

— Ты всю мою жизнь дѣлала меня счастливымъ,—сказалъ онъ,—но ты не повѣришь, какъ я радъ умереть.

Эльза сидѣла и слушала его, и когда Андерсъ Юганъ замолчалъ, она взглянула на него; сѣдой и сморщенный, лежалъ онъ, слабо шевеля на одѣялѣ исхудалыми пальцами. Въ эту минуту онъ представился ей вдругъ такимъ, какимъ она видѣла его въ тотъ день, когда они встрѣтились въ первый разъ; онъ былъ тогда въ печали и былъ молодъ, но называлъ себя самого старымъ. Съ тѣхъ поръ силы и молодость возвращались къ нему два раза, но печаль не покидала его. Сидя у его постели и чувствуя приближеніе великаго спокойствія, которое приноситъ смерть, Эльза подумала, что самое большое зло, какое было у Андерса Югана въ жизни, причинила ему она, и все-же она знала, что никогда не желала ему ничего, кромѣ добра.

Тихо лежалъ умирающій и больше не говорилъ. „Душа его уже въ пути“, подумала Эльза. „Теперь никто больше не можетъ ему причинить

зла“. При этой мысли въ душѣ ея поднялась печаль, которой она не могла найти имени, и, не зная, какъ отъ нея избавиться, она достала съ полки библию, старую книгу, въ которой она такъ часто читала, оставляя въ томъ или другомъ мѣстѣ закладки для памяти. Она раскрыла книгу на Посланіи, которое она помнила, и, найдя его, стала читать вполголоса, про себя:

„Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звучащая и кимвалъ звонящій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны и имѣю всѣ познанія и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, то сіе ни къ чему не послужитъ мнѣ“.

Дальше Эльза не могла читать. Ибо слезы застлали ей глаза и закапали на листы старой книги. Въ эту минуту Андерсъ Іоганъ раскрылъ глаза и сдѣлалъ движеніе, словно хотѣлъ что-то сказать. Эльза наклонилась къ его губамъ и, сдерживая дыханіе, ждала его словъ. Ибо она видѣла, что онъ дѣлаетъ громадныя усилія, чтобы сказать ихъ, и ей казалось, что если ему удастся выговорить эти слова, они останутся ей утѣшеніемъ на всю жизнь.

Но Андерсъ Іоганъ не смогъ произнести этихъ

словъ, несмотря на всѣ усилія. Въ то время, какъ губы его еще шевелились, взглядъ его вдругъ потухъ, и лицо застыло и стало неподвижнымъ.

Недоумѣніе охватило одинокую женщину: почему Богъ отказалъ ей въ этомъ утѣшеніи?—и она молчаливо наклонилась надъ мертвымъ. Несмотря на всю печаль, переполнявшую ей сердце, она слезъ не находила.

Но, сидя около мертваго, она поняла, что ничего изъ того, что было, не могло быть иначе. Незамѣтно это сознаніе обволакивало ея душу, все снова и снова она возвращалась къ этой мысли и находила въ ней утѣшеніе. Никогда, казалось ей, она не видала жизни такъ ясно, какъ видѣла ее теперь. Ее даже не смущало больше, что она не слышала послѣднихъ словъ мужа. Ей казалось, будто она ихъ и безъ того знаетъ. И чѣмъ больше она думала объ этомъ, тѣмъ легче становилось у нея на душѣ, пока слезы не полились изъ ея глазъ и дали исходъ печали. Ясное сознаніе, что ничто не могло быть иначе, чѣмъ было, наполнило Эльзу чѣмъ-то страннымъ и новымъ, отъ чего она чувствовала себя ближе къ мужу, чѣмъ была ему когда-либо при жизни.

Въ этотъ часъ все стало ей понятнымъ, и она увидала, что никогда между ними обоими не было



ничего, кромѣ красоты и добра. „Можетъ быть, это было не то, что люди называютъ счастьемъ“, сказала она самой себѣ. „Но это было больше того“.

И словно мысли мертваго могли еще дойти до нея, она услышала въ душѣ своей голосъ, прошептавшій ей:

— Вотъ что онъ хотѣлъ сказать и не могъ.

Тихо, полная удивленія, Эльза вышла изъ комнаты и спустилась съ крыльца. Слуха ея коснулся странный шумъ: это шумѣли и пѣли въ весеннемъ разливѣ воды рѣки, бѣжавшей изъ лѣса, на опушкѣ котораго лежали старые Фурумонскіе дворы.

Миръ проникъ въ душу Эльзы, всѣ горькія сомнѣнія ея разсѣялись, и на душѣ у нея стало ясно и спокойно.

## 2. Тайна лѣса.

Дологъ былъ путь до Озера Камышей. Сначала приходилось пробираться густымъ лѣсомъ по узенькой стезѣ, выходящей среди высокихъ сосенъ и временами пробѣгающей по голымъ скаламъ. Тамъ, гдѣ скалы понижались, начиналось Бѣлое Болото; на кочкахъ возвышались крохотныя сосны-карлики, а когда начиналъ цвѣсти верескъ, воздухъ кругомъ былъ напоенъ прянымъ ароматомъ, привлекавшимъ со всѣхъ сторонъ насѣкомыхъ. Не мало приходилось идти и Болотомъ, а когда, наконецъ, снова начинались горы и съ вершины ихъ взорамъ путника открывалась, сквозь рѣдѣющій лѣсъ, ясная, какъ зеркало, спокойная поверхность воды въ одѣтыхъ елями берегахъ, онъ все еще былъ далекъ отъ цѣли. Ибо хуторъ лежалъ по ту сторону воды. Чтобы добраться до него пѣшкомъ, надо было продѣлать еще длинный путь. Но если остановиться на берегу, въ томъ мѣстѣ, откуда виденъ весь хуторокъ со своими маленькими пашнями и хвойнымъ

лѣсомъ, замыкающимъ низенькую хижину и на-  
кренившійся на бокъ хлѣвъ, крикнуть достаточно  
громко и затѣмъ терпѣливо ждать, то черезъ нѣ-  
которое время на другомъ берегу покажется ма-  
ленькій, согорбленный старичекъ въ остроконеч-  
ной красной шапкѣ и шерстяной курткѣ, осто-  
рожно спустится съ каменистаго пригорка и от-  
вяжетъ зыбкій челнъ, чтобы переправить зовущаго.

Плывя по этому крохотному озеру, невольно  
задаешь себѣ вопросъ, почему оно названо Озе-  
ромъ Камышей. Въ сущности-то и озеромъ его  
нельзя назвать; это просто небольшое простран-  
ство воды, производящее впечатлѣніе чего-то осо-  
бенно яснаго, милаго и привѣтливаго послѣ про-  
должительной ходьбы среди лѣсныхъ сумерекъ,  
въ чащѣ елей съ ихъ густо обвитыми длиннымъ,  
сѣрымъ, мохнатымъ ягелемъ стволами. Точно  
такъ же и камыша сразу не замѣтишь. Берега пред-  
ставляютъ собою крутыя скалы, подъ которыми  
въ тихой, неподвижной водѣ отражаются ели,  
растущія на черноземныхъ вершинахъ ихъ. Лишь  
дальше, въ глубинѣ маленькой бухты, тамъ, гдѣ  
озеро огибаетъ скалу, въ концѣ лѣта зеленѣетъ  
небольшое пространство камыша, въ которомъ  
каждой весной нѣсколько дикихъ утокъ свиваютъ  
свои гнѣзда и выводятъ птенцовъ, послѣ чего  
попрежнему безмятежно и безбоязненно продол-  
жаютъ плавать по спокойному зеркалу воды.

Яковъ, сидящій, согнувшись, на веслахъ и перевозящій путника на другой берегъ, никогда не умѣлъ стрѣлять изъ ружья. По крайней мѣрѣ онъ самъ такъ говоритъ, хотя изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, что это, какъ и многое другое, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ истинѣ. „Когда я былъ молодъ“, говорилъ онъ, „я не разъ пробовалъ. Но изъ этого никогда ничего не выходило. У меня былъ какъ-бы особый порокъ: я никогда не могъ научиться прищуривать одинъ глазъ. Потому я и не могъ стрѣлять. Теперь-то я умѣю щурить и одинъ, и оба глаза. Но теперь я ужъ слишкомъ старъ, чтобы учиться стрѣлять. Пусть ужъ такъ и будетъ, какъ было до сихъ поръ“.

Утки очень хорошо знаютъ, что спокойствіе ихъ не будетъ нарушено. Не обращая никакого вниманія на приближающуюся лодку, онѣ плывутъ со своими утками прямо къ пристани, роются на берегу, ища рыбныхъ потроховъ и картофельной шелухи, гогочутъ, ныряютъ, бесѣдуютъ другъ съ другомъ и вообще держатъ себя какъ домашнія птицы. Якову приходится разгонять ихъ для того, чтобы пристать къ берегу.

Не одного путника Яковъ такимъ образомъ переправилъ на своемъ вѣку черезъ озеро, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ концѣ концовъ число пользовавшихся его услу-

гами для переправы стало весьма значительно. Яковъ такъ долго жилъ на хуторѣ у Озера Камышей, что никто, даже онъ самъ, не могъ бы сказать, когда онъ тамъ поселился. Впрочемъ, чужіе рѣдко появляются на хуторѣ. Для этого путь туда слишкомъ дологъ, да и тому, кто живетъ у Озера Камышей, нечего предложить путнику. Или вѣрнѣе говоря,—ему нечего было предлагать, когда онъ тамъ жилъ. Ибо теперь Якова давно уже нѣтъ въ живыхъ, да и жены его тоже. Избушка пришла въ запустѣніе, пашня зарастаетъ сорной травой и снова становится пустошью. Въ этой лѣсной глуши, у Озера Камышей, теперь не поселится ни одинъ человѣкъ, имѣющій свободу выбора. Въ прежнія времена было гораздо больше людей на свѣтѣ, любившихъ одиночество и не боявшихся пустынныхъ мѣстъ.

Яковъ и жена его были два старыхъ чудака-отшельника, какіе еще изрѣдка встрѣчаются въ глубинѣ лѣсовъ, вдали отъ человѣческихъ жилищъ, и захоти они рассказать о своей жизни, они могли-бы повѣдать много страннаго. Ибо Мартина была изъ тѣхъ женщинъ, которымъ показывались и лѣсная русалка, и водяной; о блуждающемъ огонькѣ, свѣтящемся надъ Бѣлымъ Болотомъ, она, если-бы хотѣла, могла-бы тоже кой-что поразсказать, и ни одинъ шопоть и шорохъ лѣсной, ни одинъ стонъ и вздохъ, проносащійся

холодной, звѣздной зимней ночью надъ замерзшимъ озеромъ,— ничто, ничто не ускользало отъ ея слуха и зрѣнія. Во всемъ этомъ Мартина прекрасно разбиралась, и любую чертовщину она умѣла толковать гораздо лучше, чѣмъ какое-нибудь дѣйствительное событіе изъ своей собственной однообразной жизни. Но понятнѣе всего ей были все таки тѣ крохотныя существа, которыя копошились и возились всюду кругомъ въ кустахъ и густой заросли, выводили ее на дорогу въ лѣсу и разставались съ ней лишь, когда она вынимала ключъ изъ обычнаго мѣста въ щели подъ окномъ. Тогда они неслышно и проворно убѣгали на своихъ легкихъ ножкахъ, радуясь, что могли провожать ее до самаго дома. И если въ дали, за одѣтыми въ снѣжную ризу елями, раздавался волчій вой, Мартина знала, кому она обязана тѣмъ, что благополучно и невредимо добралась до дому. Яковъ всегда молча слушалъ, когда жена его рассказывала о подобныхъ вещахъ, и лишь изрѣдка кивалъ головой, словно желая дать словамъ жены подтвержденіе, котораго они заслуживали и въ которомъ, можетъ быть, нуждались. Но чаще всего онъ не принималъ никакого участія въ подобныхъ разговорахъ и лишь сидѣлъ, неподвижно устремивъ взглядъ впередъ, словно видѣлъ что-то, чего никто другой не могъ видѣть; иногда въ такихъ случаяхъ

лицо его принимало строгое, почти гнѣвное выраженіе, какъ если-бы онъ хотѣлъ сказать: „Зачѣмъ ты рассказываешь о подобныхъ вещахъ людямъ, которые сами ничего не видѣли? Что эти люди знаютъ о лѣсѣ?“

Въ молодости Яковъ былъ угольщикомъ и всегда зарабатывалъ столько, что ему никогда не приходилось ложиться бременемъ на другихъ. Мартина собирала ягоды, продавала корзины, которыя сама плела, занималась въ сосѣднія селенія на домашнія работы передъ Рождествомъ и Пасхой и была хорошо извѣстна по всей окрестности. Ибо она всегда давала полную мѣру, ягоды у нея всегда были свѣжія, только-что сорванныя, и, покупая у нея, никогда не приходилось бояться, что, опорожнивъ корзину, найдешь на днѣ незрѣлыя ягоды. Корзины ея были прочны и хорошо сработаны, да и въ искусствѣ печь и варить Мартина была тоже свѣдуща, хотя и жила такъ далеко отъ жилыхъ мѣстъ. Никогда путь не казался ей слишкомъ далекимъ, и если она и немного знала о томъ, что написано въ книгахъ, зато она знала много другого, о чемъ охотно рассказывала всякому, кто хотѣлъ слушать.

Впрочемъ, и Яковъ тоже не сидѣлъ сложа руки. Лѣснымъ звѣрямъ онъ разставлялъ силки, да и стрѣлялъ ихъ также, вопреки собственнымъ словамъ. Находились люди, которые помнили еще,

что во времена молодости Якова не было никого, кто-бы вѣрнѣе его цѣлился и былъ бы ловчѣе съ стрѣльбѣ. Свое старое ружье онъ держалъ спрятаннымъ за кроватью, а исторія о томъ, что онъ въ молодости не умѣлъ сощурить одинъ глазъ, навѣрное, была выдуманна, потому что Яковъ любилъ самъ выбирать время для охоты и никогда не могъ примириться съ тѣми ограниченіями, которыя налагали на его согражданъ законы объ охотѣ. Коротко говоря, Яковъ въ свое время былъ малый хоть куда. Три сына его покинули маленький домикъ у Озера Камышей и сдѣлались рабочими въ далекихъ мѣстахъ, гдѣ можно было больше заработать и гдѣ никто не слышалъ, о чемъ шепталъ лѣсъ.

Объ этихъ дѣтяхъ Яковъ и Мартина часто говорили вначалѣ, въ долгіе зимніе вечера, когда такъ тихо становилось вокругъ нихъ и никто никогда не заходилъ къ нимъ. Но годы шли своимъ чередомъ; Бѣлое Болото и озеро передъ ихъ окнами много разъ замерзали, и много разъ прилетали и улетали дикія утки. Но вокругъ обоихъ стариковъ была такая тишина, словно нѣкогда этотъ пригорокъ, спускающійся къ озеру, не видалъ играющихъ дѣтей; и чѣмъ дольше длилась эта тишина, тѣмъ тѣснѣе Яковъ и Мартина привязывались другъ къ другу, забывая, что вѣкъ ихъ существуетъ еще цѣлый міръ, и находя вполне



въ порядкѣ вещей, что никто не вспоминаетъ о нихъ,—о нихъ, почти совершенно забывшихъ обо всѣхъ другихъ.

Лѣсъ пѣлъ свою пѣсню обоимъ старикамъ, и то небольшое, что они требовали отъ жизни, они и имѣли, до тѣхъ поръ, пока Якову однажды не пришлось слечь въ постель. Какой болѣзнью онъ страдалъ, этого ни одинъ изъ нихъ не зналъ; но началось это съ того, что, когда ему приходилось далеко идти или долго стоять; на мѣстѣ, у него появлялась странная боль въ ногахъ, и однажды утромъ, когда онъ всталъ, оказалось, что онъ не можетъ больше держаться на ногахъ и долженъ остаться въ постели.

— Тебѣ придется теперь заботиться объ насъ обоихъ, Мартина,—сказалъ Яковъ.—Когда я поправлюсь, ужъ ты отдохнешь.

Съ тѣхъ поръ, что Яковъ слегъ, многого въ домѣ стало нехватать. Изъ лѣсу никто больше не приносилъ домой дичи, и въ озерѣ никто не ловилъ рыбы. Дрова тоже не доставлялись на домъ сами собой, не было также и батрака, чтобы сдѣлать на льду прорубь. Но хуже всего было съ кормомъ для коровы. Мартина возилась, косила, гдѣ и что только могла, и таскала домой. Но все это было для нея слишкомъ обременительно. Не разъ случалось, что она подолгу сидѣла въ лѣсу и плакала, потому что не хо-

тѣла плакать дома. Яковъ все лежалъ, и еще хорошо, что онъ былъ всегда терпѣливъ и ласковъ. Иначе Мартина не выдержала бы этого.

Въ концѣ концовъ пришла и самая большая бѣда: въ одну изъ зимъ корова подохла съ голоду. Мартинѣ не оставалось теперь ничего другого, какъ пойти по окрестнымъ мѣстамъ просить милостыню. Тяжело ей это было, ей, которая никогда никого ни о чемъ не просила. Маленькая и сгорбленная, она казалась словно съезжившейся; она шла быстро и, когда останавливалась въ томъ или другомъ мѣстѣ, торопилась скорѣе уйти, насколько позволяла вѣжливость. Мартина не знала покоя и не давала себѣ ни одной минуты отдыха, покуда была внѣ дома. Тамъ, дома, лежалъ Яковъ и даже не могъ перейти черезъ комнату, чтобы развести огонь, когда къ вечеру становилось холоднѣе. Да и бдыто у него только и было, что тѣ крохи, которыя она ставила передъ нимъ, уходя изъ дому. Горе и забота были написаны на лицѣ Мартины, покуда она шла отъ дома къ дому, съ кувшиномъ для молока въ рукѣ и нищенской сумой за плечами; и собаки, завидя ее, выскакивали изъ-за воротъ и съ лаемъ кидались на нее.

Цѣлыхъ два года Мартина ходила такимъ образомъ, и за все это время Якову не становилось лучше. Правда, и хуже не становилось. Въ

концѣ концовъ исчезла всякая разница между днемъ и ночью, лѣтомъ и зимой, солнечнымъ свѣтомъ и дождливой погодой. Жизнь превратилась въ одинъ долгій горестный день, которому не предвидѣлось конца.

— Если бы мнѣ хоть умереть,—говорилъ иногда Яковъ.—Тебѣ все-же стало бы легче.

При этихъ словахъ Мартину охватывала такая слабость, что она не могла сдержать слезъ, несмотря на все желаніе.

— Что бы случилось со мной, если бы ты умеръ?—говорила она.

Въ глубинѣ души она чувствовала, что такъ скверно, какъ теперь, не могло бы быть и тогда. Но сказать это ему, который вѣчно лежалъ и былъ такъ беспомощенъ,—этого она не могла.

Былъ лѣтній день. Мартина возвращалась домой изъ сосѣдняго села. Не много у нея было съ собой. Люди устаютъ давать тому, кто часто просить о помощи. А просить милостыню тяжелая задача для того, кто больше не чувствуетъ радости жизни. Поэтому сума, висѣвшая у нея за спиной, не оттягивала ей плечъ, да и кувшинъ съ молокомъ, который старушка несла въ рукѣ, былъ не слишкомъ тяжелъ. Солнце жгло, когда Мартина подходила къ Бѣлому Болоту. На кочкахъ поспѣвала морошка; вдали, въ соснякѣ, стучалъ дятель. Пройдя нѣсколько шаговъ, Мар-

тина наклонилась, чтобы посмотреть на зеленую еще бруснику. Кругомъ все хорошо знакомыя мѣста,—и она невольно наклонялась надъ кочками и все смотрѣла и смотрѣла. О, сколько незрѣлыхъ еще ягодъ всюду! И какъ славно поспѣваетъ голубика! Да, только она-то сама не можетъ больше собирать и продавать, какъ прежде, ей приходится теперь ходить по окрестнымъ селамъ и просить милостыню, потому что она не въ состояніи одновременно ухаживать за больнымъ мужемъ и работать за двоихъ. Какъ здѣсь тихо, и какъ уединенно! Мартина скинула съ плечъ суму, поставила около себя кувшинъ и опустилась на землю. Какъ она устала, устала жить. Если бы теперь явилась къ ней лѣсная русалка и предложила ей что-нибудь! Или онъ, котораго она даже мысленно не хочетъ назвать по имени, онъ, который всегда является въ минуты большой нужды! Почему онъ теперь не является? Почему она ничего не видитъ? Она, которая такъ много умѣла видѣть? Почему она не слышитъ даже лѣсной мелюзги въ кустахъ, она, которая прежде такъ хорошо слышала? Почему лѣсъ молчитъ? И почему не находится ни одного человѣка, который бы пошелъ за ней и посмотрѣлъ, какъ ей живется, и облегчилъ бы хоть сколько-нибудь то бремя, котораго старая женщина не въ состояніи нести сама?

Но лѣсъ кругомъ молчалъ. Только гдѣ-то далеко тетеревъ - глухарь токовалъ и хлопалъ крыльями объ сосновыя вѣтви, стараясь подняться съ дерева; да откуда-то донеслось до Мартины рѣзкое, пронзительное воркованіе голубей, да крикъ той странной птицы, имени которой она никогда не слыхала, крикъ, напоминающій горестный вопль человѣка. Затѣмъ снова все стихло. Лѣсъ молчалъ, и ничего не было кругомъ, кромѣ деревьевъ, хвои, солнечнаго свѣта, мухъ, мха и сѣраго лишая. Воздухъ дрожалъ отъ зноя, и все вокругъ было такъ неподвижно, что Мартинѣ сдѣлалось страшно.

Мартинѣ, которая всю жизнь прожила въ лѣсу, которая слыхала крикъ лисы въ зимнія ночи и видѣла не разъ, какъ волкъ въ ясную, звѣздную ночь, въ трескучій морозъ, словно какой-то сѣрый призракъ, бродилъ неслышно вокругъ запертаго хлѣва,—Мартинѣ теперь, въ первый разъ въ жизни, стало страшно оставаться одной въ лѣсу. Слово деревья слишкомъ близко обступили ее, словно слишкомъ тихо стало вокругъ нея, слишкомъ пустынно, слишкомъ уединенно, слишкомъ спокойно. Дрожа она поднялась, чтобы пойти дальше. Дрожа закинула суму за спину и взяла кувшинъ. Дрожа остановилась неподвижно, прислушиваясь къ этому глубокому молчанію, звучащему, какъ одинъ единственный

тяжелый, ничѣмъ не прерываемый вздохъ. Шатаясь, она невѣрными шагами пошла дальше, не останавливаясь, пока не дошла до берега, гдѣ стоялъ ея шаткій челнъ. Торопливо сѣла она въ него и отчалила отъ берега. Но всякій разъ, что она оборачивалась, ей казалось, будто чьи-то руки хотятъ ее схватить. Лѣсные пни, древесные корни, старыя, полуобвалившіяся деревья, обросшіе мхомъ камни и круглые мохнатые кусты можжевельника, растущіе у самой подошвы холма,— всѣ они вдругъ ожили, и всѣ молчали, молчали такъ, что наполняли воздухъ кругомъ своимъ молчаніемъ; и казались они какими-то отвратительными призраками, въ окаменѣломъ молчаніи строившими рожи и смѣявшимися надъ ея несчастьемъ. Мартина быстро переѣхала черезъ длинное, узкое озеро. Она слышала утокъ, гоготавшихъ ей вслѣдъ свое га-га, утокъ, которыхъ у Якова никогда не хватало духу стрѣлять. Но она не обернулась, чтобы взглянуть на нихъ, она только вытащила челнъ на берегъ и скорѣе побѣжала, чѣмъ пошла, мимо прибрежной ольхи, навѣрхъ, къ избушкѣ. Казалось, будто молчаніе лѣса кричало ей вслѣдъ и гнало ее впередъ.

Дома Яковъ лежалъ въ своей постели, какъ лежалъ уже цѣлыхъ два года; когда Мартина вошла въ комнату, онъ даже не открылъ глазъ. Все еще дрожа всѣмъ тѣломъ отъ пережитаго въ

лѣсу страха, она подошла къ очагу, напихала въ печь хворосту и сухихъ вѣтокъ и развела огонь. Пламя освѣтило темную комнатку, маленькія окна которой пропускали такъ мало свѣта. Но до того угла, гдѣ находилась голова Якова, лучи пламени не добрались, и Мартина со своего мѣста не могла разглядѣть, спитъ-ли еще больной или проснулся.

— Это ты, Мартина?—раздался вдругъ голосъ Якова изъ угла у окошка.—Ты такъ долго не приходила.

— Я устала и посидѣла въ лѣсу, чтобы отдохнуть,—отвѣтила жена.—Какъ тебѣ сегодня?

— Какъ всегда,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Голосъ Якова звучалъ такъ ясно и такъ мягко, что Мартина подошла поближе взглянуть на мужа.

— Я, кажется, соснулъ, — продолжалъ старикъ.—Это оттого, что я такъ долго лежалъ одинъ и думалъ.

— О чемъ ты думалъ?—спросила Мартина.

Странно! Словно лѣсъ послѣдовалъ за нею и сюда, въ комнату, а съ нимъ — и прежній страхъ.

Яковъ повернулъ голову, чтобы лучше видѣть. Свѣтъ падалъ теперь прямо на его лицо. Это было исхудалое и сѣрое лицо, какое бываетъ у человѣка, долго не выдававшего солнечнаго свѣта. Но старые глаза его блестяли.

— Я бы хотѣлъ еще разъ увидать солнце

раньше, чѣмъ умру,—сказалъ онъ.—Я всегда любилъ солнце и спокойное озеро и лѣсъ надъ нимъ. Какъ ты думаешь, хватитъ у тебя силъ снести меня туда, если я самъ буду помогать, насколько смогу?

Мартина подошла ближе и сѣла на край кровати.

— Зачѣмъ тебѣ туда?—сказала она.

Яковъ посмотрѣлъ на нее взглядомъ, который вдругъ сталъ такъ странно-ясенъ.

— Я хочу умереть, — сказалъ онъ. — И ты должна мнѣ помочь. Ты не должна пугаться, что я прошу тебя объ этомъ. Умереть не можетъ быть такъ трудно. Жить я больше не въ силахъ. А когда меня не будетъ, тебѣ не придется больше ходить по окрестнымъ деревнямъ и вымаливать жизнь для меня,

Снова показалось Мартинѣ, что страхъ послѣдовалъ за нею изъ лѣсу сюда, въ комнату. Она сложила руки: сухія, старыя, сморщенные руки. Мартина поняла, чего больной хотѣлъ; ей казалось, словно она слышала, какъ Яковъ просилъ ее объ этомъ еще гораздо раньше, чѣмъ слово было сказано; въ окно ей видна была спокойная поверхность Озера Камышей, освѣщенная лучами солнца.

— Ты должна снести меня внизъ, въ челнъ,—сказалъ старикъ,—и спустить его на воду. По-



томъ ты должна вернуться сюда и больше не выглядывать.

Яковъ искалъ глазами взгляда жены, безпокойно, какъ дитя, которое просить объ исполненіи своего самаго горячаго желанія. Мартина все сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, и ей вдругъ стало казаться, что иначе оно и быть не можетъ. Такъ вотъ чѣмъ лѣсъ ее пугалъ, такъ вотъ о чемъ она думала, сидя въ лѣсу, тамъ, гдѣ кончается Бѣлое Болото и гдѣ начинается дорога въ гору среди сосенъ.

— Когда ты хочешь? — спросила она, и слезы закапали изъ ея старыхъ глазъ.

— Теперь солнце свѣтитъ, — сказалъ Яковъ.

И голосъ его снова прозвучалъ нетерпѣливо, какъ у ребенка, который не желаетъ ждать.

— Цѣлыхъ два года я лежалъ здѣсь и только объ этомъ думалъ.

Тогда Мартина сѣла у окна и принялась думать, насколько позволялъ ей ея разумъ. Въ книгахъ она немного читала и немного она знала. Долго она сидѣла такъ, и Яковъ не мѣшалъ ей думать.

Наконецъ, Мартина поднялась и, выглянувъ въ окно, увидала, что солнце еще свѣтитъ. Тогда она, не говоря больше ни слова, подошла къ своему старому мужу, съ которымъ она прожила больше полу-вѣка, цѣлую человѣческую жизнь, и

подняла его съ постели. Затѣмъ она вынесла его изъ комнаты и посадила на крыльцѣ. Худымъ и тонкимъ сталъ онъ за время болѣзни, и нести его было не тяжело. Здѣсь, на крыльцѣ, Яковъ сидѣлъ и смотрѣлъ на солнце, на лѣсъ и озеро и на все, что онъ раньше называлъ своимъ.

— Если можешь, помоги мнѣ дальше, — проговорилъ онъ, наконецъ.

Мартина снесла своего увѣчнаго мужа внизъ, къ берегу, и усадила его въ челнъ. Но когда она это сдѣлала, ноги у нея подкосились, и она опустилась на землю; она взяла Якова за руку, но говорить она не могла.

— Оттолкни челнъ, — заговорилъ Яковъ вполголоса, — и когда сдѣлаешь это, вернись обратно домой и не оставайся здѣсь. Возьми дома книгу и читай ее. Господь Богъ пойметъ это, Онъ, который знаетъ, каково намъ съ тобой было.

Тогда Мартина взяла руку Якова и пожала ее на прощанье. Затѣмъ она оттолкнула челнъ отъ берега и подождала, пока не увидала, что челнъ вынесло на глубокое мѣсто. Послѣ этого она одна стала подыматься наверхъ. Придя домой, она достала старую книгу и принялась ее читать. Это была не библия, книга, которую она читала. Это былъ *Томас Кемпийскій*. Но въ глазахъ Мартины обѣ эти книги были одинаково значительны, а другихъ у нея никогда не было.

Вполголоса старуха начала разбирать непонятныя слова книги. Медленно и съ запинками подвигалось чтеніе, и чуждыми казались ей знакомыя слова, которыя она находила въ книгѣ. Въ ея время немногому учили въ школахъ, да и большую часть того, чему Мартина училась, она успѣла давно забыть. Мысли ея бѣжали прочь отъ словъ, которыя она читала, но вмѣстѣ съ тѣмъ она находила какое-то утѣшеніе въ этихъ чуждыхъ словахъ, можетъ быть, именно потому, что такъ мало понимала въ нихъ. Начитавшись вдовсталь, она осторожно поставила книгу обратно на полку. Послѣ этого она опять спустилась къ берегу и увидала, что челнъ плыветъ по водѣ пустой. Тогда Мартина усѣлась на берегу, долго она сидѣла такъ, и въ томъ, что наполняло ея мысли и что прошло передъ ея глазами въ эти минуты, она и сама не могла разобратъся. Но ей казалось, что она думала о душѣ Якова, о себѣ самой и обо всемъ, что они оба пережили вмѣстѣ. Набожно и просто прочитала она «Отче Нашъ» надъ спокойной поверхностью озера, въ которомъ отражался лѣсъ. Кончивъ это, она вернулась домой, завѣсила окна чистыми простынями и усыпала хвойными вѣтками дорогу между крыльцомъ и озеромъ.

Послѣ этого она легла и въ первый разъ спала одна въ маленькой хижинѣ у Озера Камышей.

Придя на́ другое утро въ село, чтобы просить помощи для отысканія тѣла Якова и для похоронъ, Мартина просто рассказала все, что произошло. Но всѣ думали, что она рассказываетъ сказку. И только, когда тѣ, которые пошли съ ней, увидали, что окна завѣшаны простынями и дорога отъ крыльца до озера усыпана хвоею, тогда только они повѣрили, что все то странное, что она рассказала, дѣйствительно, было. А когда мертвое тѣло Якова было положено на кровать, на которой самъ Яковъ столько лѣтъ лежалъ больнымъ, то много народу собралось вокругъ него, больше, чѣмъ когда бы то ни было собиралось въ его низенькой хижинѣ.

Но тогда всѣ поняли, что о томъ, что здѣсь произошло, никто не долженъ знать. То, что произошло, было тайной лѣса, и никто изъ тѣхъ, кто ее зналъ, не имѣлъ права обнаружить, что онъ видѣлъ и слышалъ, или рассказывать объ этомъ на селѣ. Ибо то, что Мартина сдѣлала, она сдѣлала въ простотѣ души и изъ нужды. А подобныя вещи подобало видѣть только здѣсь, гдѣ лѣсъ простирался на много миль кругомъ и гдѣ молчаливое озеро отражало его въ своихъ спокойныхъ водахъ.

### 3. Маргитъ.

Есть таинственное ощущение, свойственное, по всей вѣроятности большинству людей,—ощущение внутренней связи между всѣмъ тѣмъ добромъ и всѣмъ тѣмъ зломъ, которыя вмѣстѣ составляютъ всю сумму ихъ жизни. Я не разъ встрѣчалъ сильныхъ, полныхъ внутренней гармоніи людей, говорившихъ, что если бы они могли поправить какой-нибудь дурной поступокъ ихъ жизни, вычеркнуть,—не только изъ воспоминанія, но, какимъ-нибудь сверхъ-естественнымъ волевымъ актомъ, вычеркнуть изъ самой дѣйствительности глубочайшее горе, наложившее печать на всю ихъ жизнь,—они бы этого не сдѣлали. Они не хотѣли терять ни одного воспоминанія, ни одного дня, даже изъ тѣхъ, которыхъ имъ потомъ пришлось стыдиться, потому что этимъ самымъ они бы вычеркнули кое-что изъ того, что сдѣлало ихъ такими, какіе они есть. Это необычно-сильное чувство жизни является полной противоположностью того малодушнаго раскаянія, которое старается увильнуть отъ самого себя.

Въ немъ есть что-то, напоминающее жизненность и здоровье самой природы, въ силу которыхъ сгнившіе стволы медленно умирають сами собой, въ то время какъ живой лѣсъ, не заботясь объ источникахъ своей силы и своего роста, пускаетъ побѣгъ за побѣгомъ, изъ самаго гніенія черпая свои жизненные соки.

Я самъ всегда причислялъ себя къ тѣмъ цѣльнымъ натурамъ, у которыхъ хватаетъ силы нести свою жизнь со всѣмъ ея добромъ и зломъ. Я думалъ это еще до самаго послѣдняго времени. Но эти немногіе послѣдніе дни, кажется мнѣ, перевернули всю жизнь, не только мою, но все, что движется, живетъ и дышетъ въ предѣлахъ моего поля зрѣнія. Они словно накинули какую-то пелену на мое существованіе и на существованіе другихъ людей, и сквозь эту пелену я стараюсь увидать тѣ формы, которыя я привыкъ видѣть раньше, услышать шумъ того потока, который и меня когда-то увлекалъ съ собой, давалъ моимъ мыслямъ содержаніе, моимъ мускуламъ напряженіе, моимъ щекамъ ихъ живую окраску. Я ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не могу различить. Все въ душѣ моей превратилось въ хаосъ, и я ничего не чувствую, кромѣ невозможнаго, безумнаго, дикаго и въ то-же время непреодолимаго желанія передѣлать всю мою жизнь, измѣнить—не одну какую-нибудь деталь,

какую-нибудь мелочь,—измѣнить все, съ перваго дня моей жизни до послѣдняго.

Жизнь начинается подъ безумный крикъ ужаса и боли и кончается вздохомъ облегченія. Мнѣ кажется, что моей собственной жизни съ самаго начала суждено было кончиться воплемъ, полнымъ болѣе раздирающаго душу отчаянія, чѣмъ мучительный крикъ боли рождающей женщины.

Первое, что я различаю среди этого ужаснаго хаоса, это великая тишина лѣса, окружавшая домъ, гдѣ я провелъ свое дѣтство. Я слышу этотъ тихій, удивительный голосъ лѣса, очищающій душу и заставляющій сердце биться спокойнѣе, ровнѣе, слышу его такъ, какъ слышалъ часто,—какъ тихую, торжественную музыку, наполнявшую мою душу въ немногіе значительные моменты жизни и заставлявшую меня забывать все мелкое и незначительное.

Странная, впрочемъ, вещи происходятъ съ нами, съ людьми, выросшими среди тишины лѣса. И я не думаю, что я одинъ такъ чувствую. Лѣсъ сопровождаетъ насъ въ нашемъ жизненномъ странствованіи, онъ, такъ сказать, создалъ себѣ въ душѣ нашей тихій уголокъ. куда не проникаетъ шумъ жизни и гдѣ только онъ подымаетъ свой голосъ. Мы слышимъ многое, что недоступно слуху тѣхъ, кто не привыкъ прислушиваться къ

голосу лѣсу. Мы видимъ многое, потому что глаза наши привыкли открывать все то чудесное, что таится въ сумракѣ большихъ лѣсовъ. Мы многое угадываемъ, потому что чувства наши изощрены, глаза открыты и сердца полны вѣры. Куда бы жизнь насъ ни завела, мы всегда сохраняемъ кое-что изъ того, чему насъ научилъ лѣсъ, и когда все молчитъ вокругъ насъ, тогда лѣсъ подымаетъ свой голосъ, убаюкивающей и будящей въ одно и то-же время.

Этому сильному въ душѣ моей воспоминанію о лѣсѣ я приписываю особенность, которую я часто замѣчалъ въ самомъ себѣ: я, прожившій всю свою жизнь среди суеты и сутолоки большого горда, постоянно чувствовалъ склонность къ одиночеству, вслѣдствіе чего у меня лишь въ позднемъ возрастѣ явилась серьезная привязанность къ женщинѣ. Этому-же обстоятельству я приписываю и еще кое-что, не менѣе замѣчательное. Мнѣ всегда казалось, что во мнѣ постоянно, даже когда я одинъ, живутъ словно два человѣка. Я никогда не предавался тому, что называется размышленіемъ, по крайней мѣрѣ, что люди, какъ мнѣ всегда казалось, понимаютъ подъ этимъ словомъ. Моя мыслительная дѣятельность вся, такъ сказать, проходила въ формѣ діалога; обо всемъ, что имѣло значеніе въ моей жизни, я говорилъ съ кѣмъ-то, чьихъ чертъ я, разумѣется,



не видѣлъ, да никогда и не думалъ, что смогу когда-либо увидѣть, но чьи слова я во всѣхъ случаяхъ слышалъ такъ, словно онъ обращался ко мнѣ, будилъ мою мысль и даже отвѣчалъ прямо на мои собственныя мысли. Я часто думалъ, что это шестое чувство, это второе я, очевидно, говорившее во мнѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ людяхъ, ведетъ свое начало еще съ тѣхъ поръ, какъ я былъ ребенкомъ и когда моимъ величайшимъ наслажденіемъ было углубиться въ лѣсъ на удачу настолько, чтобы не видѣть вокругъ себя ничего, кромѣ огромныхъ деревьевъ, верхушки которыхъ срастались, казалось, на самомъ верху съ небомъ, мягкаго, сочнаго мха, камней, кустиковъ брусники, птицъ и бѣлокъ. Тогда я ходилъ и разговаривалъ вслухъ, говорилъ обо всемъ, что только зарождалось въ моемъ дѣтскомъ воображеніи. Я говорилъ съ деревьями, птицами, камнями, цвѣтами и травой, и я заставлялъ ихъ отвѣчать мнѣ словами, какія мнѣ хотѣлось слышать. Такимъ образомъ я, по всей вѣроятности, пробудилъ дремавшій во мнѣ голосъ. Ибо то, что началось въ дѣтскомъ возрастѣ, продолжалось и тогда, когда я сталъ взрослымъ человекомъ; глубоко въ себѣ я слышалъ этотъ голосъ, который больше не нуждался въ помощи моихъ губъ для того, чтобы сообщаться со мной, и звучалъ тихо и спокойно — словно я слышалъ мысль другого,

неуловимо для моихъ внѣшнихъ чувствъ шептавшую мою мысль. Мысль этого другого всегда, въ минуты колебанія, нерѣшительности, сомнѣнія, одерживала верхъ надъ моею собственной мыслью, и понемногу я привыкъ слѣпо слушаться ея, словно я былъ увѣренъ, что никогда при этомъ не совершу ничего нехорошаго, никогда не ошибусь въ томъ, что правильно и полезно.

Я происхожу изъ стариннаго рода, члены котораго такъ-же, какъ и я, всегда отличались извѣстной особенностью природы, дѣлавшей ихъ въ большей или меньшей степени одинокими въ жизни. Я не знаю, переносили-ли они свое положеніе такъ-же спокойно и философски, какъ это дѣлалъ и имѣлъ возможность дѣлать очень долго—да, почти до самаго послѣдняго времени—я. Знаю только, что самъ я жилъ совершенно спокойной, гармоничной и беззаботной жизнью, и когда обстоятельства сталкивали меня съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ родственниковъ, то при этомъ происходило нѣчто странное: мнѣ всегда казалось, что между мною и ими существуетъ нѣчто, что бы я назвалъ невысказаннымъ франкмасонствомъ. Казалось, будто одна и та-же кровь говоритъ въ нихъ и во мнѣ, и не разъ я былъ готовъ начать рассказывать имъ о своей внутренней жизни. Я чувствовалъ при этомъ, что другой—мой внутренній голосъ — ничего противъ

этого не имѣтъ. Онъ всегда молчалъ, не говорилъ ни да, ни нѣтъ. Но именно потому, что онъ никогда не говорилъ ясно да, дѣло ограничивалось у меня однимъ желаніемъ. Говорить о себѣ съ кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ, кто въ моихъ глазахъ не принадлежалъ къ той-же породѣ, что и я, мнѣ никогда не приходило въ голову, и такимъ образомъ произошло то, что я никогда въ жизни никому не открывалъ своей внутренней жизни, а всегда, гдѣ бы я ни находился,—среди ли лихорадочной работы, или въ вихрѣ удовольствій,—жилъ своей собственной, особой жизнью, далекой отъ людей, такъ сказать—въ уединеніи лѣса.

Это было тѣмъ болѣе странно, что жизнь поставила меня въ такое положеніе, которое у большинства людей убиваетъ, совершенно уничтожаетъ всякую возможность тихой, замкнутой, уединенной жизни. Я былъ въ семьѣ третьимъ изъ многочисленныхъ братьевъ и сестеръ, и доходовъ отъ небольшого желѣзодѣлательнаго завода, принадлежавшаго моему отцу, не хватало для того, чтобы дать всѣмъ намъ основательное университетское образованіе. Мы рано разошлись въ разныя стороны, и я получилъ мѣсто въ конторѣ торговаго дома въ одномъ изъ нашихъ большихъ городовъ; тамъ я и остался и, почти

незамѣтно для самого себя, достигъ того, что сталъ состоятельнымъ человѣкомъ.

Все это происходило, какъ мнѣ всегда казалось, такъ сказать, въ сторонѣ отъ меня самого, и я воспринималъ это такимъ образомъ, что считалъ вполне естественнымъ и относился къ этому съ тѣмъ-же хладнокровіемъ, съ какимъ, я всегда думалъ, я былъ бы въ состояніи встрѣтить и самыя неожиданныя неудачи. Все это время я жилъ той двойной жизнью, которая въ моихъ глазахъ являлась совершенно естественной, но другимъ, я думаю, показалась бы ненормальной, прямо таки невѣроятной, и ни разу не случилось, чтобы я поступилъ вопреки своему внутреннему голосу, говорившему со мной постоянно, когда я оставался одинъ, и даже раздававшемуся иногда, когда я былъ окруженъ другими людьми.

Въ теченіе моей жизни мнѣ много разъ приходилось убѣждаться, что въ общемъ на меня смотрѣли, какъ на чрезвычайно страннаго чудака. Хотя всѣ знали, что мнѣ не приходится отказывать себѣ ни въ чемъ, но я въ болѣе поздніе годы очень мало искалъ развлеченій, и въ общемъ у меня не было друзей, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ, по моимъ наблюденіямъ, это слово обыкновенно понимается людьми. Я поддерживалъ отношенія со многими изъ мо-

ихъ знакомыхъ и былъ радъ, когда могъ оказать имъ услугу. Но я не помню, чтобы когда-либо испытывалъ потребность подѣлиться съ ними чѣмъ-нибудь, касающимся меня самого. Я, впрочемъ, замѣтилъ, что когда кто-нибудь желаетъ говорить о себѣ, то онъ болѣе всего доволенъ, когда занимаешься исключительно имъ и не мѣшаешь ему, примѣшивая свои собственные дѣла. Мнѣ, благодаря этому, приходилось выслушивать столько исповѣдей, что въ концѣ концовъ у меня вошло въ привычку принимать ихъ, и, оставаясь одинъ, я велъ много діалоговъ о тайнахъ человѣческихъ жизней, которыя мнѣ довѣряли и которыя я хранилъ, какъ свои собственные.

Если не считать представленія о женщинахъ, которое я составилъ себѣ еще ребенкомъ, что у нихъ нѣтъ ногъ, какъ у всѣхъ людей, а что тѣло ихъ оканчивается обручкомъ, соотвѣтственно формѣ юбки,—заблужденіе, которое опытъ въ надлежащее время разсѣялъ,—то я не могу вспомнить, чтобы фантазія моя въ юношескіе годы много занималась женщинами. О матери моей у меня сохранилось свѣтлое, спокойное воспоминаніе, впечатлѣніе чего-то надежнаго и заботливаго, и когда она умерла, я долгое время чувствовалъ пустоту вокругъ себя. Ея портретъ былъ единственный женскій портретъ, который когда-либо,

вплоть до моего сорокалѣтняго возраста, стоялъ у меня на столѣ, а другія женщины никогда не оставляли во мнѣ другихъ впечатлѣній, кромѣ временнаго опьяненія.

Я совершалъ свой путь въ жизни такъ, словно она меня совершенно не затрагивала, и самой большой радостью для меня было, когда я могъ освободиться на мѣсяць отъ своихъ занятій и уѣхать одинъ въ чужіе края, чтобы удовлетворить свою потребность богатой жизни, полной удивительныхъ мыслей и сильныхъ впечатлѣній; такая потребность всегда жила во мнѣ, еще съ тѣхъ поръ, когда я бродилъ одиноко подъ елями родныхъ лѣсовъ и жаждалъ крыльевъ, чтобы полетѣть туда, гдѣ лѣсъ кончается. Вернувшись, послѣ странствованія по набережной Сены или по горнымъ тропинкамъ Тироля, домой, къ себѣ въ комнату и случайно увидавъ свое изображеніе въ зеркалѣ, я не могъ удержаться отъ улыбки. Это спокойное лицо съ узкими, тщательно расчесанными бакенбардами, сливающимися съ усами и оставляющими подбородокъ обнаженнымъ, эти холодные, можетъ быть, немного грустные глаза, этотъ серьезный ротъ— все это находилось въ самомъ странномъ несоотвѣтствіи съ человѣкомъ, счастливымъ и свободнымъ, бродящимъ по свѣту, забывъ свою контору и дѣла, и только ищущимъ среди людской

сутолоки одного—тишины, своеобразный голосъ которой всегда рождалъ гармонію въ душѣ моей, Я мысленно улыбнулся самому себѣ, и мнѣ пришло въ голову, что, несмотря на свой возрастъ, я все еще хожу въ ожиданіи, что жизнь когда-нибудь откроетъ предо мною свою загадку. Я не былъ только зритель чужихъ жизней, чужестранецъ въ существованіи, я былъ въ долгомъ, далекомъ путешествіи, и единственный мой спутникъ сидѣлъ глубоко скрытый въ груди моей, шепча моей мысли неуловимыя для слуха слова, выслушивая мои признанія и храня ихъ, какъ никто другой. Я раздѣвался въ своей одинокой комнатѣ и ложился въ постель, и въ ушахъ моихъ звучалъ голосъ, отвѣчавшій на мое спокойной ночи.

Если я ожидалъ, что жизнь когда-нибудь откроетъ мнѣ свою загадку, то это находилось въ связи съ страннымъ религіознымъ чувствомъ, которое всегда возбуждала во мнѣ мысль о смерти. Страха представленіе о смерти мнѣ никогда не внушало, оно только вызывало во мнѣ серьезное настроеніе, близкое къ тому, что обыкновенно называютъ любопытствомъ. Смерть, въ сущности, должна открыть все или все стереть, все уничтожить. И если я не стремился къ этому мгновенію, то это навѣрное оттого, что я не зналъ никакого горя.

Что жизнь можетъ раскрыть предо мною свою загадку еще въ самой жизни, это мнѣ не приходило въ голову, просто потому, что я никогда не могъ себѣ представить, чтобы во мнѣ самомъ могли произойти какія либо измѣненія, кромѣ тѣхъ, которыя являются естественнымъ результатомъ времени и перемѣны обстоятельствъ. На вискахъ и въ бородѣ у меня были уже сѣдые волосы, а я все еще не испыталъ ничего изъ того, что приводитъ въ волненіе чувства людей. Я дрожу въ то время, какъ пишу эти слова, и мнѣ кажется, что я понимаю смыслъ сказанія о человѣкѣ, бросившемъ въ море свое любимое сокровище изъ страха передъ судьбой, которая никогда еще не заставляла его испытывать горе.

Но судьба имѣла свои цѣли и не приняла его жертвы. Кольцо вернулось къ нему, и тогда человѣкъ, клонившійся къ землѣ подъ гнетомъ своего счастья, понялъ, что ему произнесенъ приговоръ. Дрожа, онъ ждалъ исполненія этого приговора, который, можетъ быть, именно и заключался въ самомъ этомъ страхѣ.

Теперь, когда все начинается ясно вырисовываться передъ моимъ умственнымъ взоромъ въ мучительномъ, рѣжущемъ свѣтѣ—такъ рѣжутъ первые лучи разсвѣта утомленный взоръ прошедшаго бессонную ночь человѣка—теперь я начинаю все видѣть, какъ оно было, и прежде всего



я вижу улицу, залитую лучами майскаго солнца; по этой улицѣ я хожу взадъ и впередъ рядомъ съ молодой женщиной, поворачиваю за уголъ, гдѣ раздается пѣніе птицы,—въ ухахъ моихъ еще звучитъ ея трель,—поворачиваю и снова иду рядомъ съ нею по залитой солнцемъ улицѣ, сверкающей свѣтлыми весенними туалетами дамъ подъ свѣжей, только что распутившейся зеленью.

Она молода, эта женщина, она появилась на пути моемъ совершенно случайно. Все это произошло такимъ образомъ, что я однажды утромъ, идя въ контору, встрѣтилъ ее, когда она совершала свою утреннюю прогулку. Она поскользнулась и, падая, вывихнула себѣ ногу. Я позвалъ извозчика и отвезъ ее домой. Вотъ и все.

Я сталъ бывать у нея въ домѣ: любезные старики, съ которыми она жила, ни за что не хотѣли отпускать меня. А побывавъ разъ въ этой семьѣ, я естественнымъ образомъ долженъ былъ вернуться.

Никогда мнѣ не приходилось видѣть ничего, что бы въ такой сильной степени отличалось отъ всего, что я до сихъ поръ видалъ, какъ этотъ старый домъ, въ которомъ я съ той самой минуты, какъ вошелъ въ его старыя двери, почувствовалъ себя, какъ дома.

Самая внѣшность дома, старомодный просторный дворъ, истертая ступени старой лѣстницы,

подымавшейся спиралью, тяжелый желѣзный молотокъ у дверей—все говорило о томъ, что обитатели этого дома принадлежать словно къ какой-то другой эпохѣ. Съ первой минуты невольно хотѣлось думать, что они и живутъ другой жизнью, спокойной, далекой отъ жажды наслажденій, отъ погони за деньгами, счастьемъ и властью. На дворѣ росъ старый вязъ, вокругъ ствола котораго была поставлена деревянная, выкрашенная въ зеленую краску скамья; дальше, въ углу, образуемомъ самимъ зданіемъ и высокой каменной стѣной, находилась небольшая, открытая бесѣдка, обсаженная вьющимися растеніями. На всемъ была видна заботливая рука, и на небольшомъ пространствѣ, на которомъ ни одинъ дюймъ земли не пропадалъ даромъ, росли всѣ тѣ старомодные цвѣты, которые начинаютъ исчезать изъ нынѣшнихъ садовъ. Резеда благоухала у самыхъ ногъ свѣтлой бархатной розы, душистый горошекъ вился вокругъ зеленой рѣшетки бесѣдки, далии простирали свои темные листья надъ астрами, которыя должны были цвѣсти только осенью, и подсолнечникъ возвышался на грядкахъ, гдѣ уже цвѣли нарциссы и гиацинты и свѣтло-голубые колокольчики барвинка выглядывали изъ пышной зелени, покрывавшей края грядокъ. На дорожкѣ лежала большая зеленая лейка, словно только что бывшая въ употребленіи и забытая тамъ.

Квартира, въ которой жила эта маленькая семья, была такая-же, какъ дворъ, по крайней мѣрѣ, она производила такое-же впечатлѣніе. Большой залъ съ простой мебелью и дорожками на полу, небольшая гостиная съ бѣлыми чехлами, покрывавшими старинные стулья съ завитушками и длинный, прямой диванъ, со столомъ и этажерками изъ краснаго дерева, съ гравюрами по стѣнамъ, съ высокимъ, золоченымъ зеркаломъ рококо и большой хрустальной люстрой, сверкавшей въ лучахъ солнца, бросавшаго пятна свѣта на полъ съ его старымъ потертымъ ковромъ, по которому разбѣгались бѣлыя дорожки. Солнечные лучи отливали всѣми цвѣтами радуги въ шлифованныхъ хрусталикахъ, падали дождемъ на стѣны, дрожали надъ висѣвшей надъ диваномъ гравюрой, изображавшей Наполеона съ солдатами, генералами, бѣлыми лошадьми и густыми клубами дыма, и играли самыми удивительными сочетаніями красокъ на маленькихъ, пухленькихъ ангелочкахъ, выглядывавшихъ изъ-за нижней рамы литографированной Сикстинской мадонны.

Таково было первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня домъ стараго учителя гимназіи; нѣсколько мгновеній, до появленія хозяевъ, я стоялъ одинъ, весь уйдя въ странное настроеніе, которое вызывала во мнѣ вся эта обстановка. Я помню, что въ первую минуту сами хозяева

произвели на меня впечатлѣніе, словно они измѣнились съ того дня, когда я въ первый разъ переступилъ порогъ ихъ дома, привезя молодую дѣвушку, вывихнувшую себѣ ногу. Они были тогда испуганы, встревожены, жесты ихъ были порывисты, рѣчь взволнована. Теперь-же впечатлѣніе, производимое обоими стариками, страннымъ образомъ сливалось съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвала во мнѣ эта маленькая квартира, вся залитая лившимся въ открытыя окна іюльскимъ солнцемъ, и впечатлѣніе это еще возросло, когда мы усѣлись и первое молчаніе, прерываемое только обычными фразами вѣжливости, исчезло, уступивъ мѣсто оживленному разговору.

Вначалѣ я былъ совершенно смущенъ той чрезмѣрной благодарностью, которую вызвала въ обоихъ старикахъ такая сама по себѣ незначительная вещь, какъ то, что я, встрѣтивъ молодую дѣвушку, повредившую себѣ ногу, отвезъ ее домой. Учитель безпрестанно возвращался къ этому обстоятельству. Онъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами, словно боялся выдать свое волненіе, часто проводилъ рукой по своей густой, сѣдой бородѣ, и глаза его безпрестанно подергивались влагой. Старая фру лучше владѣла собой, она говорила спокойно и выглядѣла такъ, словно она со своего низкаго кресла обозрѣваетъ все, что творится и происходитъ въ жизни, и выно-

сильное свое суждение, котораго ничто не может поколебать. Но голосъ ея, былъ такъ-же дружелюбенъ, и глаза ея, безъ сомнѣнiя, пытливо оглядывавшiе меня, выражали въ то-же время ту особую благосклонность, которая всегда дѣйствуетъ такъ благотворно, когда исходитъ отъ человѣка, долго прожившаго на свѣтѣ и прожившаго свою жизнь хорошо.

Это было странное впечатлѣнiе, и странная притягательная сила, исходила на меня отъ всего этого дома съ самаго начала. Я помню, что вначалѣ я обращалъ меньше вниманiя на молодую дѣвушку и что наибольшiй интересъ вызывали во мнѣ старики. Сами они, повидимому, не могли этого понять, и я очень хорошо представляю себѣ, что мой интересъ казался имъ страннымъ. Вѣдь они не могли знать, до какой степени я внутренно былъ не похожъ на того человѣка, какимъ казался, и что я долженъ былъ гармонировать съ этой обстановкой, столь отличной отъ всего, что меня окружало. Они поэтому выслушали меня съ нѣкоторымъ недоумѣнiемъ, когда я сказалъ, что мнѣ нравится у нихъ. Старикъ, сидя въ углу дивана и потирая руки, сказалъ:— У насъ не много интереснаго. Все здѣсь такъ старомодно.—А старушка подняла голову отъ своего вязанья и замѣтила:—Но можетъ быть, это представляетъ нѣкоторую перемѣну для того,

кто привыкъ къ другому. - Я улыбнулся и подумалъ про себя, какъ мало я стремился къ этому другому.

Я, такъ сказать, все болѣе погружался въ спокойствіе и тишину, струившіяся на меня отъ этихъ молчаливыхъ комнатъ, и вначалѣ—раньше, чѣмъ я сошелся ближе со стариками—мнѣ было довольно трудно удержаться, чтобы не ходить къ нимъ слишкомъ часто. Я скоро замѣтилъ съ удовольствіемъ, что никогда не встрѣчалъ у нихъ никого посторонняго. Для меня эта семья стала особымъ замкнутымъ міромъ, повседневныя радости и мелкія заботы котораго возбуждали во мнѣ интересъ, какой я не считалъ до сихъ поръ возможнымъ испытывать къ чему бы то ни было. Такъ чудесно было сидѣть въ углу у этихъ стариковъ и говорить обо всемъ, что случилось и случается на свѣтѣ, словно это могло имѣть какое-либо значеніе для насъ, ощущать эту тишину, которая ничѣмъ не могла быть нарушена и вмѣстѣ съ тѣмъ была полна мыслей, интересовъ и уюта. Казалось, будто именно здѣсь можно найти цѣль всей жизни, смыслъ въ каждомъ, миновавшемъ безъ какихъ-либо событій, днѣ. Здѣсь самое однообразіе не тяготило, оно было только естественно, словно находилось въ связи съ уединеніемъ и объяснялось имъ. Въ каждой

комнатъ висѣли портреты, блѣдные дагеротипы и современные кабинетные портреты.

— Такъ странно иной разъ сознавать,— сказалъ старикъ,— что столько изъ твоихъ друзей уже нѣтъ въ живыхъ.—И онъ прибавилъ:

— Въ мои годы рѣдко встрѣчаешь новыхъ.

Слова эти глубоко подѣйствовали на меня, словно открыли мнѣ какую-то тайну, бывшую всю мою жизнь скрытой отъ меня. Я помню, что именно въ это время я въ первый разъ, сидя однажды вечеромъ одинъ у себя дома, почувствовалъ подавленность, тревогу и тоску. Но по мѣрѣ того, какъ дни шли, я привыкалъ смотрѣть на свои посѣщенія въ домъ стариковъ, какъ на вполне обыкновенную, естественную вещь; я видѣлъ, что они имъ пріятны, и скоро сталъ приходить каждый день.

Въ это лѣто я забылъ воспользоваться своимъ правомъ на каникулы и уѣхать за-границу, и я могу сказать, что я, въ сущности, жилъ въ маленькой бесѣдкѣ въ углу двора. У меня на глазахъ лепестки розы осыпались, завяли и умерли, я видѣлъ, какъ Анютины глазки и резеда смѣнились левкоями и душистымъ горошкомъ. Я видѣлъ, какъ эти послѣдніе уступили мѣсто пышнымъ цвѣткамъ подсолнечника, смѣнившимся въ свою очередь астрами и даліями. Наконецъ, и они исчезли, послѣ первой морозной ночи, и

не было на дворѣ больше, чему радоваться, кромѣ ясныхъ солнечныхъ лучей, игравшихъ въ опавшей листьѣ стараго вяза. Да, я помню даже и тотъ день, когда вязъ стоялъ обнаженный и холодный, и холодъ заставилъ насъ покинуть любимый уголокъ лѣтнихъ дней и замкнуться въ комнатахъ стараго учительскаго дома.

Но я почти не чувствовалъ лишения, когда начались холодныя осеннія вьюги, и вѣтеръ налеталъ съ моря и кружился по городу, и намъ пришлось запереться въ комнатахъ. Для меня это больше не было лишеніемъ. Это была лишь перемѣна времени года, наступившая такъ незамѣтно и тихо, что я едва почувствовалъ, что что-либо въ нашей жизни измѣнилось. Что вслѣдъ за весной настало лѣто, что лѣто смѣнилось осенью, что зима наброситъ затѣмъ свой снѣжный покровъ на лѣтнія воспоминанія осени—во всемъ этомъ не было ничего удивительнаго и ничего неприятнаго, разъ что каждый день имѣлъ свое значеніе, каждый часъ свой смыслъ, свое содержаніе, а подчасъ и радость.

Я теперь зналъ жизнь стариковъ, какъ свои пять пальцевъ. Я зналъ, что вся она заключается въ многочисленныхъ мелкихъ заботахъ, что вслѣдъ за обѣденнымъ часомъ настанетъ часъ кофе и трубки, что придетъ вечеръ и всѣ разстанутся съ мыслью о томъ, что на слѣдующее утро снова



встрѣтятся съ радостью. Вотъ и все. Кромѣ того были еще растенія во дворѣ, многочисленные цвѣты въ домѣ, большая птичья клѣтка, наполнявшая прихожую шумомъ и пѣніемъ. Это было все. По крайней мѣрѣ такъ я думалъ вначалѣ.

Но я скоро замѣтилъ, что было еще кое-что другое, игравшее въ этомъ домѣ большую роль, чѣмъ старыя привычки, повседневныя заботы, тишина и даже воспоминанія объ умершихъ друзьяхъ. Я теперь не могу понять, какъ я этого не замѣтилъ раньше. Я цѣлое лѣто прожилъ среди этихъ людей, не понимая, что собственно придавало ихъ жизни такое спокойное сіяніе и всему ихъ дому его своеобразный отпечатокъ. Я этого не видѣлъ. Я не видѣлъ ея. Я такъ хорошо чувствовалъ себя среди этихъ спокойныхъ людей, что не сознавалъ, что солнце ихъ старости называется Маргитъ, молодая дѣвушка, которая первая ввела меня въ этотъ домъ, — я не зналъ этого, пока не настала осень, когда я уже такъ привыкъ быть съ ними, словно составлялъ часть семьи, отсутствіе которой было бы весьма ощутительно.

Я бы, можетъ быть, и тогда этого не замѣтилъ, если бы Маргитъ не получила приглашенія къ родственникамъ, и въ одинъ прекрасный день не было бы объявлено, что она, дѣйствительно, ѣдетъ въ Стокгольмъ на цѣлый мѣсяцъ. Я помню, что меня точно что-то кольнуло при этомъ извѣ-

сти, и въ первый разъ въ жизни я взглянулъ на молодую дѣвушку и увидаль, что она красива. Высокая, стройная, съ мягкой, нѣжной бѣлой кожей и выраженіемъ радости во всемъ, полномъ ожиданія и любопытства лицѣ,—такъ она стояла передо мною. Я вижу ея нѣжную, узкую руку, держащую графинъ въ то время, какъ она предлагаетъ мнѣ ликеру къ кофе. Глаза ея сіяли, и бѣлые зубы сверкали изъ-за улыбавшихся губъ. Словно солнечное сіяніе лежало на всей ея фигурѣ. Она кивнула мнѣ головой и сказала: — Да, я уѣзжаю. Можете вы себѣ это представить?

Я и въ самомъ дѣлѣ не могъ себѣ этого представить, и когда я шель домой, эта новость занимала мои мысли, какъ предметъ величайшей важности.

Маргитъ уѣхала, и я остался одинъ со стариками. Они просили меня навѣщать ихъ часто, и я чувствовалъ, что краснѣю, какъ школьникъ, когда старая фру сказала:

— Но господину Герману теперь, можетъ быть, будетъ скучно съ нами, стариками.

— О, навѣрное, нѣтъ,—отвѣтила Маргитъ.— Я увѣрена, что онъ теперь будетъ приходитъ чаще, чѣмъ раньше.

Маргитъ была, конечно, права. Я приходилъ еще чаще, я приходилъ каждый день, иногда два раза въ день.

Наша совмѣстная жизнь въ это время была, можетъ быть, задушевнѣе, чѣмъ когда-либо. Въ отсутствующей мы имѣли общій интересъ, который совершенно особеннымъ образомъ составлялъ связующую нить въ нашемъ кружкѣ. Наши разговоры вертѣлись вокругъ писемъ Маргитъ, а такъ какъ они приходили почти черезъ день, то давали намъ достаточно матерьялу для разговоровъ, пока не приходило новое письмо, служившее новой темой для обсуждений и бесѣдъ. Письма эти представляли, впрочемъ, настоящіе маленькіе дневники, и она просила родителей сохранить ихъ для того, чтобы, вернувшись домой, она могла по нимъ вновь пережить все то чудесное, что она видѣла. Ей, право, незачѣмъ было просить объ этомъ. Никому, конечно, не приходило въ голову уничтожать эти коротенькія письма, заключающія въ себѣ всю свѣжесть впечатлѣній молодой женщины, впервые видящей свѣтъ и чувствующей себя счастливой отъ всего, что она видитъ. Они говорили о прогулкахъ и поѣздкахъ за городъ, о театрахъ и концертахъ. Они описывали впечатлѣнія отъ музеевъ и выставокъ. Когда она рассказывала о какомъ-нибудь вечерѣ въ Грандъ-отелѣ или объ обѣдѣ на Гассельбакентъ, у нея являлся какой-то насмѣшливый тонъ, и я помню, какъ меня радовало, когда она съ нѣкоторой ироніей отзывалась о мужской молодежи.

Но, говоря о своихъ художественныхъ впечатлѣ-  
ніяхъ, она становилась серьезной, словно загля-  
дывала въ новыя области жизни, давашія повы-  
шенный блескъ ея собственному существованію.  
Никогда, казалось мнѣ, я не видалъ Стокгольма  
такъ, какъ видѣлъ его теперь, никогда я не пред-  
полагалъ, чтобы этотъ городъ, который я зналъ,  
какъ свой собственный, вмѣщалъ въ себѣ всю  
ту красоту и великолѣпіе, которыя я находилъ въ  
этихъ письмахъ. Мнѣ казалось, что онъ приобрѣлъ  
новое значеніе, гораздо большее, чѣмъ я когда-  
либо предполагалъ. Какое-нибудь незначительное  
слово, оборотъ рѣчи подчасъ отражали, казалось,  
счастливую улыбку молодой дѣвушки, бросавшую  
свѣтлое сіяніе на всѣ эти мѣста, удовольствія и  
личности, которыя мнѣ были давно знакомы, и  
эту улыбку я все время видѣлъ передъ собою;  
такимъ образомъ я весь этотъ мѣсяцъ прожилъ  
съ Маргитъ и переживалъ съ нею всѣ впечатлѣ-  
нія живѣе и полнѣе, можетъ быть, чѣмъ если бы  
шелъ рядомъ съ нею и видѣлъ все, что она ви-  
дѣла, и согрѣвался бы въ лучахъ счастья, струя-  
щагося изъ ея молодыхъ глазъ.

Я думаю, что и родители испытывали нѣчто  
подобное. Потому что было очевидно, что отсут-  
ствіе Маргитъ не вызываетъ въ нихъ грусти, какъ  
я вначалѣ предполагалъ. Напротивъ, оба они  
словно помолодѣли. Они улыбались каждому воспо-

минанію, которое эти письма вызвали въ нихъ, рассказывали о своихъ прежнихъ посѣщеніяхъ столицы и выглядѣли такъ, точно они въ теченіе этого мѣсяца переживали снова свою собственную молодость.—Она веселится,—говорилъ старикъ, потирая руки. Онъ весело улыбался, произнося эти слова, словно онъ и самъ готовъ былъ сейчасъ совершить какое-нибудь безумство, и всѣ мы чувствовали себя такъ, словно мы принимали участіе въ медовомъ мѣсяцѣ ея юности. Затѣмъ мы принимались перечитывать ея послѣднее письмо,—часто я читалъ ихъ вслухъ старикамъ, и бывало, что письмо лежало нераспечатанное, дожидаясь меня, для того, чтобы мы могли вмѣстѣ насладиться первымъ ароматомъ ея описаній,—мы прерывали чтеніе для того, чтобы замѣтить, какъ она хорошо пишетъ или какъ тонко чувствуетъ, и, кажется, трудно было бы сказать, кто изъ насъ троихъ заходилъ дальше въ ребяческомъ восхищеніи нашимъ очаровательнымъ ребенкомъ.

Таково было наше душевное состояніе, и я помню, что только разъ одинъ открылъ въ себѣ слѣды дурного настроенія. Это было, когда получилось ея послѣднее письмо, въ которомъ она писала: „Да, вотъ и конецъ всему. И теперь я скоро вернусь домой“. Конецъ всему, подумалъ я. Она забыла насъ, ее не тянетъ увидать насъ

снова. Да это и вполне естественно, думалъ я дальше, что можемъ мы, старики, предложить ей, что бы перевѣшивало для нея весь обширный мѣръ со всѣмъ его богатствомъ? Но въ душѣ я чувствовалъ ноющую пустоту, и я не могъ себя заставить истолковать сердечныя, ласковыя слова, которыми кончалось письмо, иначе, какъ въ смыслѣ слабой попытки поддержать въ себѣ мужество въ послѣднюю минуту. Мнѣ казалось, что я вижу, какъ она плачетъ, сидя одна у себя въ комнатѣ въ послѣдній вечеръ, плачетъ, можетъ быть, пока не заснетъ отъ усталости, какъ несчастное дитя, проснувшееся отъ очаровательнаго сна и увидавшее себя перенесеннымъ въ суровую дѣйствительность. Я почти желалъ, чтобы возвращеніе ея домой отложило на нѣкоторое время, желалъ продолжить хотя бы на нѣсколько дней еще жизнь, которая стала мнѣ такой дорогой. Мнѣ казалось, что она сама, какъ только я ее увижу снова, нарушить мое счастье, лишитъ меня той радости, которою я наслаждался. Больше того, я прямо боялся увидѣть ее снова, боялся, какъ мальчикъ, который думаетъ, что его сочтутъ слишкомъ юнымъ, если онъ заговорить съ дѣвочкой-однолѣткой, плѣнившей его воображеніе.

Всего этого я тогда не понималъ ясно. Я чувствовалъ только, что все, что я такъ долго и

съ такой радостью считалъ своимъ, теперь вдругъ исчезнетъ. Я былъ единственнымъ лишнимъ въ этомъ кружкѣ, въ которомъ только случай сдѣлалъ меня терпимымъ членомъ, и я тысячу разъ раскаявался, что далъ себя увлечь и порвалъ скорлупу, которая до тѣхъ поръ защищала меня отъ всякаго прикосновенія съ жизнью другихъ людей.

Я между тѣмъ такъ живо разрисовалъ себѣ свои чувства при встрѣчѣ съ Маргитъ, что самая встрѣча показалась мнѣ совершенно другой, нежели я предполагалъ. Первое мое чувство, въ сущности, было, что теперь все опять по прежнему, что ничего не измѣнилось, и я радовался почти такъ-же, какъ старики, что она снова съ нами. У меня было ощущеніе, что жизнь, помимо моей воли, вошла въ новую колею, и я, не противясь, пошелъ по этому пути, весь охваченный непонятнымъ предчувствіемъ, что небывалое счастье ждетъ меня.

Однажды вечеромъ мой старый другъ сталъ мнѣ рассказывать о Маргитъ.—Ты навѣрное думаешь, что она наша дочь,—сказалъ онъ. — И понятно, что ты не можешь думать иначе. Но, -- прибавилъ онъ, --это единственное счастье, котораго мнѣ не суждено было знать въ жизни. У моей жены и меня никогда не было собственныхъ дѣтей.

Я сидѣлъ и думалъ о томъ, что слышалъ. Мнѣ не казалось страннымъ, что онъ только теперь разсказалъ мнѣ это, мнѣ только казалось, что я уже раньше слышалъ объ этомъ и что это совершенно естественно.

— Я не понимаю, почему раньше не разсказалъ тебѣ объ этомъ,—прибавилъ онъ.

Я объ этомъ не думалъ. Я только сидѣлъ и радовался, что это какимъ-то удивительнымъ образомъ произошло и что я узналъ эту тайну. Я не понималъ, почему, но мнѣ казалось, что это обстоятельство какимъ-то неизъяснимымъ образомъ приближаетъ Маргитъ ко мнѣ. Старикъ между тѣмъ разсказалъ мнѣ романтическую исторію о женщинѣ, съ которой онъ находился въ дальнемъ родствѣ и которая послала за нимъ въ свой смертный часъ, давъ жизнь дочери. Изъ разсказа старика я, впрочемъ, вынесъ впечатлѣніе, что она была не той женщиной, какою онъ, въ добротѣ своей души считалъ ее. Онъ сказалъ мнѣ, что она была несчастна и покинута и что она ничего другого не желала, какъ только умереть спокойно. Онъ увезъ Маргитъ къ себѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что ясно видѣлъ на лицѣ малютки улыбку, когда въ первый разъ наклонился надъ ея кроваткой.

Все это онъ мнѣ разсказалъ въ этотъ вечеръ, и онъ казался, повидимому, удивленнымъ, что



я, интересовавшийся каждой мелочью, касавшейся ихъ или ихъ жизни, такъ мало заинтересовался его разговоромъ, что даже не сказалъ ни слова. Я и самъ замѣтилъ, что произвожу странное впечатлѣніе. Но я не могъ вырваться изъ власти мечтаній, овладѣвшихъ мною, мечтаній, въ которыхъ она властвовала съ такой силой, что это почти причиняло мнѣ боль. Я такъ былъ весь переполненъ этимъ, что не могъ остаться къ ужину, какъ обыкновенно. Я простился и пошелъ домой, и сердце мое дрожало отъ ликующей радости.

Что Маргитъ была одинока въ жизни—было все, о чемъ я могъ думать въ этотъ вечеръ,—одинока, какъ я самъ, и даже больше. Когда стариковъ не станетъ, не будетъ никого въ цѣломъ мірѣ, кто бы поинтересовался, жива-ли она, или умерла. Тогда я буду единственный человѣкъ, на котораго она сможетъ опереться, я буду ей отцомъ, братомъ и другомъ. Все остальное исчезало передъ этой мыслью, наполнявшей меня невыразимымъ блаженствомъ; никогда никакая музыка не звучала въ моихъ ушахъ такъ чарующе, какъ это тихое ликованіе, переполнявшее все мое существо и вызывавшее слезы на глаза. „Маргитъ!“ говорилъ я про себя. „Маргитъ!“ И я ходилъ назадъ и впередъ по своей комнатѣ съ такимъ чувствомъ,

словно она должна услышать мой голосъ и придти на мой зовъ.

Вся моя жизнь промелькнула предо мною въ этотъ часъ. Голая, пустая, бѣдная радостями и вдругъ вылившаяся въ такое невыразимое блаженство, она прошла передо мною въ меланхолическомъ, дрожащемъ свѣтѣ воспоминаній и надеждъ. Я думалъ о женщинахъ, которыхъ я любилъ, и о тѣхъ, которыя, какъ я тогда думалъ, любили меня. Пустыя, холодныя женщины, безъ сердца и безъ души, полныя разчета, хитрости и притворства, торгующія собой, своей красотой и своимъ тѣломъ, женщины, единственной примиряющей чертой которыхъ была бесконечно-мѣняющаяся, прихотливая, но и властная игра чувствъ. Онѣ проходили передо мною одна за другою, и мнѣ казалось, что онѣ убѣгаютъ отъ моего взгляда, убѣгаютъ далеко, скрываясь въ туманѣ, который застигаетъ все прошлое. Мнѣ казалось, что я жилъ, не видя и не понимая. Я не видѣлъ ничего, кромѣ нихъ, въ жизни и, полный возмущенія, я думалъ, что это ихъ вина, что я такъ долго шелъ какъ-бы въ сторонѣ отъ собственной жизни, ихъ вина, что я былъ ненужнымъ человѣкомъ, жившимъ только для себя.

Я былъ полонъ счастья, не зналъ ни сомнѣній, ни страха. Потому что Маргитъ не возбуждала во мнѣ никакой страсти. Я разсмѣялся бы

надъ самимъ собою, если бы мнѣ пришло въ голову назвать чувство, которое она мнѣ внушала, любовью. Я только былъ счастливъ, что могу находиться въ ея близости, и совершенно не былъ способенъ заглядывать дальше въ будущее.

Но зима прошла, наступила весна; все это время я жилъ своей новой жизнью вмѣстѣ съ этими тремя людьми, ставшими моимъ счастьемъ и конечной цѣлью моего существованія. Маргитъ съ каждымъ днемъ становилась красивѣе, и мнѣ казалось, что она словно все больше приближается ко мнѣ. Говоря со мною, она обращалась ко мнѣ; это было, можетъ быть, оттого, что послѣ ея поѣздки въ Стокгольмъ было такъ много, о чемъ она хотѣла знать и о чемъ я могъ ей рассказать. Я это и дѣлалъ, и между нами выросъ словно цѣлый міръ мыслей и интересовъ, сплетавшихъ густую сѣть вокругъ моего чувства и притягивавшихъ меня къ ней. Перехода отъ зимы къ веснѣ мы совершенно не замѣтили, какъ я не замѣтилъ и того, что мое чувство къ ней измѣнило свою форму. Но когда весна настала, мы стали съ ней отправляться вдвоемъ на далекія прогулки, потому что старики не могли ходить такъ далеко, и въ одну изъ такихъ прогулокъ я сказалъ ей, какъ глубоко я ее люблю и какой бо-

гатовой она сдѣлала мою жизнь. Я былъ совершенно пораженъ, когда увидаль, что она плачетъ, но еще больше былъ я потрясенъ, когда она взяла мою руку и, не говоря ни слова, удержала ее въ своей.

— Ради Бога! — сказалъ я. — Не поймите меня неправильно! Вы не должны думать, что я когда-либо желаль чего-нибудь такого, чего вы не можете мнѣ дать. Я хочу только, чтобы вы знали, какимъ безконечно счастливымъ вы меня дѣлаете.

Она перестала плакать и отвѣтила:

— А что это такое, чего я не могу вамъ дать?

Своимъ голосомъ, взглядомъ, всѣмъ своимъ видомъ она ласкала меня.

— Маргитъ! Маргитъ! — воскликнулъ я. — Я вѣдь старикъ.

— О! — Она разсмѣялась, разсмѣялась, какъ дитя. И мы пошли дальше, обнявшись, а маленькія пташки щебетали надъ нашими головами.

Этотъ часъ я хотѣлъ бы вырвать изъ своей жизни, и когда я думаю о томъ, какъ счастливъ я былъ тогда, сердце мое мучительно сжимается. Но я былъ тогда счастливъ, счастливѣе, чѣмъ люди обыкновенно бываютъ, и въ душѣ моей небо было выше, чѣмъ небо здѣсь, на землѣ, и солнце и звѣзды двигались на немъ такъ-же

легко, какъ мелькаютъ часы и минуты для дѣтей земли. Ахъ, я шель, какъ потерявшій рассудокъ человѣкъ. Мнѣ хотѣлось цѣловать землю подъ ея ногами, подолъ ея платья, я хотѣлъ понести ее на рукахъ, поднять ее высоко-высоко, чтобы никакое горе земное не настигло ея. Я помню все, что было тогда, и все-же, мнѣ кажется, что есть что-то, чего я не помню. Это какъ воспоминаніе объ увлекательной музыкѣ. Я помню все, и есть такты, которые я могу спѣть, и вдругъ они исчезаютъ, и въ памяти стоитъ только одно огромное, дрожащее чувство, рыдающее и ликующее, жалующееся и смѣющееся, но полное жизни, какъ объятіе любви.

Я скользилъ въ этой атмосферѣ счастья, забывъ свой возрастъ, забывъ все, что я пережилъ. И насталъ день, когда колокола звонили въ церкви, и я долженъ былъ встрѣтить свою невѣсту въ маленькой гостиной, гдѣ мы прожили почти годъ вмѣстѣ, въ этой гостиной, съ Наполеономъ и его генералами, на которыхъ, точно золотыя искорки, сверкали пятна солнечныхъ лучей, съ ея люстрой, въ хрустальныхъ призмахъ которой лучи свѣта преломлялись и играли на висѣвшей на стѣнѣ мадоннѣ съ младенцемъ, возносящейся къ облакамъ въ ореолѣ поклоненія земныхъ и небесныхъ святыхъ.

Но передъ этимъ днемъ я пережилъ ночь,

стоявшую въ странномъ противорѣчїи со всей той жизнью, которая такъ незамѣтно и неожиданно стала моею жизнью. Это было наканунѣ моего вѣнчанія. Я былъ одинъ у себя въ комнатѣ, съ которой мнѣ предстояло теперь разстаться, и мысли мои невольно обратились къ прошлому. Былъ конецъ августа; немногимъ больше года прошло съ того дня, съ котораго началась перемѣна въ моей судьбѣ. Августовская луна, свѣтлая и ясная, смотрѣла въ мои окна, на улицѣ было тихо, и я медленно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, прощаясь съ моею прошлою жизнью. Какъ если бы всѣ мои прежнія мысли и переживанія сохранились въ мебели, обояхъ, въ стѣнахъ, пропитали самую атмосферу этихъ комнатъ, въ которыхъ я прожилъ столько лѣтъ,— все, что я думалъ раньше, всѣ незначительныя воспоминанія, въ которыхъ отражалась моя прежняя жизнь, заговорили теперь; они шептали мнѣ свои молчаливыя рѣчи и держали меня въ состоянїи неопредѣленной мечтательности, полной, какъ мнѣ казалось, какихъ-то счастливыхъ предчувствій. Сердце мое было полно мягкости, какъ у человѣка, чувствующаго избытокъ благодарности и ищущаго кого-нибудь, на кого онъ могъ бы его излить. И въ ожиданїи того, что должно было наступить, я думалъ о томъ, что было.

Внезапно мнѣ пришло въ голову, что въ те-

ченіе всего этого года я не жилъ, какъ раньше, я сталъ другимъ, и я забылъ свое прежнее я, какъ забываютъ платье, которое перестаютъ носить. Все, чѣмъ я былъ, и все, что было, встало теперь изъ тѣни прошлаго, поднялось, полное угрозы противъ меня, изъ мрака существованія, и я въ первый разъ вспомнилъ, что я больше не говорилъ съ тѣмъ, съ другимъ, когда оставался одинъ. Это открытіе сначала вызвало во мнѣ улыбку, какъ смѣшное ребячество, но въ то же время я почувствовалъ какой-то странный страхъ. Словно я забылъ что-то, чего не имѣлъ права забывать, словно счастье сдѣлало меня несправедливымъ и невнимательнымъ. У меня было почти такое чувство, словно я пренебрегъ обязанностью. И думая объ этомъ, я вдругъ вздрогнулъ. Голосъ, который такъ часто звучалъ во мнѣ раньше, теперь заговорилъ опять въ первый разъ за весь этотъ годъ. Ясно и отчетливо, какъ если бы я былъ не одинъ въ комнатѣ, я услыхалъ этотъ голосъ. Онъ говорилъ: „Не дѣлай этого! Не дѣлай этого! Не дѣлай этого!“

Невыразимый страхъ овладѣлъ мною. Чего онъ хотѣлъ отъ меня? Чего хотѣлъ этотъ голосъ? Почему онъ заговорилъ какъ разъ теперь, когда прошедшее погребено, и я едва началъ чувствовать себя счастливымъ? Какъ бы противъ воли возвращаясь къ прошлому, я началъ

думать или говорить, какъ раньше. Я подумалъ: „Чего ты хочешь отъ меня“? „Я хочу спасти тебя“, отвѣтилъ голосъ. „Почему ты не говорилъ раньше?“ спросилъ я опять. „Я говорилъ и говорилъ. Но ты меня не слышалъ“, прозвучалъ отвѣтъ. „Да, но теперь слишкомъ поздно“, возразилъ я, „теперь поздно“. „Сегодня еще не поздно, но завтра будетъ поздно“, отвѣтилъ снова тотъ-же голосъ. „Уѣзжай, уѣзжай. Не теряй ни одной минуты“.

Такъ я ходилъ взадъ и впередъ, безъ словъ говоря съ самимъ собою. Я не могу объяснить, какъ это было возможно, я знаю только, что это было такъ. Вокругъ меня сумерки стужались, и луна скрылась за облаками. Я зажегъ лампу, въ комнатѣ стало свѣтло, но голосъ внутри меня не умолкалъ. Онъ говорилъ такъ громко, что мнѣ почти казалось, что я слышу его внѣшнимъ слухомъ. Я ломалъ руки въ тоскѣ и ходилъ безъ отдыха, словно я былъ осужденъ именно въ эту ночь не найти себѣ покоя, часъ за часомъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, борясь со своими собственными чувствами. Но я не побѣдилъ ихъ, и когда я, наконецъ, легъ въ постель, продолжая бороться съ силами, оспаривавшими другъ у друга власть надъ моей душой, я мало походилъ на человѣка, который на слѣдующій день долженъ былъ итти къ вѣнцу.



Когда я на слѣдующее утро всталъ, я чувствовалъ себя разбитымъ и слабымъ, какъ послѣ долгой болѣзни, я былъ блѣденъ, и въ томъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ я находился, мнѣ показалось, что я постарѣлъ за эти нѣсколько часовъ, которые прошли съ тѣхъ поръ, какъ я простился съ Маргитъ. Но по мѣрѣ того, какъ я одѣвался, ночныя мысли все больше уходили вглубь, тонули въ забвеніи, а выглянувъ въ окно, я увидалъ, что улица залита солнцемъ. Я открылъ окно и впустилъ въ комнату теплый лѣтній воздухъ. Я почувствовалъ, какъ радость снова подымается въ груди моей, — словно совершенно новый человѣкъ проснулся во мнѣ. Мнѣ пришло въ голову, что мнѣ никогда больше не придется быть одинокимъ, что никогда больше я не буду чувствовать этого страха, который называется паническимъ ужасомъ и который кто-то называлъ боязнью передъ собственной природой. Мнѣ казалось, что я всю ночь провелъ въ дурномъ снѣ, не то въ бодрствующемъ, не то въ спящемъ состояніи, или въ томъ и другомъ. Но теперь я снова былъ бодръ, теперь меня ждетъ счастье, никогда я больше не буду спать одинъ, никогда больше не буду слышать этого голоса, который не былъ моимъ голосомъ. Я забылъ о немъ, какъ забываешь о болѣзни, когда считаешь себя выздоровѣвшимъ. Полный нетерпѣнія,

я вышелъ, купилъ большой букетъ розъ и, вопреки всѣмъ правиламъ, отправился съ утра къ родителямъ своей невѣсты, только для того, чтобы увидеть Маргитъ.

Она испустила восклицаніе, когда я вошелъ. Ибо женихъ не долженъ въ день свадьбы видѣть свою невѣсту до вѣнчанія, иначе это предвѣщаетъ несчастье. Но я поцѣлуями прогналъ ее страхъ, который, впрочемъ, былъ не особенно силенъ; я остался тамъ все утро и все время находился въ состояніи, котораго не могу описать. Было-ли это счастье, или печаль и страхъ, что наполняло мнѣ душу, я не зналъ; но слезы безпрестанно подступали къ глазамъ моимъ. Но когда я пошелъ домой, чтобы переодѣться, я былъ спокоенъ и доволенъ, какъ всѣ предыдущіе дни.

Удивительно, до какой степени я помню все до мельчайшихъ подробностей; все, что происходило въ теченіе этого дня. Я помню, что пуговица оторвалась отъ моей сорочки, и я долженъ былъ ее пришить, что я уронилъ свои бѣлыя перчатки, вынимая ихъ изъ ящика, что, окончивъ со своимъ туалетомъ, я принялся читать газету, столбецъ за столбцомъ, только, чтобы убить какъ-нибудь время. Я все это помню, но не такъ, какъ обыкновенно помнятъ повседневныя мелочи. Все это сохранилось у меня въ памяти съ такой остротой, которая рисуетъ всѣ

эти незначительные факты въ неестественно-яркомъ свѣтѣ. Въ воспоминаніи я вижу все время себя самого. Какъ если бы я могъ заглянуть въ свое собственное окно и черезъ него видѣть все, что я дѣлаю. Я еще вижу, какъ я накинулъ пальто на руку, какъ надѣлъ шляпу, я слышу звукъ ключа, который я повернулъ въ замкъ, запирая за собою дверь, слышу свои собственные шаги по лѣстницѣ и стукъ захлопнувшейся калитки.

Потомъ я больше ничего не помню до того момента, когда я стоялъ передъ пасторомъ въ маленькой гостиной, гдѣ чехлы были сняты съ мебели, гдѣ солнце бросало сквозь призмы люстры снопы разноцвѣтнаго свѣта на корону и волосы невѣсты. Вся въ бѣломъ, стройная, юная и чистая, она стояла рядомъ со мной, и я надѣлъ ей свое кольцо на палецъ. Въ ушахъ моихъ прозвучали слова пастора: „Возьми ее себѣ въ жены и люби ее въ радости и въ горѣ“. Я стоялъ и ждалъ, что почувствую, какъ счастье наполняетъ грудь мою. Но я ничего не чувствовалъ, я только ждалъ, и мнѣ слышался точно шумъ большихъ крыльевъ, обвѣвавшихъ меня. Я думалъ, что это торжественная минута счастья наполняетъ меня такимъ благоговѣніемъ. Какъ мало я зналъ тогда, что то, что происходило, было прямой противоположностью тому, что я видѣлъ, думалъ я

предчувствовалъ, противоположностью самому священному акту, вызывавшему слезы на глазахъ у всѣхъ, только не у меня.

Было рѣшено, что мы нѣсколько дней проживемъ въ одномъ изъ отелей, а затѣмъ я хотѣлъ увезти Маргитъ, чтобы показать ей, какъ прекрасенъ свѣтъ, посѣтить снова тѣ мѣста, въ которыхъ я въ своемъ одиночествѣ чувствовалъ себя, какъ дома, и насладиться еще разъ ихъ красотой, отраженной въ ея юной впечатлительности и воспримчивости. Маргитъ пожелала такимъ образомъ для того, чтобы не сразу оставлять стариковъ однихъ, и я подчинился этому, потому что таково было желаніе Маргитъ. И когда наступилъ вечеръ, мы, сопровождаемые молчаливыми благословеніями стариковъ, отправились къ себѣ домой, въ гостиницу.

Какъ ясно я помню этотъ короткій переѣздъ. Какъ ясно я помню, какъ Маргитъ склонилась ко мнѣ, плача и смѣясь, что, какъ говорятъ, дѣлаетъ каждая женщина въ день своей свадьбы, какъ мы, наконецъ, остались одни, и какъ мнѣ казалось, что теперь я избавлюсь отъ всѣхъ мучительныхъ думъ.

И такъ оно и было. Боже великій, я избавился отъ всякой печали, отъ всѣхъ сомнѣній, мнѣ казалось, что годы, раздѣлявшіе насъ, исчезли, что ихъ стерла великая справедливость, по-

дарившая мнѣ, наконецъ, то, на что я никогда даже не надѣялся въ жизни. Я, мужчина, самъ готовъ былъ плакать отъ радости, и мнѣ кажется, что я это и дѣлалъ. И когда настало утро со своимъ яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, я почувствовалъ то счастье, какое желалъ чувствовать весь предыдущій день. И когда я одѣлся, меня потянуло къ Маргитѣ, потянуло такъ, точно я былъ разлученъ съ ней недѣли и мѣсяцы. Я долженъ былъ ее увидеть, и я снова вошелъ въ спальню.

Она сидѣла передъ зеркаломъ; солнце, пробиваясь черезъ спущенныя шторы, окружало всю ея фигуру потокомъ мягкаго свѣта, образуя золотистый ореолъ вокругъ ея волосъ, которые она скручивала руками и прикалывала на затылкѣ. Ея обнаженныя руки и спина розовѣли въ этомъ причудливомъ освѣщеніи, и когда я приблизился къ ней, она обернула ко мнѣ свое лицо, сіявшее улыбкой счастья. Никогда она не казалась мнѣ такой лучезарной, такой юной, никогда сознание, что она моя, не наполняло меня такимъ неизъяснимымъ ликованіемъ. Я не рѣшался подойти къ ней, я только стоялъ и смотрѣлъ въ эти глаза, говорившіе безъ словъ, пока она не протянула ко мнѣ свои руки, и я наклонился къ ней, чтобы встрѣтиться съ ея устами въ поцѣлуѣ.

Вдругъ въ глазахъ у меня потемнѣло, я выпрямился съ ощущеніемъ, словно земля ускользаетъ у меня изъ-подъ ногъ. На ея шеѣ, подъ кружевомъ сорочки, я увидалъ маленькое красное пятнышко. Я стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на него и чувствовалъ, какъ кровь отлила у меня къ сердцу. Я узналъ это пятно. Я видѣлъ его уже раньше. Въ душѣ моей, какъ молнія, сверкнуло полузабытое воспоминаніе, и, какъ утопающій, я сталъ ловить воздухъ. Я увидалъ передъ собою другую женщину, тридцатипятилѣтнюю женщину. Я увидалъ себя самого молодымъ человѣкомъ, лежащимъ на колѣняхъ у ногъ ея и прижимающимся губами къ этому самому красному пятну. Я видѣлъ это все такъ ясно передъ собою, словно начово переживалъ это. Тревожный вопросъ, не боленъ-ли я, вывелъ меня изъ этого состоянія.

Я отвѣтилъ Маргитъ, какъ могъ. Я сослался на внезапную дурноту, сказалъ, что это бываетъ со мной часто, но не имѣетъ никакого значенія, и что мнѣ нужно только выйти на свѣжій воздухъ для того, чтобы это прошло. Да знаю-ли я, что я сказалъ? Я не помню, что я говорилъ ей, не знаю, повѣрила-ли она мнѣ. Какъ пьяный, я, шатаясь, вышелъ изъ комнаты и бросился вонъ изъ дому.

Что тутъ еще рассказывать? Что я могу ска-

зять больше, какъ то, что все, что жизнь сдѣлала со мною, я бы хотѣлъ передѣлать наново, все, съ перваго дня и до послѣдняго. Существовалъ одинъ человѣкъ, котораго я любилъ, и у этого человѣка я укралъ все солнце и тепло его жизни. Ибо она никогда не сможетъ забыть, что человѣкъ, которому она подарила свое довѣріе, бѣжалъ отъ нея на слѣдующій день послѣ той ночи, когда она отдалась ему въ любви.

Я отправился къ старику. Я нашель его одного дома, жена его, усталая отъ всѣхъ волнений предыдущаго дня, еще не вставала. Я нашель его одного, и мы долго говорили. Я выспросилъ его обо всемъ, и я не думаю, чтобы онъ видѣлъ мое состояніе. По внѣшности я былъ холоденъ и спокоенъ, я чувствовалъ, что долженъ во что бы то ни стало сохранить всю свою энергію, чтобы не выдать себя. Если бы я уступилъ возбужденію, которое каждую минуту готово было прорваться наружу, я не былъ бы въ состояніи больше управлять ни моими поступками, ни моею рѣчью. А я долженъ былъ знать, долженъ былъ знать все, для того, чтобы ужасъ моей жизни не посѣялъ вокругъ себя еще больше зла, чѣмъ уже было посѣяно. У меня, впрочемъ, не было никакихъ другихъ плановъ, кромѣ одного желанія—знать, и я узналъ имя женщины, которая была матерью моей жены. Я все время го-

ворилъ съ полнымъ самообладаніемъ, не выдалъ своей тайны ни однимъ словомъ.

Но никто никогда не сможетъ мнѣ сказать, почему эта женщина, которую я зналъ въ теченіе нѣсколькихъ короткихъ недѣль своей жизни, почему она скрыла отъ меня тайну, лишивъ меня возможности раздѣлить ее съ ней. Никогда я не узнаю, что было причиной ея молчанія. Ничего, ничего я не буду знать больше,—кромѣ того, что я совершилъ преступленіе въ тотъ часъ, когда не понималъ, что Маргитъ была моя дочь.

Я не показывался больше въ этотъ день, когда несчастье обрушилось на меня. Я нашелъ предлогъ и въ тотъ-же день уѣхалъ, оставивъ Маргитъ у стариковъ. Я ѣхалъ, не останавливаясь, день и ночь, пока не очутился далеко отъ моего дома и моей родины. Мнѣ казалось, что міръ не достаточно великъ для того разстоянія, которое я хотѣлъ положить между мною и ею.

И вотъ я сижу здѣсь, и часы ползутъ медленно, медленно, какъ песчинки въ старыхъ песочныхъ часахъ, которые можно до безконечности поворачивать и поворачивать, и все такъ-же, до безконечности песокъ будетъ струиться сквозь узкое горлышко ихъ. Знаете-ли вы, счастливые люди, что это значитъ желать стереть изъ прошлаго какой-нибудь поступокъ и не быть въ со-



стояніи ничего поправить? Я испыталъ это, я, который ради нея желалъ бы передѣлать всю свою жизнь и знаю только то, что я старъ, что за нѣсколько дней щеки мои покрылись морщинами и волосы мои посѣдѣли. Ужась, который я пережилъ, наложилъ свою печать на мою жизнь, и теперь мнѣ немного остается сдѣлать — остается только покончить съ нею. Передъ этимъ я хотѣлъ бы только написать Маргитъ и проститься съ нею. Но я этого не могу. Ибо что я могу ей сказать?

Здѣсь-же, въ чужой странѣ, гдѣ никто меня не знаетъ и я никого не знаю, здѣсь я умру одиноко, и недолго мнѣ этого ждать. Скоро я сдѣлаю это, и Маргитъ будетъ думать, что я это сдѣлалъ въ минуту потери разсудка, или она будетъ думать, что я умеръ для того, чтобы пощадить ее. Ничего другого она никогда не узнаетъ и потому будетъ долго оплакивать меня. Но рано или поздно ея молодость побѣдитъ ея печаль, и тогда она снова сможетъ быть счастлива, потому что она ничего не будетъ знать.

Но теперь меня больше всего занимаетъ уже не загадка моей собственной жизни, это кажется мнѣ теперь менѣе всего имѣющимъ значенія. Но я хотѣлъ бы имѣть возможность шепнуть Маргитъ, что судьба имѣла въ виду, бросая эту тѣнь на ея невинную жизнь. Ради этой возможности

я желалъ бы, чтобы былъ гдѣ-нибудь духъ, добрый или злой, котораго я могъ бы спросить и который могъ бы мнѣ отвѣтить на это.

Если бы онъ потребовалъ въ обмѣнъ за это мою душу, я бы охотно взялъ на себя вѣчныя муки, только чтобы имѣть возможность подарить Маргитъ слово, которое уничтожило бы тѣнь, брошенную мною на ея жизнь. вмѣсто этого, единственное, что я могу сдѣлать, это умереть, и я знаю, что рука моя не будетъ дрожать, когда придетъ мой часъ.

Но умереть за кого-нибудь — это не трудно. Мнѣ гораздо тяжелѣе представлять себѣ ихъ мысленно, этихъ трехъ человѣкъ, которыхъ я любилъ въ жизни, Маргитъ и обоихъ стариковъ, называвшихъ меня своимъ сыномъ. Они будутъ сидѣть всѣ вмѣстѣ въ гостиной, на мебель которой опять будутъ надѣты бѣлые чехлы, и тамъ они получатъ письмо, которое я написалъ старикамъ—не Маргитъ—чтобы объяснить мою смерть. Оба старика будутъ сидѣть, окаменѣвъ отъ ужаса, никто не найдетъ ни одного слова. Они, можетъ быть, проклянутъ этого чужого человѣка, ворвавшагося къ нимъ въ домъ и опустошившаго его. Но Маргитъ! Я не рѣшаюсь думать о Маргитъ. — — —

Я чувствую только тяжелую руку, подсовывающую оружіе въ мою руку, я слышу звукъ вы-

стрѣла, отдающійся эхомъ во мнѣ самомъ, и я знаю, что когда глаза мои закроются, я въ ту же минуту умру, и Маргитъ никогда не будетъ имѣть возможности спросить меня.

Я знаю, что это — все, а все остальное ничто. . . . .  
. . . . .



## ОГЛАВЛЕНІЕ.

### ПЕРЪ ГАЛЬСТРЕМЪ:

1. Thanatos . . . . .	11
2. Простая трагедія . . . . .	47
3. Въ синемъ лѣсѣ . . . . .	73

### АВГУСТЪ БЛАНШЪ:

I. Фигге Хеглундъ . . . . .	143
II. Жена . . . . .	152
III. Вторая жена . . . . .	162
IV. Оконное стекло въ Кожевенномъ переулкѣ . . . . .	172
V. Яковъ Экелундъ . . . . .	178
VI. Старый полковникъ . . . . .	186
VII. Маленькая полковница . . . . .	195
VIII. Заколдованный домъ на Брюг- гаррендѣ . . . . .	204

### ГУСТАВЪ АФЪ ГЕЙЕРСТАМЪ:

I. Любовь . . . . .	229
II. Тайна лѣса . . . . .	314
III. Маргитъ . . . . .	333

(K) 29249